63.521(=65)
П24
14469

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Томъ II, 1.

Publications de Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Volume II, 1.

48 4/3

ОЧЕРКИ

БЫТА ПРІАЯНСКИХЪ ТУНГУСОВЪ.

Э. К. Пекарскаго и В. П. Цвѣткова.

СЪ 4 КАРТАМИ И ОДНОЙ ТАБЛИЦЕЙ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 16 ноября 1911 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1913.

63.521(=65)

СБОРНИКЪ

МУЗЕЯ ПО АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

9(c187)
П23
П.

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE

ST.-PÉTERSBOURG.

XVII.

1913.

ÉTUDES

SUR LA VIE DES TOUNGOUSES

HABITANT PRÈS DU PORT AYAN

PAR

E. Piekarski et W. Cvetkov.

AVEC 4 CARTES ET 1 PLANCHE.

(Présenté à l'Académie le 16 novembre 1911).

ST.-PÉTERSBOURG. 1913.

63.521(=65)
П-24

ОЧЕРКИ
БЫТА ПРІАЯНСКИХЪ ТУНГУСОВЪ

Э. К. Пекарскаго и В. П. Цвѣткова.

СЪ 4 КАРТАМИ И ОДНОЙ ТАБЛИЦЕЙ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 16 ноября 1911 г.).

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 1976
02
08 84

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1913 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1903 году я получилъ приглашеніе участвовать въ Нелькано-Аянской экспедиціи, организованной якутской областной администраціей, подъ начальствомъ гражданскаго инженера В. Е. Попова, для изысканія пути между селеніемъ Нельканъ (при р. Маѣ) и портомъ Аянъ. На мою долю выпало изслѣдованіе, по заранѣе составленной программѣ, экономическаго положенія тунгусовъ, бродящихъ между Нельканомъ и Аяномъ. Почти по всѣмъ пунктамъ этой программы мною былъ собранъ достаточно обширный матеріалъ, если принять во вниманіе тотъ незначительный промежутокъ времени, которымъ я располагалъ для выполненія возложенныхъ на меня работъ, именно: съ 21 іюля по 12 сентября. За это время мною опрошено было 66 главъ тунгусскихъ семействъ, и такимъ путемъ собраны любопытныя данныя о матеріальной сторонѣ быта названныхъ тунгусовъ, о которой до сихъ поръ въ литературѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Эта сторона тунгусской жизни могла бы быть иллюстрирована собранными мною для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III коллекціями (до 400 нумеровъ) предметовъ, описанныхъ на мѣстѣ и дающихъ наглядное представленіе о промыслахъ и занятіяхъ тамошняго тунгусскаго населенія. Такимъ образомъ, мнѣ удалось собрать матеріалъ для характеристики пріаянскихъ тунгусовъ какъ въ экономическомъ (главная моя задача), такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Собранный мною матеріалъ, за выѣздомъ моимъ въ 1905 г. изъ предѣловъ Якутской области, оставался въ распоряженіи моего товарища по экспедиціи В. М. Іонова, который обработку этого матеріала поручилъ В. П. Цвѣткову. На себя г. Іоновъ взялъ трудъ дать точный переводъ моихъ многочисленныхъ записей на якутскомъ языкѣ, на коемъ я объяснялся съ тунгусами при производствѣ подворной переписи и, вообще, при опросахъ пріаянскихъ тунгусовъ, принадлежащихъ официально къ такъ называемому Майскому вѣдомству тунгусовъ Якутскаго округа. При этомъ

г. Іонову пришлось, конечно, выяснять и ту картину жизни тунгусовъ, на фонѣ которой собранные мною цифры и факты получаютъ свой опредѣленный смыслъ.

Обработанный г. Цвѣтковымъ матеріалъ поступилъ ко мнѣ лишь въ 1910 году, а черновой матеріалъ — только въ 1911 году. До сихъ поръ мною были опубликованы главы IV, VI—IX въ «Живой Старинѣ» 1911, вып. II—IV, подъ заглавіемъ: «Пріаянскіе тунгусы», да въ журналѣ «Сибирскіе Вопросы» за тотъ же годъ (№№ 9—10) данъ довольно подробный отчетъ о сдѣланномъ мною въ С.-Петербургскомъ Сибирскомъ Собраніи докладѣ на тему: «Изъ жизни пріаянскихъ тунгусовъ», въ которомъ я коснулся, главнымъ образомъ, вопроса о чайной возкѣ, какъ основномъ промыслѣ мѣстнаго населенія. Здѣсь упомянутыя главы помѣщаются въ нѣсколько измѣненномъ, дополненномъ и исправленномъ видѣ. Остальная часть появляется въ печати впервые.

Считаю долгомъ оговориться, что общіе выводы, сдѣланные на основаніи собраннаго мною матеріала, и освѣщеніе разныхъ сторонъ жизни пріаянскихъ тунгусовъ принадлежатъ г. Цвѣткову и оставлены мною неприкосновенными. При подготовленіи настоящаго труда къ печати, я ограничился провѣркой фактическаго матеріала и снабженіемъ текста необходимыми примѣчаніями и дополненіями.

Приношу искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, не отказавшимъ мнѣ въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ и сообщеніи своихъ замѣчаній и поправокъ: Л. С. Бергу, А. А. Бялыницкому-Бирулѣ, В. Л. Котвичу и Л. Я. Штернбергу.

Эд. Пекарскій

I.

Къ исторіи пріаянскаго края.

Свѣдѣнія изъ исторіи пріаянскаго края собирались аянской экспедиціей лишь попутно съ выясненіемъ современнаго положенія тунгусовъ, составлявшимъ главную задачу изслѣдованія. Особенно незначительны свѣдѣнія о промысловой жизни тунгусовъ въ прежнее время. Однако, и данныя экспедиціи, вмѣстѣ съ архивными дѣлами Якутскаго областного управленія, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь пріаянскаго района за вторую половину XIX вѣка.

Оживленіе края и сближеніе его съ административными и торговыми пунктами Якутской области начались съ 1844 года, когда Россійско-Американская Компанія, имѣвшая крупную торговлю на крайнемъ востокѣ Азіи, открыла на побережьѣ Охотскаго моря бухту Аянъ. Удобство вновь открытой бухты для стоянки судовъ — сравнительно съ охотской бухтой, не защищенной отъ вѣтра и мелководной — побудило Россійско-Американскую Компанію отыскать путь для соединенія Аяна съ Якутскомъ. Съ того же 1844 года была найдена вьючная дорога отъ Аяна до Нелькана. Въ 1845 году Компанія основала въ Аянѣ факторію для склада богатаго пушного товара, привозившагося съ острововъ Ситха, Кадьякъ и другихъ, расположенныхъ у западныхъ береговъ Сѣверной Америки. Торговые расчеты Россійско-Американской Компаніи совпали съ желаніемъ бывшаго тогда амурскимъ генералъ-губернаторомъ графа Муравьева оживить востокъ Азіи и укрѣпить связь его съ главными административными центрами. Для выполненія этой цѣли графъ Муравьевъ заселилъ рѣку Маю до Нелькана и районъ между Нельканомъ и Аяномъ крестьянами-переселенцами изъ Забайкалья. Въ 1849 году, съ уничтоженіемъ Охотскаго областного и портоваго управленій и подчиненіемъ Охотска Якутску, Россійско-Американская факторія въ Аянѣ получила значеніе правительственнаго порта[1]). Администра-

1) Слюнинъ, Н. В., д-ръ, Охотско-Камчатскій край, т. I, стр. 85.

тивныя попытки оживить побережье Маи и Нелькано-Аянскаго района оказались неудачными. Съ самаго начала было ясно, что искусственное оживленіе края не дастъ ожидавшихся результатовъ. Глубокая разница новыхъ условій жизни сравнительно съ прежними, неспособность переселенцевъ приспособиться къ новымъ условіямъ, некультурность пришельцевъ заранѣе обрекали на неудачу ихъ попытки заняться земледѣліемъ. Кромѣ того, система поддержки переселенцевъ казенными пайками на случай неудачи въ промыслахъ лишила ихъ, по мнѣнію администраціи, основного стимула къ труду, подорвала ихъ энергію, вызывала желаніе питаться за счетъ казны, не заботясь о развитіи промысловъ. Обслуживаніе переселенцами почты, открывшейся въ 1849 году, кончилось еще печальнѣе. Для зимней гоньбы крестьянамъ были даны отъ казны по 40 штукъ вилюйскихъ оленей на каждую станцію. Крестьяне не имѣли ни малѣйшаго представленія объ уходѣ за оленями и обращеніи съ ними. Зная лишь по горькому опыту, какъ трудно бываетъ поймать оленя, они за недѣлю передъ отправкой почты ловили оленей и держали ихъ на привязи. Олени, питающіеся лишь подножнымъ кормомъ, слабѣли и подыхали отъ безкормицы. Въ концѣ концовъ, администрація была вынуждена отобрать у крестьянъ обслуживаніе почты.

Попытки администраціи устроить трактъ между Нельканомъ и Аяномъ не привели ни къ чему. Суровыя природныя условія, отсутствіе энергіи и послѣдовательности у администраціи, несовершенство техники приводили къ тому, что сооружаемые мосты быстро смывались, просѣки зарастали вновь, гати размывались бурной весенней водой и гнили, ничуть не спасая проѣзжающихъ отъ обильныхъ топей, а, наоборотъ, часто служа западнями для болѣе довѣрчивыхъ и неопытныхъ изъ нихъ.

Устройство почтоваго сношенія между Аяномъ и Нельканомъ дало заработокъ немногимъ семействамъ тунгусовъ. Послѣ неудачи крестьянъ, администрація передала лѣтнюю гоньбу почты якутамъ, а зимнюю — оленеводамъ-тунгусамъ. Подрядчики-тунгусы снимали почту въ Аянѣ въ августѣ мѣсяцѣ, причемъ съ подрядчика требовался залогъ. На каждой станціи (между Нельканомъ и Аяномъ было 7 станцій) находились смотритель-подрядчикъ и 2 ямщика, на всѣхъ станціяхъ, слѣдовательно, 21 человѣкъ. По контракту полагалось держать по 4 пары почтовыхъ и одну пару обывательскихъ, держали же лѣтомъ по 12—14 лошадей, а зимой по 20 оленей на 10 нартъ. Почта больше 4 нартъ не занимала. Съ ней отправлялись правительственныя бумаги, дѣла, торговая корреспонденція—по одному разу въ мѣсяцъ. Проѣзжающихъ было много, особенно со стороны моря. Платили по 5 коп. сер. съ версты. За гоньбу подрядчики брали 200 рублей съ нарты за станокъ, а за Джугджурскій перевалъ — до 250 руб. Подрядчики, въ свою очередь, нанимали ямщиковъ, платя по 140 р.

съ парты безъ харчей оленному ямщику и 30—40 р. на хозяйскихъ харчахъ — безоленному. Зимняя гоньба почты считалась съ октября до 9-го марта. Кромѣ обслуживанія станковъ, тунгусы, жившіе на рр. Уй (около Аяна) и Нāча, получали заработокъ отъ перевозки пушнины Россійско-Американской Компаніи. 26 ноября они заключали контрактъ на опредѣленное число пудовъ, по 1 р. за пудъ до Нелькана; богатые подряжались на нѣсколько сотъ пудовъ. Этотъ промыселъ давалъ работу 20 тунгусамъ. Такимъ образомъ, почта и перевозка пушнины давали работу около 40 тунгусскимъ семействамъ. Компанія перевозила пушнину и на своихъ лошадяхъ. Лѣтомъ къ Петрову дню изъ Якутска приходили вьючные обозы съ тысячами вьюковъ масла для дальнѣйшей отправки его на о. Ситху. Часть прибывшихъ лошадей продавалась въ Аянѣ за 10—12—15 р., а на другой части отвозили назадъ компанейскую пушнину. Наконецъ, работа въ Аянѣ при Компаніи давала заработокъ мѣстному населенію, въ томъ числѣ и тунгусамъ. Центромъ района былъ Аянъ. Самый цвѣтущій періодъ его существованія былъ при Россійско-Американской Компаніи—до конца 60-хъ годовъ. Въ это время населеніе его доходило до 300 человѣкъ; состояло оно изъ солдатъ, казаковъ, чиновниковъ и рабочихъ и служащихъ Компаніи. Содержаніе почти всѣхъ жителей ложилось на Компанію. Даже полицмейстеръ и священникъ получали жалованье отъ нея. Въ Аянѣ были устроены торговая контора, больница, церковь, школа. Аянская бухта кишѣла американскими китоловными судами, приходило 6 компанейскихъ колесныхъ пароходовъ, привозившихъ съ Ситхи и Кадьяка бобровъ и отвозившихъ на эти острова мясо и масло. Привозимая пушнина складывалась въ пакгаузахъ и отправлялась лѣтними вьюками въ Якутскъ. Въ пакгаузахъ же были всякіе товары для мѣстныхъ потребностей. Цѣны на товары были ниже теперешнихъ: чай байховый стоилъ 1 р. 60 к., головной сахаръ — 28 коп., песочный — 20 коп., безменъ масла ($2^1/_2$ ф.) — 99 к., ситецъ — 25—30 к., крахмальная сорочка—2 р., сапоги кунгурскіе—4 р., зипунъ (грубое сукно)—1 р. 50 к. арш., мясо — 3 р. пудъ, ржаная мука (пароходомъ)—1 р. 30 к. пудъ, крупчатка (изъ-за границы)—2 р. 40 к. Весь привозный товаръ распредѣлялся между Аяномъ, Нельканомъ и Якутскомъ.

Рабочимъ при Компаніи выдавали 100 р. жалованья въ годъ при мѣсячномъ пайкѣ въ $1^1/_2$ п. муки, 5 ф. крупы, 3 ф. соли и 30 ф. мяса. Большинство рабочихъ состояло изъ плотниковъ и пильщиковъ; были 3 кузнеца, 3 столяра. Жалованье выдавалось американскими долларами, по курсу 1 р. 33 к. за долларъ. Кромѣ того, держались кожаныя деньги (для Ситхи) и жестяныя марки. Дѣло Россійско-Американской Компаніи переходило въ руки американской же фирмы «Хольмъ, Вольшъ и К⁰» и др.

Съ уходомъ Компаніи начался упадокъ жизни пріаянскаго края. Аянъ, содержавшійся на средства Компаніи, опустѣлъ. Контора и больница были закрыты, солдаты и казаки ушли, штатъ рабочихъ былъ сокращенъ, привившееся огородничество было заброшено. Въ это же время (въ 1867 г.) былъ закрытъ Аянскій трактъ. Послѣ смерти (въ концѣ 80-хъ годовъ) довѣреннаго фирмы «Хольмъ, Вольшъ и К⁰» Филиппеуса, оживлявшаго край торговлей, жизнь Аяна совершенно замерла. Въ немъ остались лишь два казака для взиманія ясака съ тунгусовъ. Упадокъ Аяна и закрытіе почтоваго тракта отразились и на жизни района. Часть тунгусовъ, кормившихся около Компаніи, продававшихъ ей свою пушнину, покупавшихъ въ обмѣнъ товары и припасы, разбрелась по всему району, принявшись за старинные свои промыслы.

Торговое движеніе имѣло большое вліяніе на заселеніе тунгусами района. Изъ 66-ти описанныхъ тунгусскихъ семействъ 27 осѣли въ аянскомъ районѣ 60—25 лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ періодъ торговаго движенія. Откуда явились эти 27 семействъ, неизвѣстно. Вѣроятно, мѣстомъ ихъ прежняго жительства были сосѣднія рѣки: Учуръ, Маймаканъ, Ватомъ, а также г. Охотскъ. Можетъ-быть, часть ихъ жила и раньше въ аянскомъ районѣ, между Нелькаиомъ и Аяномъ, Алдомой и Лаҥтар'омъ. Къ такому предположенію приводятъ неясные отвѣты тунгусовъ, называющихъ иногда осѣданіемъ на теперешнемъ мѣстѣ жительства переселеніе въ районъ изъ сосѣднихъ районовъ, а иногда — переселеніе внутри самаго района. Картина заселенія пріаянскаго края за время отъ 40-хъ до 80-хъ годовъ неполна. По разсказамъ тунгусовъ, макагырцы, кюрбюгдинцы, 1-ый и 2-ой Эжанскіе роды жили между Нелькаиомъ и Аяномъ «съ незапамятныхъ временъ». Есть указанія, что для 2-го Эжанскаго рода «незапамятныя времена» начинаются съ 50-хъ годовъ XIX вѣка, когда они пришли въ аянскій районъ съ р. Маймакана. Около Аяна въ началѣ 50-хъ годовъ было около 20 жилищъ тунгусовъ, въ 1886 году — человѣкъ 200; это были макагырцы и 2-ые эжанцы. На р. Уй, близъ Аяна, тунгусы сходились лѣтомъ говѣть. На рѣкѣ Алдомѣ около 1850 года было больше 20 урасъ[1]); за 25 лѣтъ до экспедиціи, т.-е. въ 1878 году, на Алдомѣ жили макагырцы, Конуга, 1-ые эжанцы. Устье р. Лаҥтар и притоки ея (Улайканъ, Тэймэй, Мавай, Іҥал, Ојоктоһін) были «искони» жительствомъ макагырцевъ.

Картину разселенія тунгусовъ по пріаянскому району нѣсколько возстановляютъ и разсказы о свирѣпствовавшей здѣсь раньше оспѣ. Такъ, по словамъ тунгусовъ, въ 1845 году много народу умерло отъ нея на р. Че-

1) Временное жилище изъ конически поставленныхъ жердей, покрываемое берестяными и ровдужными (замшевыми) полстями.

ласинъ. Въ 1880 году оспа прошлась опять по Челасину и рѣкамъ Лаҷтар и Ватомъ.

До 1844 года всѣ тунгусы пріаянскаго района, а съ 1844 года до начала 80-хъ годовъ большинство ихъ, вели чисто бродячую жизнь со всѣми промыслами, которые были возможны въ данной мѣстности.

Самымъ главнымъ по значенію промысломъ являлось оленеводство. Безъ оленей бродячій тунгусъ не могъ свободно передвигаться, а, слѣдовательно, и добывать себѣ въ достаточномъ размѣрѣ пищу. У всѣхъ жившихъ въ 50-хъ годахъ на Уѣ и Нāчѣ тунгусовъ были олени: у зажиточныхъ по 50—100 штукъ, у среднихъ оленеводовъ 20—30. Алдомскіе тунгусы были бѣднѣе: они почти не имѣли оленей, занимались рыболовствомъ и охотой. Тунгусы-оленеводы, въ погонѣ за звѣремъ и въ поискахъ оленьихъ пастбищъ, иногда обходили весь берегъ Охотскаго моря. Промыслы звѣря по берегу были, повидимому, значительны; такъ, тунгусъ Михаилъ Пудовъ разсказываетъ, что онъ промышлялъ въ это время по 4—5 тысячъ бѣлокъ въ годъ и много дикихъ оленей. Когда Россійско-Американская Компанія открыла въ Аянѣ факторію, тунгусы начали стекаться сюда, какъ къ мѣновому и наймовому пункту. Въ то же время они не покидали и своихъ прежнихъ промысловъ; напр., тунгусы, жившіе на Уѣ, близъ Аяна, охотились за бѣлками, медвѣдями, обмѣнивая пушнину на компанейскіе товары. Годовая добыча бѣлокъ въ среднемъ равнялась 700—1000 штукъ на охотника. Бѣлка была главнымъ промысловымъ звѣремъ. Дикихъ оленей добывалось приблизительно 30 штукъ, медвѣдей — около 3; самострѣлами и плашками убивали лисицъ, охотились на дичь. Соболей въ аянскомъ районѣ, видимо, было мало; сохатыхъ (лосей) совсѣмъ не было.

Пушнина цѣнилась при Россійско-Американской Компаніи низко: бѣлка стоила 7—10 к., лисица красная—1—1½ р., а плохая — даже по 50 коп.; медвѣжья шкура цѣнилась дешевле 10 р. Изъ огнестрѣльнаго оружія была распространена кремневая винтовка, ходившая въ продажѣ по 15 р.

Съ 60-хъ годовъ звѣриный промыселъ началъ падать. Тунгусъ Василій Карамзинъ разсказывалъ: «Промышлялъ вмѣстѣ съ отцомъ звѣрей. Скопленную за 10 л. пушнину продали Филиппеусу: 20 тысячъ бѣлокъ по 25 к. за штуку, 10 соболей (одинъ соболь ушелъ за 150 р., цѣну остальныхъ не слышалъ), 300 красныхъ лисицъ по 3 р. 50 к., 50 сяводушекъ, 6 бурыхъ лисицъ по 60 р. Но это было больше 20-ти лѣтъ назадъ».

Сравнивая цѣны, указанныя Карамзинымъ, съ раньше приведенными, можно видѣть, что цѣна на пушнину въ концѣ 70-хъ годовъ значительно поднялась. Повышеніе цѣнъ на всю пушнину можетъ быть объяснено лишь меньшимъ предложеніемъ ея. Добычу Карамзиныхъ за десять лѣтъ слѣдуетъ считать очень удачной, но для того времени не типичной.

Большинство тунгусовъ добывало значительно меньше. Такихъ энергичныхъ, богатыхъ, проводившихъ все время въ охотѣ тунгусовъ, какими были Карамзины, слѣдуетъ считать исключеніемъ. Большинство же тунгусовъ должно было дробить свое время между другими промыслами, не столь доходными, но болѣе доступными, какъ, напр., рыболовство и охота на морскихъ животныхъ. Главнымъ промысловымъ морскимъ животнымъ была нерпа. Осенью и весной тунгусы отправлялись къ берегамъ Охотскаго моря, къ устьямъ болѣе крупныхъ рѣкъ (Алдомы и Лаҷтар'а) для нерпованія. Осенью они подкарауливали по ночамъ выходящихъ на берегъ нерпъ и убивали ихъ палками, а весной охотились на нихъ по льду съ ружьемъ. Главный сезонъ нерпованья былъ осенью. Въ большомъ количествѣ убивалось небольшое морское животное, извѣстное между тунгусами подъ названіемъ кумачан[1]). Мясо «кумачан'а» было широко распространенной пищей тунгусовъ. Лѣтомъ, а отчасти весной и осенью, по болѣе крупнымъ рѣкамъ: Алдомѣ, Лаҷтар'у, пріаянскому Ую, тунгусы занимались рыболовствомъ и пастьбой оленей.

Истребленіе цѣнной пушнины, которое призналъ и тунгусъ Василій Карамзинъ, знакомство съ болѣе привольными мѣстами, напр., съ Амурской областью, привычка къ бродячей жизни издавна побуждали тунгусовъ къ переселенію въ другіе районы. Въ архивѣ Якутскаго областного управленія и въ дѣлахъ майскаго тунгусскаго головы можно найти достаточно данныхъ, говорящихъ о неудержимомъ стремленіи тунгусовъ переселиться на Амуръ. Такъ, начальникъ Аянскаго порта, отъ 8 февраля 1863 г. за № 33, просилъ отъ макагырскаго головы свѣдѣній для Якутскаго Земскаго Суда о старшинѣ Карамзинѣ и его родовичахъ, желавшихъ переселиться въ Пріамурскую область. Якутскій Земскій Судъ, отъ 6 іюня 1864 г. за № 5312, предписалъ тому же головѣ истребовать отъ тунгусовъ Макагырскаго и 1-го Эжанскаго родовъ увольнительное согласіе на перечисленіе 34 душъ тунгусовъ тоже въ Пріамурскую область и предѣставить его въ Судъ. Въ 1888 году началось длинное дѣло о переселеніи старосты 2-го Бытальскаго рода съ сородовичами[2]).

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росло переселенческое движеніе тунгусовъ и, въ концѣ концовъ, привело къ тому, что администрація и даже тунгусскіе старосты потеряли счетъ подвѣдомственнымъ имъ тунгусамъ.

Переселенческое движеніе тунгусовъ не встрѣтило сочувствія какъ со стороны якутской администраціи, такъ и со стороны администраціи тѣхъ

1) Научное названіе «кумачан-а» установить не удалось. Можно лишь съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что «кумачан» принадлежитъ къ тюленямъ, а не къ моржамъ, къ которымъ онъ ошибочно отнесенъ въ статьѣ «Пріаянскіе тунгусы» (Жив. Стар. 1911, вып. III—IV, стр. 335). См. ниже (стр. 53) примѣчаніе А. А. Бялыницкаго-Бирули.

2) Справки взяты изъ дѣлъ майскаго тунгусскаго головы.

областей, куда тунгусы желали переселиться. Такъ, военный губернаторъ Амурской области, въ отвѣтъ на предложеніе якутскаго губернатора выселить обратно тунгусовъ 3-го Эжанскаго рода, 14 августа 1886 г. за № 5208 отвѣтилъ, что «староста 3-го Эжанскаго рода Федотовъ съ сородичами въ Амурскую область не перечислены и о понужденіи ихъ возвратиться въ Якутскую область сдѣлано надлежащее распоряженіе»[1]).

Много можно было бы привести и другихъ «надлежащихъ распоряженій» о розыскѣ и возвращеніи переселившихся тунгусовъ. Причина несочувственнаго отношенія администраціи къ переселеніямъ заключалась въ томъ, что, съ уходомъ тунгусовъ изъ Якутской области, затруднялось выполненіе натуральныхъ повинностей, напр., по перевозкѣ должностныхъ лицъ и священниковъ по болѣе глухимъ мѣстамъ. Какъ бы то ни было, естественное желаніе тунгусовъ заниматься своими промыслами въ болѣе счастливыхъ мѣстахъ и тѣмъ обезпечить свое пошатнувшееся хозяйство не было удовлетворено. И, хотя тунгусы мало склонны были обращать вниманіе на распоряженія администраціи и часто переселялись за черту Якутской области, административный тормозъ переселеній заставилъ значительную часть тунгусовъ остаться на старыхъ, обѣднѣвшихъ мѣстахъ, гдѣ они были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ.

Послѣ смерти Филиппеуса, дававшаго заработокъ хотя части тунгусовъ, положеніе ихъ должно бы было оказаться очень стѣсненнымъ. Однако, съ самаго же начала 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, между Аяномъ и Нельканомъ началось новое, болѣе прочное товарное движеніе — возка кирпичнаго чая. Этотъ новый промыселъ, развиваясь годъ отъ году, все болѣе оттѣснялъ на задній планъ слабые коренные промыслы тунгусовъ и, ко времени Нелькано-Аянской экспедиціи 1903 года, занималъ уже первое мѣсто среди промысловъ, обративъ всѣ остальные въ подсобные. Поэтому, какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, но, говоря о бродячихъ и кочевыхъ тунгусахъ даннаго района, приходится, прежде всего, говорить не объ оленеводствѣ, рыболовствѣ, звѣроловствѣ и охотѣ, а о возкѣ чая.

II.

Промыслы пріаянскихъ тунгусовъ.

а) Возка чая.

Перевозка кирпичнаго чая черезъ Аянъ и Нельканъ въ Якутскъ началась съ 1880 года. Въ этомъ году якутскій купецъ Иванъ Ивановичъ Силинъ, подыскивая новый, болѣе дешевый, путь для полученія русскихъ и

1) Изъ архива майскаго тунгусскаго головы.

иностранныхъ товаровъ, выписалъ изъ Одессы 3 тысячи пудовъ разнаго товара и изъ Владивостока 500 пудовъ кирпичнаго чаю, съ доставкой не черезъ Иркутскъ, какъ раньше, а воднымъ путемъ—черезъ Аянъ. Результатъ оказался вполнѣ благопріятнымъ: стоимость провоза съ пуда черезъ Иркутскъ равнялась 7—8 рублямъ, провозъ же черезъ Аянъ обошелся въ 4 р. 85 к. съ пуда; получилась экономія отъ 2 р. 15 к. до 3 р. 15 к. на пудъ. Въ 1881 г. Сплинъ повторилъ свой опытъ, а въ 1882 г. къ нему уже присоединились якутскіе купцы Эверстовъ и Громовъ. Въ 1885 г. въ Аянъ было выписано 10 тысячъ пудовъ товару, но, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ между Аяномъ и Нельканомъ, въ 1885—1886 гг. было отправлено въ Нелькапъ лишь $7^1/_2$ тысячъ, а остальныя $2^1/_2$ тыс. пудовъ должны были ожидать 1887 года. Доставка чая этимъ путемъ стоила въ то время 4 р. 40 коп. съ пуда.

Ограниченность перевозочныхъ средствъ между Нельканомъ и Аяномъ не позволила широко приспособить Аянъ для доставленія товаровъ въ Якутскъ. Ясно было, что по этому пути, при безлюдности края и бѣдности жителей, можно было перевозить лишь ограниченное количество груза. Кромѣ того, этотъ путь имѣлъ и свой довольно значительный недостатокъ: товаръ доставлялся въ Аянъ пароходомъ осенью и до зимы долженъ былъ оставаться въ Аянѣ, такъ какъ только зимній путь на оленяхъ можно было приспособить для перевозки товара въ Нельканъ; весной товаръ отправлялся отсюда на паузкахъ въ Якутскъ, куда приходилъ лишь лѣтомъ. Такимъ образомъ, на перевозку товара изъ Аяна до Якутска уходило около 9 мѣсяцевъ. Однако, выгода доставки была слишкомъ ощутительна, и въ результатѣ получился средній выходъ: черезъ Аянъ стали перевозить лишь товары восточнаго происхожденія — кирпичный и байховый китайскій чай, а выписка остальныхъ товаровъ производилась попрежнему черезъ Иркутскъ. Байховый чай перевозился въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ что въ общемъ подсчетѣ совершенно стушевывался передъ кирпичнымъ чаемъ, перевозившимся десятками тысячъ пудовъ. Дальнѣйшее развитіе чайнаго привоза въ Аянъ съ 1889 г., по отчетамъ аянскаго полицмейстера, представляется въ такомъ видѣ:

Было доставлено въ Аянъ мѣстъ кирпичнаго чая:

Годъ.	Количество мѣстъ.
1889	4.400
1890	4.607
1891	1.155
1892	4.660

Годъ.	Количество мѣстъ.
1893	6.607
1894	7.616
1895	5.605
1896	5.125
1901	9.577

Къ сожалѣнію, за время отъ 1896 г. по 1901 г. аянскимъ полицмейстеромъ отчета о чайномъ грузѣ не было представлено. Все-таки же изъ приведенной таблицы видно замѣтное увеличеніе груза, хотя и съ рѣзкими скачками для нѣкоторыхъ годовъ, отчасти объясняющимися тѣмъ, что образовавшееся въ 1891 году Пріамурское Т-во нашло болѣе выгоднымъ отправлять чай не черезъ Аянъ, а черезъ Охотскъ[1]). Вообще же скачки отдѣльныхъ годовыхъ привозовъ въ Аянъ скорѣе всего можно объяснить тѣмъ, что недостатокъ перевозочныхъ средствъ отъ Аяна до Нелькана задерживалъ и доставку чая въ Аянъ до тѣхъ поръ, пока образовавшіяся въ послѣднемъ залежи не отправлялись по назначенію.

Несомнѣнно, представителямъ чайныхъ фирмъ пришлось потратить много энергіи, чтобы приспособить мѣстное разбросанное, бродячее, малооленное населеніе къ регулярной доставкѣ чая въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Кромѣ того, по словамъ Я. В. Стефановича[2]), тунгусы сначала часто отказывались отъ перевозки по той причинѣ, что возить товары на оленяхъ—грѣхъ, за который духи наказываютъ падежомъ оленей. По сообщенію г. Стефановича, въ 1894 году перевозкой чая заняты были 3—4 тунгуса изъ крупныхъ оленеводовъ; но имъ уже трудно было справиться своими силами съ возрастающимъ количествомъ груза: они должны были брать въ наемъ («въ тѣло») оленей у малооленныхъ тунгусовъ. Имъ приходилось нанимать и возчиковъ, такъ какъ троимъ-четверымъ, очевидно, невозможно было сопровождать чайные обозы въ нѣсколько сотъ нартъ. Сколько тунгусскихъ семействъ получало заработокъ отъ чайной перевозки въ это время, выяснить невозможно. Около 1900 года самостоятельными возчиками чая были уже 27—30 тунгусскихъ хозяевъ, 1 русскій и 2 якута[3]).

Какимъ же образомъ удалось представителямъ торговыхъ фирмъ приспособить бродячее населеніе къ работѣ, стѣсняющей его въ передвиженіи, отрывающей его на цѣлую зиму? Пріемы были довольно просты. Сначала, какъ видно изъ сообщенія г. Стефановича, представители фирмъ при-

---

1) Слюнинъ, op. cit., стр. 667.
2) Отъ Якутска до Аяна, стр. 119, примѣчаніе.
3) Слюнинъ, op. cit., стр. 431.

влекли къ перевозкѣ нѣсколько тунгусскихъ семействъ, которыя своими силами и выполняли главную часть работы. Для того, чтобы обезпечить точное выполненіе ими принятыхъ на себя обязанностей, заключались контракты съ указаніемъ количества мѣстъ (ящиковъ) чая, принятыхъ къ перевозкѣ; въ случаѣ неисполненія контракта, подрядившійся долженъ уплатить штрафъ. Чтобы сильнѣе заинтересовать тунгусовъ возкой чая, представители фирмъ старались расплачиваться съ подрядившимися не деньгами, а товарами и припасами. Кромѣ бо́льшаго удобства для тунгусовъ, этотъ пріемъ давалъ и представителямъ фирмъ немалый торговый процентъ. Торговцы охотно давали тунгусамъ соотвѣтственное количество товаровъ и припасовъ въ долгъ, подъ возку чая, причемъ цѣны назначались, конечно, «по-домашнему». Должниковъ ждать не приходилось: слишкомъ соблазнительна была возможность получить безъ наличныхъ денегъ необходимое количество товаровъ и припасовъ,—особенно же соблазнительна была эта возможность при падающихъ промыслахъ, когда тунгусъ не зналъ, промыслитъ ли онъ что-либо зимой. Разъ должникъ попадалъ въ руки торговца, онъ изъ нихъ выбраться почти уже не могъ. Дѣло въ томъ, что товары получались всегда передъ возкой чая. Кончивъ перевозку въ концѣ зимы, тунгусъ сосчитывался съ торговцемъ, причемъ часто оказывалось, что долгъ покрытъ не весь; оставалось давать согласіе на перевозку слѣдующей зимой. Если долгъ и былъ покрытъ, открывалась новая возможность сдѣлать вторичный долгъ, забравъ у торговца припасовъ на время промысловъ.

Должниками оказывались и богатые тунгусы, которые забирали припасы и товары въ большомъ количествѣ не только для своего хозяйства, но и для передачи, тоже въ долгъ, другимъ, менѣе зажиточнымъ, тунгусамъ, не имѣвшимъ кредита у торговцевъ. Богатые тунгусы, въ свою очередь, получали торговый процентъ со своихъ кліентовъ и обезпечивали производство своихъ домашнихъ работъ. Иногда они нанимали должниковъ отъ себя на перевозку чая, который взялись сами перевезти торговцамъ; кабала перевозчиковъ получалась та же, что и въ первомъ случаѣ. Изъ торговцевъ и богатыхъ тунгусовъ составилась энергичная компанія, которая крѣпко держала и сейчасъ держитъ среднихъ и несостоятельныхъ тунгусовъ въ своихъ рукахъ. Выгоды этой компаніи кратко могутъ быть выражены въ слѣдующихъ цифрахъ: какъ подрядчики на возку чая, они получаютъ $^1/_3$ провозной платы, а какъ торговцы, берущіе двойныя цѣны за товары и припасы — еще $^1/_3$ провозной платы; остальная треть можетъ быть отнесена къ дѣйствительной заработной платѣ мелкихъ перевозчиковъ.

Когда число торговцевъ стало расширяться, наблюдались случаи конкуренціи между ними въ цѣляхъ закрѣпленія за собой перевозчиковъ и по-

купателей. Однако, конкуренція никогда не заходила слишкомъ далеко, ограничиваясь лишь отдѣльными случаями.

Расплата за перевозку чая товарами и припасами привела къ тому, что даже и состоятельные тунгусы почти не имѣли наличныхъ денегъ, несостоятельные же и средніе ихъ никогда не имѣли и должны были одолжаться у своихъ патроновъ-подрядчиковъ въ случаѣ крайней необходимости, напр., при уплатѣ податей. Это, въ свою очередь, порождало зависимость отъ подрядчиковъ и приводило къ необходимости заняться возкой чая для уплаты долга.

Безоленнымъ, но хозяйственнымъ тунгусамъ торговцы давали въ долгъ и оленей,— конечно, съ обязательствомъ уплатить долгъ возкой чая: «желая обзавестись оленями, я бралъ ихъ въ долгъ у Харитонова (подрядчикъ), задолжалъ и съ тѣхъ поръ вожу для него чай»,— говоритъ тунгусъ Егоръ Семеновъ. Иногда необходимость заняться чайной перевозкой являлась неожиданностью для должника: «Когда подсчитали съ торговцемъ долгъ, то оказалось, что я ему долженъ свезти чаю, чтобы разсчитаться; свой человѣкъ, какъ-нибудь разсчитаемся. Если взять мѣста, съ прибавкой даетъ товарами и припасами» (тунгусъ Иннокентій Прокопьевъ).

Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ перевозчиковъ, фирмы начали постепенно повышать вѣсъ мѣстъ, увеличивая количество и вѣсъ кирпичей. По контракту, одно мѣсто (ящикъ) чая должно было вмѣщать 64 кирпича, по $2^1/_4$ Ф. кирпичъ, т.-е. 3 п. 24 Ф., и во всякомъ случаѣ не могло быть больше 4 пудовъ, считая упаковку; плата за провозъ мѣста отъ Аяна до Нелькана была опредѣлена въ 4 р. 40 коп. Съ 1890 года количество кирпичей въ ящикѣ постепенно увеличивалось до 72 — 80, а въ 1902 году даже до 92 кирпичей. Вѣсъ каждаго кирпича тоже увеличился къ 1902 году до 3 фунтовъ.

Такимъ образомъ, къ 1902 году вѣсъ всего мѣста съ упаковкой равнялся уже, въ среднемъ, $6^1/_2$ пудамъ, считая по 80 кирпичей въ мѣстѣ, по 3 Ф. каждый, и упаковку въ полпуда. Плата за провозъ мѣста поднялась до 7 р.; только въ очень плохіе годы: при глубокомъ снѣгѣ, частыхъ наледяхъ и проч. иногда давали по 8 р. Увеличеніе платы, слѣдовательно, равнялось 59%, а груза — $62^1/_2$%; кромѣ того, плата поднималась не параллельно съ увеличеніемъ груза, а подъ вліяніемъ конкуренціи между торговцами и иногда — настойчивости самихъ перевозчиковъ. Такъ, имѣются свѣдѣнія о томъ, что, при первомъ увеличеніи груза безъ надбавки провозной платы, перевозчики разбивали ящики и вынимали оттуда лишніе кирпичи (было 72 вмѣсто 64); только когда фирмы наложили на своихъ довѣренныхъ штрафъ по 3 рубля съ мѣста, а довѣренные переложили его на возчиковъ-тунгусовъ, протестъ послѣднихъ прекратился.

Увеличеніе вѣса мѣста, помимо прямой выгоды отъ перевозки бо́льшаго количества груза за прежнюю цѣну, повело, въ свою очередь, къ еще большому закабаленію тунгусовъ. То было время господства контрактовъ. Пріѣхавъ за извѣстнымъ количествомъ мѣстъ въ Аянъ, тунгусъ находилъ, что весь подряженный грузъ онъ взять не можетъ: оленямъ тяжело. Волей-неволей онъ оставлялъ контрактъ невыполненнымъ и платилъ за это штрафъ. Такое положеніе оказалось столь тяжелымъ, что даже бѣдняки-тунгусы начали отказываться отъ контрактовъ, заявляя, что они будутъ возить «по мѣрѣ силъ». Контрактъ сталъ для возчиковъ необязателенъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые возили чай нѣсколькимъ подрядчикамъ; штрафъ перестали взыскивать, а невывезенное по «распискѣ»[1]) количество мѣстъ зачисляли долгомъ на будущій годъ. Нечего и говорить, что положеніе возчиковъ по контракту — самое безвыходное: «если не вывезти мѣстъ, кои обязанъ по контракту, то торговцы сильно бранятъ», — говорилъ тунгусъ Трофимъ Карамзинъ. Немногимъ лучше и положеніе большинства остальныхъ возчиковъ. Зачѣмъ писаный контрактъ, когда существуетъ контрактъ нужды? «Все равно бьешься, сколько можешь, и безъ контракта» (Трофимъ Карамзинъ). Безвыходность положенія возчиковъ, а не протестъ ихъ изъ-за увеличенія вѣса ящиковъ, собственно говоря, слѣдовало бы считать причиной исчезновенія контрактовъ.

Такими-то путями фирмы, ихъ довѣренные на мѣстахъ и богатые тунгусы укрѣпляли и развивали перевозочное дѣло, когда почувствовалась нужда въ перевозочныхъ средствахъ.

Въ 1902 году обезпеченіе чайнаго груза перевозочными средствами обстояло уже такъ хорошо, что для трехъ семействъ (изъ 40 зарегистрированныхъ) недостало мѣстъ: перевозочныя средства уже превышали надобность въ нихъ. Конечно, эти три семейства должны были проѣхаться въ оба конца даромъ и оставить надежду расквитаться съ большей частью долга въ томъ году. Товары и припасы все равно они получили отъ торговцевъ въ счетъ будущей возки.

Внѣшнее положеніе рядовыхъ тунгусовъ въ перевозкѣ чая тоже измѣнилось: раньше несостоятельные тунгусы должны были наниматься какъ проводники нартъ (санокъ), или же сдавать своихъ оленей «въ тѣло», а теперь многіе начали выступать какъ самостоятельные возчики, со своими оленями. Къ такому положенію привела система отдачи въ долгъ товаровъ и припасовъ подъ возку чая: давая возможность тунгусу обзавестись сво-

---

1) Новая форма договора, отличающаяся отъ контракта тѣмъ, что, въ случаѣ невывоза опредѣленнаго количества мѣстъ, должникъ могъ уплатить не возкой чая, а чѣмъ-нибудь другимъ: оленями, пушниной и проч.

имъ хозяйствомъ и оленями при помощи кредита, подрядчикъ-торговецъ обезпечивалъ себѣ «самостоятельнаго батрака» и покупателя.

Въ 1902 году изъ 66 описанныхъ семействъ самостоятельными возчиками были 40 семействъ; количество перевезеннаго ими чая равнялось 2.214 мѣстамъ, или 13.284 пудамъ, считая чистаго чая по 6 пудовъ въ мѣстѣ. Эти 40 семействъ далеко не исчерпываютъ всѣхъ занятыхъ возкой чая тунгусовъ. По сообщенію покойнаго священника Вас. Мальцева, съ р. Учура приходитъ около половины тунгусовъ Бытальскаго рода на время чайной возки, часть груза перевозится на оленяхъ, принадлежащихъ самимъ подрядчикамъ, причемъ несостоятельные тунгусы нанимаются какъ проводники партъ. Многіе изъ тунгусовъ, не вошедшіе въ опись, живущіе въ аянскомъ районѣ, тоже, главнымъ образомъ, живутъ чайной возкой. Вообще, 40 описанныхъ семействъ составляютъ сравнительно небольшую часть всѣхъ возчиковъ. Границей района, занятаго перевозкой чая между Аяномъ и Нельканомъ, слѣдуетъ считать на ю.-западѣ р. Учуръ, на сѣв.-западѣ — р. Ляльбюни, притокъ Маи; на сѣверѣ границу опредѣлить не удалось. Изъ 40 семействъ 13 возили чай по контракту, а остальныя 27— или безъ всякаго обязательства, «по мѣрѣ силъ», или же по «распискѣ».

По количеству перевезенныхъ за годъ мѣстъ, 40 семействъ дѣлятся на слѣдующія группы:

	Число мѣстъ.	Число семействъ.	% группы къ общему числу семействъ.
Отъ 1 — 20 мѣстъ . . .	207	12	30,0
» 20 — 30 » . . .	225	8	20,0
» 30 — 50 » . . .	377	9	22,5
» 50 — 100 » . . .	730	9	22,5
свыше 100 » . . .	675	2	5,0
Всего	2.214	40	100

Чтобы выяснить значеніе заработка отъ чайной перевозки для каждой группы, переведемъ число мѣстъ на стоимость ихъ провоза: максимумъ заработка 1-й группы (30%), считая по 7 р. съ мѣста, опредѣлится въ 140 рублей за годъ; эту группу слѣдуетъ считать не обезпеченной извознымъ промысломъ. Вторая группа (20%) съ заработкомъ 140—210 рублей въ годъ, при незначительной поддержкѣ остальныхъ промысловъ, можетъ съ трудомъ прокормиться; она представляетъ изъ себя промежуточный слой, переходящій или въ группу бѣдняковъ или въ группу зажиточныхъ, въ зависимости отъ «плохихъ» и «хорошихъ» лѣтъ. 3-ья группа (22,5%), имѣющая 210—350 руб. постояннаго годового заработка, можетъ быть признана обезпеченной однимъ только чайнымъ извозомъ. 4-ая и 5-ая группы

(всего 27, 5%), съ годовымъ заработкомъ 350—700 и болѣе рублей, будутъ представлять уже зажиточныхъ и богатыхъ тунгусовъ. Такимъ образомъ, главный промыселъ пріаянскихъ тунгусовъ дѣлитъ ихъ на неравныя въ количественномъ и имущественномъ отношеніяхъ группы, въ зависимости отъ количества оленей. Заработокъ, полученный отъ возки чая, считается исключительно частной собственностью работника; по отношенію къ нему у тунгусовъ нѣтъ обычая даренія другъ другу, какъ въ старинныхъ промыслахъ: рыболовствѣ, звѣроловствѣ, морскомъ промыслѣ. Братская поддержка, наблюдавшаяся у тунгусовъ ранѣе и наблюдаемая въ менѣе значительныхъ промыслахъ и теперь, уступаетъ мѣсто новымъ, индивидуалистическимъ тенденціямъ. Процентъ богачей, вывозящихъ свыше 100 мѣстъ чая, очень незначителенъ, бѣдняковъ же насчитывается 30%; такимъ образомъ, различіе въ имущественномъ отношеніи, если разсматривать одинъ лишь главный промыселъ, представляется довольно глубокимъ.

Значеніе чайнаго заработка въ общемъ бюджетѣ 40 семействъ точно учесть невозможно: продукты большинства другихъ промысловъ идутъ на непосредственное удовлетвореніе нуждъ, не оцѣниваясь на рубли; только пушнина продается почти цѣликомъ. Изъ 19.103 р. всего заработка, поддающагося оцѣнкѣ, возка чая даетъ 15.500 рублей; на долю всѣхъ остальныхъ промысловъ приходится, слѣдовательно, 3.603 руб. Если же взять продукты всѣхъ остальныхъ промысловъ, то, основываясь на показаніяхъ самихъ тунгусовъ и общемъ знакомствѣ съ промыслами, можно сказать, что чайная возка даетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе промыслы, вмѣстѣ взятые.

Громадное значеніе чайной перевозки косвенно подтверждается и слѣдующими данными. Ею занимаются 40 семействъ изъ всѣхъ 66. Въ числѣ 40 сем. находятся почти всѣ зажиточныя и среднія семьи. Изъ остальныхъ 26 семействъ только 4 могутъ быть отнесены къ состоятельнымъ, а 22 содержатся: наймомъ на работу—7 сем., разными промыслами и наемнымъ трудомъ—7 сем., попеченіемъ сородичей—7 сем. (объ одномъ семействѣ свѣдѣній нѣтъ).

Приготовленіе къ возкѣ чая начинается черезъ нѣсколько дней послѣ Дмитріева дня (26 октября). Къ этому времени тунгусы стягиваются съ различныхъ пунктовъ кочевки къ аянскому тракту, приготовляютъ нарты, оленью сбрую, ремни и проч. До начала перевозки они отправляются предварительно въ Аянъ или Нельканъ за полученіемъ товаровъ и припасовъ для остающейся на зиму семьи. Возчики не спѣшатъ открывать чайное движеніе, потому что первымъ обозамъ приходится прокладывать впервые зимній путь по глубокимъ снѣгамъ. Настоящая перевозка начинается съ конца ноября или начала декабря.

Чай нагружается на нарты, запряженныя парой оленей. Между ка-

ждыми тремя партами грузъ распредѣляется такимъ образомъ: на первыя двѣ нарты кладется по три мѣста и на третью — два; на послѣдней помѣщается и «прикладъ»: покрышка урасы (жилья), посуда, постель, провизія и проч. Такое распредѣленіе груза бываетъ тогда, когда олени равны по силѣ, на молодыхъ же или слабыхъ оленей кладется по два мѣста. Осенью, когда отгулявшіеся на лѣтнихъ кормовищахъ и долго неработавшіе олени бываютъ жирны, они могутъ везти 20-типудовую тяжесть нарты, весной же, при второмъ рейсѣ, лишь самые здоровые олени могутъ провезти по три мѣста, а большинство — лишь по два. За каждыми 5—10 нартами наблюдаетъ въ дорогѣ особый проводникъ. Чайные обозы достигаютъ 40—50 нартъ; бо́льшій обозъ неудобенъ: на перевалахъ и на наледяхъ бываетъ тѣсно. Изъ Аяна чай вывозится сначала за 35—40 верстъ, до первыхъ хорошихъ кормовищъ, въ количествѣ, достаточномъ для двухъ рейсовъ. Иногда изъ Аяна до урочища «Бачын» (35—40 верстъ отъ Аяна) чай перевозится на собакахъ, такъ какъ вблизи Аяна нѣтъ оленьихъ кормовищъ и имѣются большія наледи. Пара оленей замѣняется 13 собаками. Эта перевозка выполняется пріаянскими якутами-собаководами. Движеніе чайныхъ обозовъ совершается по маршруту: р. Ыттахъ, спускъ съ хребта на р. На́ча, рѣки Мулкучу, Алдома, 40 верстъ по притоку послѣдней — рѣкѣ Танча, перевалъ черезъ Джугджуръ, р. Мохоту, впадающая въ Челасинъ, лѣвая сторона р. Челасина. Большинство возчиковъ доставляетъ грузъ до самаго Нелькана, нѣкоторые же изъ нихъ — лишь до урочища Сыцынах (въ 90 в. отъ Нелькана). Отсюда чай перевозится уже принельканскими тунгусами на лошадяхъ, за плату по 3 рубля съ мѣста. До Сыцынах'а возятъ, главнымъ образомъ, богатые тунгусы и подрядчики, имѣющіе своихъ оленей или берущіе ихъ «въ тѣло». Они имѣютъ возможность уплатить стоимость перевозки отъ Сыцынах'а до Нелькана, а оставшееся время употребить на лишній рейсъ между Аяномъ и Сыцынах'омъ. Выгода такого оборота состоитъ въ томъ, что они расплачиваются съ нельканскими конными возчиками тоже не деньгами, а товарами и припасами.

Самый путь между Нельканомъ и Аяномъ не длиненъ — всего 204 версты, но крайне утомителенъ. Настоящей, благоустроенной дороги нѣтъ. Обильные снѣга сильно тормозятъ движеніе. Чтобы проложить путь по глубокому снѣгу, продѣлываютъ слѣдующую сложную процедуру. Впереди ведутъ одного оленя, за нимъ — 6 оленей, по 3 въ рядъ, а если партія большая, то и 10 оленей. Далѣе ведутъ нарты съ незначительнымъ количествомъ груза, почти пустыя; потомъ — нарты съ однимъ мѣстомъ, съ двумя, наконецъ — съ полными тремя мѣстами. Чтобы не возлагать прокладываніе пути на переднихъ возчиковъ, устанавливаютъ очередь, въ которой должны участвовать всѣ. Если чьи-либо олени не идутъ впереди,

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 1976

на нихъ кладутся мѣста передовиковъ. Въ случаѣ отвердѣнія снѣжнаго покрова, впереди оленей идутъ два возчика на лыжахъ, разбивая снѣжную кору. Прокладываніе пути сильно утомляетъ оленей, особенно верховыхъ, идущихъ впереди, и отнимаетъ массу времени; немало времени уходитъ также и на разгрузку и нагрузку мѣстъ. Много хлопотъ доставляютъ и наледи, образующіяся на поверхности быстрыхъ горныхъ рѣчушекъ. Особенно же много времени отнимаетъ перевалъ черезъ Джугджуръ. Сильные, порывистые вѣтры, дующіе отъ Ледовитаго къ Тихому океану, образуютъ на Джугджурѣ настоящія заставы. Переправа во время вьюги рѣшительно невозможна: вѣтеръ настолько силенъ, что можетъ снести и возчиковъ, и оленей, и грузъ; отъ крутящагося снѣга становится совсѣмъ темно. Возчики волей-неволей должны ожидать прекращенія вьюги; ожиданіе продолжается 1—3 недѣли, а иногда и мѣсяцъ. Главный подъемъ на Джугджуръ равняется 5 верстамъ. У подножія его мѣста разгружаются и перевозятся лишь по одному. Переправа одного мѣста занимаетъ цѣлыя сутки, такъ что на перевозку полной нарты требуется три дня.

Оленьяго корма между Аяномъ и Нельканомъ зимой мало для всей массы оленей, занятыхъ чайной перевозкой. Кромѣ мха, кормомъ имъ служитъ «древесный пухъ»[1]), для добыванія котораго валятъ по пути деревья. Этого корма тоже, конечно, недостаточно для оленей, и они живутъ запасами жира, который успѣли отложить лѣтомъ и осенью.

Въ мѣстахъ остановокъ тунгусы дѣлаютъ для оленей загороди, чтобы не пришлось потомъ разыскивать ихъ за нѣсколько верстъ.

Однако, по мѣрѣ приближенія къ Нелькану, трудность переходовъ и безкормица сказываются на оленяхъ, и къ концу пути они уже мало удаляются отъ кормовища, на которое ихъ поставили. Ночью за оленями необходимъ присмотръ: многочисленныя стаи волковъ часто вспугиваютъ и поѣдаютъ ихъ. Караулятъ всю ночь, слѣдуя за оленями, разводя въ нѣсколькихъ мѣстахъ огонь, отпугивая волковъ крикомъ. Если партія большая, устанавливаются ночныя дежурства поочереди.

Сами возчики помѣщаются, при остановкахъ, въ урасѣ. Обыкновенно на обозъ-изъ 40 нартъ берется одна ураса. Въ пути возчики занимаются охотой, не удаляясь далеко отъ другихъ.

По самому хорошему пути рейсъ между Аяномъ и Нельканомъ про-

---

1) По-якутски: мас тӯтӓ—длинно-волосый лишай, Usnea cavernosa Tuckerm., покрывающій вѣтви лиственницы густымъ толстымъ войлокомъ или свѣшивающійся вертикально внизъ въ видѣ длинной бороды. Ир. Щеголевъ. Черезъ Становой хребетъ. М. 1907, стр. 116; А. А. Еленкинъ и В. П. Савичъ. Списокъ лишайниковъ, собранныхъ Ир. М. Щеголевымъ въ Якутской и Приморской областяхъ по хребту Джугджуру (Становому) и его отрогамъ между Нельканомъ и Аяномъ въ 1903 г. Спб. 1910, стр. 38—40 (отт. изъ «Трудовъ Ботаническаго Музея Императ. Академіи Наукъ», вып. VIII, 1910).

должается $1^1/_2$ мѣсяца, по среднему—2 мѣс. Если не встрѣчается особыхъ препятствій, обозъ проходитъ 30 верстъ въ сутки.

Первая сдача чая въ Нельканѣ обыкновенно бываетъ въ концѣ января. Сдавъ чай и откормивъ немного оленей, возчики спѣшатъ обратно въ Аянъ, чтобы сдѣлать второй рейсъ (въ 20-хъ числахъ апрѣля), которымъ и заканчивается возка чая; всего она занимаетъ 5 мѣсяцевъ.

Старожилы говорятъ, что до увеличенія вѣса въ мѣстахъ возчики дѣлали больше двухъ рейсовъ, теперь же съ 20-типудовой тяжестью олени едва могутъ сдѣлать и два рейса.

О вліяніи чайной возки на другіе промыслы и вообще на жизнь тунгусовъ будетъ сказано ниже. На заселеніе района и его оживленіе возка имѣла большое вліяніе. Кромѣ тунгусовъ, живущихъ въ пріаянскомъ районѣ, во время возки работаютъ въ немъ тунгусы Бытальскаго бродячаго рода; въ качествѣ проводниковъ сходятся принельканскіе тунгусы. Опросъ относительно времени проживанія тунгусовъ на послѣднемъ мѣстѣ жительства далъ тѣ же результаты, что и относительно временъ Россійско-Американской Компаніи: съ расширеніемъ перевозки чая, увеличивалось, хотя и не такъ быстро, и число осѣдавшихъ въ районѣ тунгусовъ. 20—15 лѣтъ тому назадъ, послѣ ухода Компаніи и прекращенія торговаго и почтоваго движенія, въ самомъ началѣ чайной возки, число осѣвшихъ въ районѣ семействъ равнялось лишь 6; 15—10 лѣтъ назадъ осѣло 7 сем.; 10—5 лѣтъ—12 сем. и меньше 5 лѣтъ—14 семействъ.

б) Оленеводство.

Въ пріаянскомъ районѣ наблюдаются три цвѣтовыхъ расы домашняго оленя (Rangifer tarandus): бѣлыя (гілтáлы), черныя (áӈра) и пѣгія (бýкді). Расширеніе оленеводства всегда составляло мечту пріаянскихъ тунгусовъ: для тунгуса олень былъ незамѣнимымъ помощникомъ. Оленный тунгусъ могъ быстро мѣнять мѣсто промысла, гнаться за звѣремъ по горамъ, по тайгѣ, кочевать изъ тайги къ рѣкамъ, когда въ нихъ появится рыба, и по рѣкѣ къ морю во время морского промысла. Пѣшій тунгусъ поневолѣ былъ прикрѣпленъ къ одному мѣсту, изъ котораго онъ почти не могъ выбраться. Невозможность быстраго передвиженія лишала его лучшихъ промысловыхъ мѣстъ, обрекая на постоянную нужду: не даромъ алдомскіе тунгусы, почти безоленные лѣтъ 20 тому назадъ, считались бѣднѣйшими изъ пріаянскихъ тунгусовъ.

Олень былъ цѣненъ не только какъ перевозочная сила. Онъ доставлялъ главные продукты для одежды, обуви тунгуса, покрышки для ихъ жилища—урасы. До перевозки чая торговцы не заходили вглубь района.

Тунгусы, нуждавшіеся въ торговцахъ, сами приходили къ нимъ. Нѣкоторыя семейства не имѣли никакого дѣла съ торговцами, обходясь домашнимъ хозяйствомъ. Европейскія ткани мало были распространены среди тунгусовъ. Главная ихъ одежда приготовлялась изъ оленьей кожи; изъ нея же шились торбасы, ею покрывалась зимняя ураса.

Убой оленей для этихъ цѣлей практиковался широко, особенно состоятельными оленеводами. Для послѣднихъ оленье мясо служило лакомымъ блюдомъ, а для несостоятельныхъ — существенной поддержкой во время весеннихъ голодовокъ. Рѣдкую весну тунгусы благополучно сводили концы съ концами. Въ большинствѣ же случаевъ, по окончаніи зимней охоты на звѣря, перейдя изъ тайги къ рѣкамъ для рыбной ловли, тунгусы терпѣли страшную нужду: рыба въ рѣкахъ появлялась не скоро, запасовъ пищи почти не было, начиналась настоящая голодовка. Вотъ въ это-то время оленный тунгусъ и пользовался своими оленями, какъ крайнимъ средствомъ спастись отъ голодной смерти. Какъ ни тяжела была потеря оленей, онъ начиналъ поѣдать ихъ, выбирая сначала старыхъ, отработавшихся, потомъ телятъ и, наконецъ, лучшихъ взрослыхъ оленей. Для безоленнаго тунгуса выхода не было: онъ долженъ былъ довольствоваться случайной скудной добычей, а если и ея не было — приготовиться къ голодной смерти. Изъ весеннихъ тунгусскихъ голодовокъ особенно извѣстна голодовка, начавшаяся въ мартѣ 1886 года. Помочь тунгусамъ со стороны было нельзя изъ-за предстоявшей распутицы.

Несмотря на громадное значеніе оленеводства въ жизни тунгусовъ, цѣна оленя лѣтъ 15—20 тому назадъ была лишь 15 рублей. Низкія цѣны въ то время слѣдуетъ объяснить отсутствіемъ спроса на оленей, слабымъ развитіемъ торговли ими: богатые тунгусы поддерживали и увеличивали оленныя стада приплодомъ, а бѣдняки могли лишь мечтать о покупкѣ оленей, покупать же ихъ не имѣли возможности. Лишь отдѣльныя богатыя семейства, желая пополнить убыль оленей послѣ эпизоотій, покупали ихъ, да бѣдняки-работники, цѣной годового труда, пріобрѣтали у хозяина по одному оленю. Перевозка чая, при обѣднѣніи коренныхъ промысловъ, сосредоточила на себѣ вниманіе тунгусовъ какъ постоянствомъ и размѣромъ заработка, такъ и возможностью кредита. Но для того, чтобы возить чай, нужно имѣть достаточно оленей. Большинство тунгусовъ оленями было небогато; кромѣ того, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ эпизоотіи, волки, медвѣди и проч. сильно опустошали стада. Интересы тунгусовъ требовали постояннаго и обязательнаго пополненія оленей, или же пріобрѣтенія ихъ въ достаточномъ для перевозки количествѣ. Торговцы, въ свою очередь, были заинтересованы не только въ постоянствѣ числа оленей, годныхъ для возки, но и въ повышеніи его для расширенія перевозки. Они были заинтересованы и въ

томъ, чтобы закрѣпить за перевозкой тунгусовъ. Въ этихъ цѣляхъ торговцы приводили въ пріаянскій районъ вилюйскихъ оленей, отдавая ихъ въ кредитъ подъ возку чая. Открывшійся кредитъ далъ теперь тунгусамъ возможность пріобрѣтать оленей — хотя и путемъ закабаленія своего труда а многіе годы, а, можетъ-быть, и навсегда. Въ результатѣ получился большой спросъ на оленей какъ со стороны нѣкоторыхъ богатыхъ, такъ и со стороны бѣдныхъ тунгусовъ. Цѣна оленей, отдаваемыхъ въ кредитъ, назначалась торговцами по ихъ волѣ; тунгусы, имѣвшіе избытокъ ихъ, видя большой спросъ и повышеніе цѣнъ, тоже, конечно, не стѣснялись въ опредѣленіи цѣны. Все это привело къ тому, что за послѣдніе 15—20 лѣтъ средняя цѣна взрослаго оленя поднялась съ 15 рублей до 30; молодой, достигающій рабочаго возраста олешекъ стоитъ теперь 20 рублей; теленокъ—10 рублей. Эти средніе цѣны въ частныхъ случаяхъ колеблются въ зависимости отъ времени продажи и имущественнаго положенія покупателя и продавца: осенью, передъ возкой чая, когда олени жирны, крупный олень цѣнится въ 35 и даже 40 рублей, а весной, когда олени изнурены кончившейся возкой чая—въ 27—25 р.; при уплатѣ долга оленями цѣны назначаются по-разному, но не ниже 20 р.

Уже одно повышеніе цѣны оленей за послѣднее время указываетъ на то, что оленеводство было поставлено въ сильную зависимость отъ новаго промысла, начавшагося въ пріаянскомъ краѣ — отъ возки чая.

То же самое видно и изъ главнаго назначенія оленей въ настоящее время: изъ 977 зарегистрированныхъ крупныхъ оленей 862 (88, 23%) возили чай. Мало того, къ возкѣ чая были привлечены и мелкіе олени, еще не достигшіе рабочаго возраста. Для перевозки 2.214 мѣстъ не могло хватить 862 оленей: если считать въ среднемъ по 8 мѣстъ на 3 нарты въ 1-ый рейсъ и по 6 мѣстъ во 2-ой рейсъ, то количество нужныхъ оленей опредѣлится въ 948 штукъ. Недостатокъ оленей возчики могли отчасти пополнить чужими, взятыми «въ тѣло». Но этотъ источникъ былъ не совсѣмъ выгоденъ и притомъ ограниченъ: за оленя приходилось платить 4 р. изъ 10 р., которые возчикъ зарабатывалъ[1]) за одинъ рейсъ; но и за такую цѣну можно было достать ничтожное количество оленей у крайнихъ бѣдняковъ, которые не могли взяться за самостоятельную возку чая. Недостатокъ оленей и крайняя необходимость напрячь всѣ силы, чтобы имѣть необходимый заработокъ, и заставили тунгусовъ привлечь къ перевозкѣ молодыхъ оленятъ; въ 1902 году изъ 177-ми недостигшихъ рабочаго возраста оленятъ возили чай 51 (29%).

---

1) Въ нарту впрягается пара оленей, вѣсъ нарты—3 мѣста, за каждое мѣсто 7 р., всего—21 р., а на одного оленя 10 р. 50 к.

Эти данныя убѣждаютъ въ томъ, что, съ развитіемъ чайной перевозки, оленеводство получило новое назначеніе: олени стали цѣнны не продуктами, которые они давали, а своей рабочей силой при обслуживаніи перевозки. Высокія цѣны на нихъ дѣлали убой для полученія шкуры невыгоднымъ; приходилось переходить къ болѣе выгодной покупкѣ у торговцевъ тканей для одежды и коровьей шкуры для обуви, а также отказаться отъ употребленія ровдуги на покрышку урасы. Свои перекочевки тунгусъ также долженъ былъ приспособить къ новому назначенію оленей: въ виду трудности зимней работы оленей, онъ долженъ былъ въ лѣтнее время позаботиться о возстановленіи ихъ истощившихся за зиму силъ и объ откормѣ къ будущей зимѣ; это заставляло его обращать больше вниманія не на богатства лѣтнихъ промысловыхъ мѣстъ, а на удобства и питательность оленьихъ кормовищъ.

Находясь въ сильной зависимости отъ перевозки чая, оленеводство, въ свою очередь, держитъ въ зависимости перевозку: послѣдняя можетъ развиваться только въ томъ случаѣ, если развивается оленеводство, обезпечивающее необходимыя для нея перевозочныя силы. Эта зависимость ясно показываетъ громадное значеніе оленеводства не только для тунгусовъ, но и для Якутской области, интересы которой обслуживаются чайной перевозкой.

Все оленное богатство тунгусы дѣлятъ на двѣ части: на крупныхъ, рабочихъ оленей и на мелкихъ, не достигшихъ рабочаго возраста. Возрастъ оленей они раздѣляютъ по полугодіямъ и годамъ, давая каждому возрасту, соотвѣтственно полу и значенію для размноженія, особыя названія. Новорожденный теленокъ съ весны до осени года рожденія называется ӧӈнӧкоп, съ осени до весны слѣдующаго года — суоӈначāн; годовалый теленокъ — сукāн; олень-производитель по 2-му году, до зимы — абалāн; холощеный — мулкāн; самка того же возраста — саӈары; 2-хлѣтній самецъ-производитель — куорба, холощеный — іктāнā; самка до старости называется ӈамычāн; 3-хлѣтній олень — ӈуоркāн; 4-хлѣтній, выпустившій 5-ые рога — амаркāн; 5-тилѣтній — ӌӯптірі; старый олень — актā. Въ общемъ, олень считается крупнымъ въ возрастѣ мулкāн и абалāн, когда ему минетъ $1^1/_2$ года. Въ частности же рабочій возрастъ колеблется въ зависимости отъ качества работы. Для ѣздовыхъ оленей, занятыхъ перевозкой тяжести въ нартахъ, нормальный рабочій возрастъ считается въ $1^1/_2$ года. Самокъ въ періодъ беременности и самцовъ-производителей не слѣдовало бы употреблять на эту работу. Для верховой ѣзды дѣтей годны 2-хлѣтніе олени, для ѣзды же взрослыхъ — 3-хлѣтніе. Ставить подъ сѣдло самокъ избѣгаютъ даже для дѣтей, подъ взрослымъ же онѣ совсѣмъ не могутъ ходить. Вьючными олени становятся съ 2-хъ лѣтъ.

Выше было указано, что по нуждѣ тунгусы ставятъ на работу оленей, не достигшихъ еще рабочаго возраста. Нарушеніе рабочей нормы при возкѣ чая выражается не только въ томъ, что заставляютъ возить молодыхъ оленятъ (сукāн'овъ), но и въ употребленіи для возки самцовъ и беременныхъ самокъ. Второй рейсъ производится какъ разъ въ послѣдній періодъ беременности самокъ. Въ 1902 году изъ 424 самокъ возили чай 317 (74,8%) и изъ 42 самцовъ-производителей — 34 (81,0%). Малооленные тунгусы, вопреки рабочей нормѣ, принуждены употреблять самокъ для верховой ѣзды подъ дѣтьми. Для небольшой вьючной работы бѣдняки употребляютъ даже полугодовалыхъ оленятъ (суоцначāн'овъ): «бѣдный человѣкъ, — говорилъ одинъ тунгусъ, — даже суоцначāн'овъ сѣдлаетъ, когда выпадетъ снѣгъ: на себѣ, что ли, пожитки повезетъ?» Оленята, употребляемые на работу ранѣе нормальнаго возраста, считаются тунгусами въ числѣ мелкихъ. По качеству работы всѣ описанные крупные олени дѣлились на 147 верховыхъ и 862 ѣздовыхъ. Вьючные отдѣльно не указывались: нужно полагать, что при перекочевкахъ любой крупный олень ходитъ подъ вьюкомъ. Какъ раньше было указано, къ числу ѣздовыхъ относятся и 51 сукāн. Они не включены въ число 862; слѣдовательно, если считать всѣхъ ѣздовыхъ оленей, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, то получится 913 штукъ. Въ составъ ихъ входятъ: 34 самца-производителя, 317 самокъ, 511 холощеныхъ оленей и 51 сукāн. Сопоставляя норму ѣздовой работы съ даннымъ составомъ, находимъ, что 402 штуки (44%) заняты ею съ видимымъ ущербомъ для оленнаго хозяйства. Результаты отягощенія оленей работой очень чувствительны: по отзывамъ тунгусовъ, неработающій олень живетъ 15—20 лѣтъ, а работающій 10—12, т.-е. въ $1\frac{1}{2}$ раза меньше. До возки чая, какъ утверждаютъ тунгусы, ни производителямъ, ни самкамъ, ни сукāн'амъ не приходилось нести столь тяжелой работы.

Верховые олени, состоящіе въ большинствѣ изъ холощеныхъ самцовъ, несутъ не только верховую работу: 141 изъ нихъ занятъ также ѣздовой работой,—они включены въ число 511. Такимъ образомъ, строгаго дѣленія оленей по качеству работы теперь не существуетъ; большинство ихъ пріучено ко всякимъ работамъ. Только 107 самокъ и 8 производителей, принадлежащіе богатымъ тунгусамъ, свободны отъ работы (11,8%) и 6 верховыхъ оленей заняты лишь одной работой.

По полу и роли въ размноженіи, 977 крупныхъ оленей дѣлились на 42 производителя (4,3% всѣхъ крупныхъ), 424 самки (43,4%) и 511 холощеныхъ самцовъ (52,3%). На каждаго самца-производителя приходилось по 10 самокъ. Нельзя сказать, чтобы самки обслуживались лишь домашними производителями. Осенью, между 1 сентября и 1 октября, когда

происходитъ скрещиваніе оленей, самки встрѣчаются не только съ домашними, но и съ дикими оленями; поэтому, отношеніе самцовъ къ самкамъ (1 къ 10) слѣдуетъ считать нѣсколько высокимъ.

Самцы и самки начинаютъ половую жизнь съ 2 лѣтъ. Признакомъ половой силы и желанія самца является сбрасываніе кожицы на рогахъ и увеличеніе мошонки.

Съ наступленіемъ 1 сентября тунгусы остаются въ теченіе цѣлаго мѣсяца на одномъ мѣстѣ: ихъ не пускаютъ олени. Самцы загоняютъ самокъ въ густыя рощи, и начинается періодъ спариванія. По истеченіи мѣсяца много трудовъ стоитъ тунгусамъ собрать оленей, разсыпавшихся въ разныя стороны. Только выпавшій снѣгъ помогаетъ разыскать ихъ по слѣдамъ, но и то не всегда. Беременна ли самка, узнаютъ весной: у стельной рога не спадаютъ, у нестельной — спадаютъ. Теленіе бываетъ между Благовѣщеньемъ (25 марта) и Егорьевымъ днемъ (23 апрѣля). Хорошая самка телится до 10-лѣтняго возраста, самецъ оплодотворяетъ до 6—8 лѣтъ.

Въ 1902 году, въ періодъ телепія, у описанныхъ тунгусовъ было 448 самокъ; изъ нихъ отелились 387, нетелившихся было 61 самка, т.-е. 13,6%. Безплодіе ихъ скорѣе всего можно объяснить крайнимъ переутомленіемъ и ослабленіемъ всего организма чайной перевозкой. Старожилы-тунгусы говорятъ, что, послѣ вовлеченія самокъ въ перевозку, онѣ стали телиться хуже и производятъ на свѣтъ сравнительно слабыхъ оленятъ или же скидываютъ. Періодъ теленія продолжается съ 2 до 9 лѣтъ, т.-е. всего 7 лѣтъ. Принимая во вниманіе нетеленіе 13,6% самокъ, количество телятъ отъ одной самки опредѣлится въ 6 штукъ.

Процентъ всѣхъ самцовъ (56,6) значительно выше процента самокъ (43,4). Чѣмъ это объяснить: большею ли рождаемостью самцовъ или большею смертностью самокъ? Общія соображенія говорятъ скорѣе въ пользу второго предположенія: самки, занимающіяся, почти наравнѣ съ самцами, возкой чая, несомнѣнно сильнѣе утомляются, изнуряются и погибаютъ; во 2-ой рейсъ, какъ выше было указано, онѣ отправляются уже въ періодъ замѣтной беременности; въ обычной обстановкѣ онѣ также находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ самцы: во время частыхъ преслѣдованій ихъ волками и медвѣдями, онѣ, какъ слабѣйшія, могутъ быть скорѣе захвачены; кромѣ того, въ своемъ бѣгствѣ онѣ стѣснены оленятами, ходящими за маткамп. Все это должно повышать процентъ смертности самокъ, понижая процентное отношеніе оставшихся въ наличности къ самцамъ.

Холостятъ самцовъ большей частью по 2-му году. Операція холощенія чрезвычайно проста, но настолько же и мучительна для оленя. Самца валятъ па землю 3—4 человѣка. Для этого одинъ схватываетъ оленя за заднія ноги, другой — за рога, пригибая голову къ землѣ; третій тянетъ за

кожу у лобковой кости. Олень падаетъ. Держащій заднія ноги раздвигаетъ ихъ, и затѣмъ одинъ изъ участниковъ холощенія мнетъ мошонку зубами и разглаживаетъ ее рукой. Этимъ операція заканчивается. Никакого ухода за оленемъ послѣ холощенія не бываетъ. Иногда холостятъ оленей осенью, когда сойдетъ шкурка съ роговъ, чаще же—весной, около Петрова дня. Осенью холостить неудобно, такъ какъ мошонка сильно увеличивается въ объемѣ, кожа на ней дѣлается тонкой и при жеваніи лопается. Состарѣвшагося оленя-производителя, ставшаго негоднымъ для стада, тоже холостятъ; въ этомъ случаѣ холощеніе бываетъ въ 6—8-лѣтнемъ возрастѣ.

Прежде чѣмъ говорить о распредѣленіи оленей по хозяйствамъ, нелишне будетъ упомянуть о бѣдствіяхъ оленнаго хозяйства; это пригодится при разсмотрѣніи вопроса объ убыли оленей. Причины гибели оленей разнообразны; главная изъ нихъ — эпизоотіи.

Самой страшной изъ эпизоотій является бутýка (якутск. джāх). Она состоитъ въ томъ, что на ногахъ оленя, межъ копытъ или около нихъ, появляется гнойная рана, «съ невыносимымъ запахомъ»[1]). Нога сильно опухаетъ, величина опухоли — съ мѣдный чайникъ средней величины. Олень, заболѣвшій бутýк'ой, не въ состояніи ходить и почти всегда издыхаетъ. Бутýка свирѣпствуетъ только лѣтомъ. Съ Покрова, съ наступленіемъ морозовъ, она почти прекращается. Лѣченія бутýк'и тунгусы не знаютъ. Только одинъ изъ нихъ лѣчилъ оленей растворомъ сулемы, напитавъ имъ вату и прикладывая къ опухоли на ногѣ; по словамъ этого тунгуса, успѣхъ былъ.

Второй болѣзнью оленей является татàр (якут. моцȳн) — чесотка. На тѣлѣ оленя появляются заразныя парши, «съ нестерпимымъ зудомъ, почему животное чешется о что попало»[2]), шерсть начинаетъ выпадать, и олень скоро становится совершенно голымъ. На морозѣ кожа лопается у суставовъ, и олень издыхаетъ. Обыкновенно тунгусы убиваютъ заболѣвшихъ татáр'омъ оленей, если болѣзнь сильно развилась и нѣтъ надежды на выздоровленіе; дѣлается это въ видахъ предупрежденія переноса заразы на другихъ. Татáр бываетъ лѣтомъ и зимой. Нѣкоторые тунгусы пытаются бороться съ татáр'омъ, но лишь «домашними» средствами: смѣсью табачной смолы, которую берутъ изъ трубки, коровьяго сала и пороха. Прибѣгать къ домашнимъ средствамъ тунгусовъ заставляетъ полное отсутствіе ветеринарной помощи въ районѣ. Въ погонѣ за лѣкарствами тунгусы пробуютъ, очевидно, все, что только имъ попадетъ подъ руку; такъ, тунгусъ Никитинъ открылъ свое средство, сильно помогающее, по его словамъ: ку-

---

1) Письмо свящ. В. Мальцева къ областному ветеринару отъ 19 ноября 1904 г.
2) То же письмо.

риный калъ, смѣшанный съ сильно прокипяченнымъ масломъ; смѣсь въ горячемъ состояніи прикладывается къ больному мѣсту. Много, очевидно, нужно было испробовать разныхъ средствъ, прежде чѣмъ обратить вниманіе и на куриный калъ.

Свящ. Мальцевъ причисляетъ къ заразительнымъ болѣзнямъ еще «маниньки — скоротечное гнойное воспаленіе суставовъ и жилъ всей ноги оленя; ноги опухаютъ, олень сляжетъ и болѣе не встанетъ, пока скоро не издохнетъ»[1]).

Изъ другихъ болѣзней извѣстны ädärman, капата, кыцык, önktö и у телятъ — кровавая моча.

Ädärman — оленья чахотка, появляется лѣтомъ и съ наступленіемъ зимы совсѣмъ прекращается. Исходъ болѣзни — всегда смерть, поражающая оленя вдругъ, на бѣгу, «какъ стрѣла», по словамъ тунгусовъ[2]). Средство противъ ädärman'a — тоже домашнее: оленя заставляютъ вдыхать ноздрями и ртомъ дымъ ладана. Нѣкоторые говорятъ, что ладанъ помогаетъ, если болѣзнь не развилась. Въ случаѣ развитія болѣзни, оленя убиваютъ, лучшія части съѣдаютъ, а внутренности выбрасываютъ.

Капата состоитъ въ томъ, что въ основаніи роговъ образуется нагноеніе, которое можетъ перейти въ воспаленіе мозга[3]). Для предупрежденія перехода въ мозгъ, гной выковыриваютъ, и олень обыкновенно выздоравливаетъ, если болѣзнь не запущена.

Önktö (якут. ӱӧн сӏр) — довольно большіе наросты, держащіеся на тонкой шейкѣ; появляются на головѣ оленя. По словамъ тунгусовъ, наросты содержатъ кровеносные сосуды, и если наростъ срѣзать, то олень можетъ умереть, истекши кровью. Чтобы удалить наростъ, шейку его очень туго перевязываютъ конопляной ниткой, и дней черезъ 5 — 6 наростъ отпадаетъ. Осенью, когда у оленя вырастаютъ рога, наростъ отпадаетъ самъ собою.

Кыцык — невыясненная болѣзнь, происходящая, повидимому, отъ оленьяго корма. Заболѣвшій олень хирѣетъ и въ скоромъ времени издыхаетъ.

Кровавая моча у телятъ встрѣтилась лишь въ одномъ хозяйствѣ: у тунгуса Ив. Антонова отъ нея часто погибалъ оленій приплодъ.

Свящ. Мальцевъ описываетъ еще одну болѣзнь — «джебупгки — родъ накожной парши съ чрезмѣрнымъ зудомъ, почему животное разры-

---

1) Тамъ же.

2) По свѣдѣніямъ о. В. Мальцева, приводимымъ въ томъ же письмѣ, отъ этой болѣзни «животное подыхаетъ послѣ продолжительнаго откашливанія слизистаго гноя».

3) Тамъ же о. В. Мальцевъ упоминаетъ объ аналогичной болѣзни энгге, при которой «воспаляются гнойно корни роговъ оленя», нагноеніе распространяется къ глазамъ, «и животное, лишившись ихъ, подыхаетъ».

ваетъ своими зубами больное мѣсто и иногда до костей; затѣмъ подыхаетъ, должно быть, отъ причиненной себѣ раны».

Болѣзнями оленьи бѣдствія не кончаются. Злѣйшими врагами оленеводства являются медвѣди и волки. При разбросанности оленьяго стада и его подвижности, трудно спастись отъ этихъ хищниковъ. Принимаемыя для охраны оленей мѣры, напр., крикъ, разведеніе костровъ зимой, ночные караулы, мало помогаютъ, и олени массами становятся добычей волковъ и медвѣдей. Они поѣдаютъ оленей или, вспугнувъ, загоняютъ въ такія дебри, гдѣ ихъ не найдетъ хозяинъ и гдѣ олень подыхаетъ съ голоду или совершенно дичаетъ. Иногда обезумѣвшій отъ страха олень, преслѣдуемый хищникомъ, мчится, не разбирая дороги, и напарывается на сукъ. Видя свою безпомощность передъ медвѣдями и волками, тунгусы, особенно при появленіи волковъ, часто мѣняютъ мѣста стоянки, лишаясь иногда хорошаго промысла и оленьяго кормовища. Такъ, р. Лантар, богатая рыбой и нерпами (при устьѣ), за послѣднее время рѣже посѣщается оленеводами, такъ какъ тамъ появилось много волковъ.

Ѣздовыя собаки — тоже враги оленя. Если олень наткнется на ихъ дружную и обыкновенно голодную компанію, онъ становится ея добычей. При появленіи большого количества ѣздовыхъ собакъ, тунгусъ тоже снимается съ мѣста. Такъ, прежде многіе оленные тунгусы останавливались около приморскаго Уя, гдѣ есть порядочные оленьи корма. Когда же въ этой мѣстности появились торговцы, якуты и тунгусы-собаководы, оленные тунгусы начали избѣгать долины Уя.

Новорожденнымъ телятамъ вороны иногда проклевываютъ глаза и затѣмъ заклевываютъ самихъ. Телятъ душатъ и лисицы. Кромѣ этихъ постоянныхъ враговъ оленей, тунгусамъ грозятъ случайныя и, притомъ, очень чувствительныя бѣдствія въ видѣ «плохихъ годовъ». Плохимъ годомъ считается годъ съ глубокими снѣгами. Намус—глубокій снѣгъ—затрудняетъ оленю возможность добывать мохъ, придавливаетъ мохъ такъ, что олени его не ѣдятъ, и начинается голодовка. Голодовка же ожидаетъ оленя въ случаѣ гололедицы, когда твердый снѣговой или ледяной покровъ препятствуетъ оленю кормиться. Въ такихъ случаяхъ матки не могутъ прокормить молодыхъ оленятъ,—у нихъ изсякаетъ молоко; слабость матокъ отражается и на телятахъ: они умираютъ съ голоду.

Гибнутъ крупные и мелкіе олени весной, когда ледъ ненадеженъ: отыскивая себѣ воду, они проваливаются подъ ледъ и задыхаются. Весной, при бурномъ разливѣ рѣкъ, переправляясь съ одного берега на другой, олени выбиваются изъ силъ, попадаютъ подъ сылбах (плавникъ, напосныя деревья) и тонутъ подъ нимъ. Съ крупными оленями это бываетъ сравнительно рѣдко, чаще — съ оленятами, слѣдующими за матками.

Наконецъ, къ причинамъ убыли оленей слѣдуетъ отнести: употребленіе въ пищу, отдачу за долги, продажу, утомленіе при возкѣ чая, отражающееся какъ на крупныхъ, такъ и на мелкихъ оленяхъ. Эти причины особыхъ поясненій не требуютъ.

При распредѣленіи тунгусскихъ хозяйствъ на группы по владѣнію оленями, были приняты во вниманіе два соображенія: 1) обезпеченность хозяйствъ оленями для чайной перевозки, являющейся главнымъ назначеніемъ оленеводства, и 2) выясненіе возможной зависимости состава и движенія оленей отъ общаго количества ихъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ.

Семейства, владѣющія 1—5 оленями, самостоятельно возить чай не могутъ; они, какъ совершенно необезпеченные оленями, выдѣлены въ особую группу. Семейства съ 6—10 оленями могутъ быть самостоятельными возчиками, но возможный отъ этого годовой заработокъ (въ среднемъ 130—140 р.) недостаточенъ для обезпеченія возчика. Эти семейства выдѣлены въ особую группу, какъ мало обезпеченные оленями. Семейства съ 11—20 оленями, имѣющія возможность зарабатывать въ среднемъ 230 р., составляютъ третью, среднюю по обезпеченности, группу. Семейства болѣе чѣмъ съ 20 оленями, въ смыслѣ обезпеченности, могли бы быть отнесены къ одной группѣ зажиточныхъ и богатыхъ; но, въ интересахъ второго изъ указанныхъ соображеній, они были подраздѣлены на болѣе мелкія группы: отъ 21—30, отъ 31—50, отъ 51—100 и отъ 101—150 оленей. Обезпеченность оленями для перевозки чая поддерживается лишь крупными, рабочими, оленями; поэтому, въ основу распредѣленія оленей по группамъ было взято лишь количество крупныхъ оленей въ семействѣ, мелкіе же олени считались отдѣльно, въ той группѣ, къ которой они принадлежатъ по числу крупныхъ. Получилась слѣдующая таблица:

Размѣръ владѣнія крупными оленями.	Крупные олени.				Мелкіе олени.		Всего оленей въ группѣ.	На семейство приходится всѣхъ оленей.
	Въ группѣ семействъ.	% къ общему числу.	Оленей въ группѣ.	% къ общему числу.	Оленей въ группѣ.	% къ общему числу.		
Безоленные . . .	9	13,8	—	—	—	—	—	—
1— 5 оленей .	12	18,5	45	4,6	21	4,3	66	5,5
6— 10 » .	18	27,7	143	14,6	66	13,4	209	11,6
11— 20 » .	12	18,5	191	19,6	83	16,8	274	22,8
21— 30 » .	7	10,8	177	18,1	70	14,2	247	35,3
31— 50 » .	5	7,7	211	21,6	114	23,1	325	65,0
51—100 » .	1	1,5	60	6,1	40	8,1	100	100,0
101—150 » .	1	1,5	150	15,4	100	20,1	250	250,0
Итого . . .	65	100	977	100	494	100	1.471	22,6

Судя по этой таблицѣ, въ настоящее время въ краѣ уже нѣтъ такихъ многочисленныхъ стадъ, какими раньше владѣли нѣкоторые тунгусы. Самое большое стадо—250 оленей. Въ опись не вошли упоминаемые Стефановичемъ[1]) богачи-оленеводы Алексѣй и Прасковья Карамзины, имѣвшіе, во время поѣздки Стефановича въ 1894 году, около 3.000 оленей. Опрошенные тунгусы, перечисляя богачей края, упоминали и о Карамзиныхъ, но количество оленей у нихъ они опредѣляли гораздо ниже: у Алексѣя Карамзина 400 штукъ и у Прасковьи Карамзиной 500 штукъ. Убыль оленей у нихъ тунгусы объясняютъ цāх'омъ и татáр'омъ. Остальные богачи, около 6 человѣкъ, по разсказамъ тунгусовъ, владѣютъ не свыше 250 оленями каждый.

Можетъ-быть, разница между прежними и теперешними оленными богатствами въ дѣйствительности не такъ велика.

Дѣло въ томъ, что, какъ утверждаетъ долго жившій между тунгусами-оленеводами якутъ П. В. Слѣпцовъ, въ прежнее время, да и теперь, владѣлецъ крупнѣйшихъ стадъ не зналъ точнаго количества своихъ оленей; не знали его даже и пастухи. Счетъ оленямъ производился по оленямъ-вожакамъ, за которыми ходили крупныя группы рядовыхъ оленей. Число сгруппированныхъ около вожака оленей опредѣлялось на глазокъ; убыль ихъ оставалась незамѣтной, если не была слишкомъ рѣзка. Пастухъ, собирая стадо, наблюдалъ лишь за тѣмъ, всѣ ли вожаки-олени налицо[2]); если были всѣ, онъ сообщалъ хозяину, что все обстоитъ благополучно. Сообщеніе не всегда оказывалось правильнымъ; по разсказамъ П. В. Слѣпцова, около стадъ богачей питались бѣдняки-тунгусы. Гонясь за богатымъ тунгусомъ, какъ за хорошей дичью, составляя будто бы его почетную свиту, кормящуюся охотой на дикихъ оленей, лосей и проч., они частенько «подстрѣливали» оленей богача; убыль оставалась незамѣтной, такъ какъ эти своеобразные «охотники» довольствовались рядовыми оленями, не трогая вожаковъ. Теперь подсчетъ оленей гораздо точнѣе, потому что, во-первыхъ, стада невелики, а, во-вторыхъ, каждый олень стоитъ на счету въ виду предстоящей чайной перевозки. Но и не особенно довѣряясь сообщеніямъ, переданнымъ Стефановичу, приходится согласиться съ тѣмъ, что тысячныя стада отошли уже въ область преданій: хотя счетъ оленей раньше былъ далекъ отъ истины, но и ошибка тунгусовъ не могла равняться тысячамъ; убыль крупныхъ оленьихъ стадъ была бы видна и «на глазъ». Объ исчезновеніи тысячныхъ стадъ говорятъ и сами тунгусы, сравнивая прежнія времена съ настоящими.

---

1) Отъ Якутска до Аяна, стр. 119.

2) Этимъ, вѣроятно, и объясняется отмѣченная нѣкоторыми путешественниками способность тунгусскихъ пастуховъ помнить всѣхъ оленей при тысячныхъ стадахъ; ничего удивительнаго въ этомъ, при данномъ объясненіи, нѣтъ.

Соединяя въ одно первыя три группы, помѣщенныя въ послѣдней таблицѣ, получаемъ, что 60% всего количества семействъ состоятъ изъ безоленныхъ, необезпеченныхъ и мало обезпеченныхъ оленями; средняя группа будетъ равна 18,5% всѣхъ семействъ, и зажиточные съ богатыми составятъ 21,5%.

Первыя три группы имѣютъ 18,6% всѣхъ, крупныхъ и мелкихъ, оленей, средняя — 18,6% и богатые — 62,8%.

Первый выводъ показываетъ, что большинство тунгусовъ пріаянскаго района бѣдно оленями, и потому оленеводство вообще слѣдуетъ считать неблагополучнымъ; второй — что владѣніе оленями очень неравномѣрно. Послѣднее можно видѣть и изъ графы: «на семейство приходится всѣхъ оленей».

Показателемъ будущаго олеиеводства можетъ служить процентное отношеніе телятъ къ общему числу крупнаго скота: болѣе плодовитыя группы имѣютъ и большій процентъ.

Процентное отношеніе наличныхъ телятъ къ наличному крупному скоту дало слѣдующую таблицу:

Размѣръ владѣнія крупными оленями.	Крупныхъ оленей.	Телятъ.	Процентъ мелкихъ къ крупнымъ въ группѣ.
1— 5	45	21	46,7
6— 10	143	66	46,2
11— 20	191	83	43,5
21— 30	177	70	39,5
31— 50	211	114	54,0
51—100	60	40	66,7
101—150	150	100	66,7
Итого . .	977	494	50,6

Среднее % отношеніе телятъ къ крупнымъ оленямъ равно 50,6. Колебанія процента въ отдѣльныхъ группахъ идутъ, убывая въ среднихъ группахъ и повышаясь въ крайнихъ. Это указываетъ на то, что процентъ телятъ не находится въ прямой связи съ оленнымъ богатствомъ группы.

Абсолютныя числа убывшихъ мелкихъ и крупныхъ оленей за 1901, 1902 и первую половину 1903 года, съ указаніемъ причинъ убыли, показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ. Не всѣ семейства могли дать свѣдѣнія за 1901 и 1902 годы, такъ что дѣйствительную убыль слѣдуетъ считать значительно выше. Таблица имѣетъ интересъ лишь для выясненія причинъ убыли оленей (см. стр. 32).

Перечисленныя въ таблицѣ причины неодинаково вліяли на убыль мелкихъ и крупныхъ оленей, взятыхъ въ отдѣльности. На убыль первыхъ вліяли преимущественно нападенія волковъ и медвѣдей, а затѣмъ—употребленіе въ пищу и цāх. На убыль вторыхъ вліяли: цāх, употребленіе въ пищу, отдача за долги, продажа. Кромѣ того, есть нѣкоторыя графы, относящіяся только къ телятамъ, напр.: слабость при рожденіи, нападенія мелкихъ хищниковъ — лисицъ, воронов.

Всѣ извѣстныя причины убыли, показанныя въ таблицѣ, можно сгруппировать въ нѣсколькихъ болѣе общихъ рубрикахъ: болѣзни, нападенія хищныхъ звѣрей, несчастные случаи (утонули, задавлены матерью, ноги попортили при бѣгѣ, потерялись), голодъ оленей, необезпеченность тунгусовъ (отданы за долги, пошли въ пищу), продажа и вліяніе чайной перевозки (въ большинствѣ—неправильные роды, слабость при рожденіи, выкидыши).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ причинъ убыли, при желаніи администраціи, можно было бы парализовать. До сихъ поръ тунгусскому оленеводству не оказывалось никакой поддержки: ветеринарія совершенно отсутствовала, пріобрѣтеніе оружія для борьбы съ хищными звѣрями не облегчалось, на экономическое положеніе тунгусовъ не обращали вниманія, на аянско-нельканскомъ трактѣ меньше гатей и мостовъ, чѣмъ исписанной о немъ бумаги въ канцеляріяхъ, обзаведенію оленями содѣйствовали только торговцы и, конечно, ужъ не ради поднятія благосостоянія своихъ кліентовъ. Между тѣмъ, всѣ эти причины въ совокупности даютъ 57,8% убыли всѣхъ оленей за три года: 18,9%—отъ болѣзней, 10,9%—отъ волковъ и медвѣдей, 11,4% отданы за долги и 16,6% пошли въ пищу. Кромѣ того, изъ 14,6%, падающихъ на «неизвѣстныя причины», добрая половина должна быть отнесена къ тѣмъ же причинамъ, какъ объ этомъ можно заключать по высотѣ процентовъ ихъ сравнительно со всѣми остальными извѣстными причинами убыли.

При настоящихъ условіяхъ оленеводства, судить о его будущемъ невозможно: слишкомъ велика безпомощность тунгусовъ передъ многочисленными бѣдствіями оленеводства, слишкомъ мало поддержки оказывается тунгусамъ со стороны, слишкомъ чутки олени къ малѣйшему колебанію въ ихъ жизни: олень—«хрупкое животное, не какъ якутскій скотъ», говорятъ тунгусы. Сегодняшній богачъ въ нѣсколько недѣль можетъ стать положительнымъ бѣднякомъ. Изъ многочисленныхъ разсказовъ о бѣдахъ тунгусовъ приведемъ разсказъ Василія Карамзина. «Послѣ свадьбы купилъ 20 оленей да во время женитьбы добылъ оттуда-отсюда 50 оленей. Вскорѣ большая часть передохла. Подъ мѣста (чайную возку) купилъ 125 оленей, всего стало 150. Черезъ годъ осталось только 40. Три-четыре раза такъ

	1903-й год.						1902-й год.			1901-й год.						За три года.					
	Телятъ убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Крупныхъ оленей убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Всего убило оле-ней.	% къ другимъ гра-фамъ.	Телятъ убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Крупныхъ оленей убило.	Телятъ убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Крупныхъ оленей убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Всего убило оле-ней.	% къ другимъ гра-фамъ.	Телятъ убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Крупныхъ оленей убило.	% къ другимъ гра-фамъ.	Всего убило оле-ней.	% къ другимъ гра-фамъ.
Бутýка (цäх)	14	16,7	60	61,3	74	40,9	8	6,8	12	10,2	20	8,6	1	1,4	8	8,0	9	5,4	23	8,0	80	25,3	103	17,5
Кыпык	—	—	—	—	—	—	3	2,5	—	—	3	1,3	4	5,7	—	—	4	2,4	7	2,8	—	—	7	1,0
Ядäрман	—	—	—	—	—	—	1	0,9	—	—	1	0,4	—	—	—	—	—	—	1	0,4	—	—	1	0,2
Татáр	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,4	—	—	1	0,6	1	0,4	—	—	1	0,2
Волки, медвéди съéли	13	15,6	12	12,2	25	13,8	23	19,4	4	3,6	27	11,7	8	11,4	4	3,5	12	6,5	44	16,0	20	6,3	64	10,9
Собаки съéли	6	7,2	—	—	6	3,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	2,4	—	—	6	1,0
Лисицы съéли (телятъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	4,3	—	—	3	1,8	3	1,2	—	—	3	0,5
Вороны заклевали (телятъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,4	—	—	1	0,6	1	0,4	—	—	1	0,2
Потерялись	4	5,0	14	14,3	18	10,0	3	2,5	3	2,8	6	2,6	19	27,3	2	1,5	21	12,3	26	9,0	19	6,1	45	7,5
Утонули	5	6,0	2	2,0	7	4,0	4	3,4	—	—	4	1,7	3	4,3	—	—	3	1,8	12	4,0	2	0,6	14	2,4
Мать задавила (о телятахъ)	—	—	—	—	—	—	1	0,9	—	—	1	0,4	—	—	—	—	—	—	1	0,4	—	—	1	0,2
Погибли отъ намус'а (круп. олени)	—	—	—	—	—	—	2	1,7	—	—	2	0,8	—	—	—	—	—	—	2	0,8	—	—	2	0,3
Съ голоду пали	4	5,0	—	—	4	2,2	7	5,9	—	—	7	3,0	2	2,8	—	—	2	1,2	13	5,0	—	—	13	2,4
Отданы за долги	1	1,2	—	—	1	0,5	1	0,9	34	29,0	35	15,1	1	1,4	30	30,0	31	18,1	3	1,2	64	20,3	67	11,4
Пошли въ пищу	1	1,2	7	7,2	8	4,3	10	8,0	34	29,0	44	17,4	16	23,0	30	30,0	46	27,0	27	10,0	71	22,5	98	16,6
Проданы	—	—	2	2,0	2	1,1	—	—	27	23,0	27	11,7	—	—	27	27,0	27	15,8	—	—	56	17,7	56	9,5
Неправильные роды	7	8,4	1	1,0	8	4,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	2,5	1	0,3	8	1,3
Слабость при рожденіи (телята)	2	2,4	—	—	2	1,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,8	—	—	2	0,3
Выкидыши (телята)	6	7,2	—	—	6	3,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	2,4	—	—	6	1,0
Ноги попортили при бѣгѣ	3	3,6	—	—	3	1,7	2	1,7	1	0,8	3	1,3	—	—	—	—	—	—	5	2,0	1	0,3	6	1,0
Неизвѣстныя причины	17	20,5	—	—	17	9,4	54	45,4	2	1,6	56	24,0	11	15,6	—	—	11	6,5	82	30,3	2	0,6	84	14,6
Всего	83	100,0	98	100,0	181	100,0	119	100,0	117	100,0	236	100,0	70	100,0	101	100,0	171	100,0	272	100,0	316	100,0	588	100,0

разорялся. Потомъ заработалъ 30 оленей, взялъ въ «тéло» 100 оленей, купилъ подъ мéста 50; стало 200 оленей крупныхъ, а съ мелкими 300. Послѣ того какъ частью расплатился за купленныхъ оленей, когда долгу осталось 700 рублей и когда подъ возку чая взялъ задатку 900 рублей,—опять отъ цäх'а большая часть оленей издохла. Осталось только 60 головъ. На этихъ оленяхъ пробовалъ возить чай, подряда не кончилъ, задолжалъ. Взялъ еще 100 оленей. Не успѣлъ заплатить за нихъ, опять начался падежъ оленей. Наконецъ, послѣднимъ лѣтомъ изъ 150 всѣхъ оленей погибла большая часть. Съ Ильина дня до 3 сентября 6 телятъ и 4 старыхъ оленя волки съѣли, 24 погибли отъ цäх'а, 6 оленей больны имъ; 9 заболѣвшихъ работники бросили въ дорогѣ, а потомъ олени затерялись; 26 оленей пропало, искать нельзя—земля черна; когда выпадетъ снѣгъ, можетъ быть, найду. По моему счету, такихъ оленей, изъ которыхъ можно извлекать пользу, осталось только 37 штукъ».

Продуктами оленеводства являются: молоко, мясо, кожа и различныя мелкія издѣлія изъ роговъ.

Самымъ молочнымъ оленемъ является вилюйскій: онъ даетъ около бутылки молока въ день. Лучшія мѣстныя матки даютъ полбутылки, а среднія — чайную чашку или полчашки. Малый удой отчасти объясняется тѣмъ, что тунгусы позволяютъ телятамъ все время сосать матокъ. Время доенія

коровъ очень непродолжительно: отъ Петрова до Покрова дня (т.-е. съ 29 іюня до 1 октября). Послѣ Покрова забеременѣвшія самки перестаютъ доиться, а послѣ теленія до Петрова дня тунгусы коровъ не доятъ, предоставляя молоко новорожденнымъ телятамъ. Коровы, у которыхъ телята издохли, не доятся; чужихъ телятъ онѣ къ себѣ не подпускаютъ, а средства припускать тунгусы не знаютъ. Въ 1903 году изъ 424 самокъ было недойныхъ 53, т.-е. 12%.

Изъ оленьяго молока приготовляютъ масло: молоко вливается въ турсуки и при перекочевкахъ привязывается сверхъ клади; во время пути оно взбалтывается и такимъ образомъ сбивается въ масло. Масла вырабатывается мало, такъ какъ удой и запасы молока незначительны. Чаще молоко употребляется въ видѣ «забѣлки» къ чаю.

Убиваютъ оленей на продажу только богатые тунгусы. Мясо продается не пудами, а цѣлой тушей, половиной или четвертью туши. Четверть туши называется «мѣстомъ» оленьяго мяса; цѣна мѣста — 6 рублей, если олень большой, и отъ 2 р. 50 к. до 3 р. — если маленькій. Самый жирный олень на убой стоитъ не дороже 30 рублей. Мѣра ожирѣнія оленя — палецъ. Самый жирный имѣетъ на крестцѣ 3 пальца жира. Общая продажа оленей равна 17,7% убыли крупныхъ. Значительная часть, надо полагать, была продана не на убой, такъ что убыль отъ убоя во всякомъ случаѣ ниже 10%.

Оленья кожа идетъ на зимнюю одежду, обувь и покрышку урасъ. Съ поднятіемъ цѣны оленей и употребленіемъ ихъ для чайной перевозки, убой оленей для полученія кожи сильно сократился. Въ прежнее время беременныхъ самокъ убивали для полученія выпорotковъ на дохи. Теперь это является рѣдкой роскошью въ наиболѣе богатыхъ семействахъ; жалѣютъ, что такимъ образомъ убьютъ двухъ оленей. Для полученія мѣха на доху богатые убиваютъ осенью суоңначāн'овъ.

Ровдуга получается только отъ жирныхъ оленей; съ тощихъ ее нельзя получить: слишкомъ тонка. Иногда ровдугу окрашиваютъ въ красный и черный цвѣтъ. Краска приготовляется самими тунгусами: жуется лиственная смола, слюна сплевывается на кусокъ красной охры (якут. сосо, тунг. дāwоксӧ), а другимъ кускомъ той же охры трутъ смоченное слюной мѣсто; слюна окрашивается въ красный цвѣтъ, и краска готова. Окрашиваніе производится кисточкой изъ обрѣзковъ оленьихъ лапокъ. Добываніе черной краски и окрашиваніе производятся такъ же; красная охра замѣняется камнемъ нāндагі (смола, черный камень). Изъ роговъ оленя дѣлаются различныя мелкія вещи: курительныя трубки, луки къ вьючнымъ сѣдламъ, ружейныя мѣрки, ручки къ забойникамъ. Изъ оленьихъ сухожилій приготовляютъ питки для шитья одежды и обуви.

Кормомъ оленя зимой служитъ оленій мохъ, а лѣтомъ, кромѣ него, и разная трава. Въ пріаянскомъ районѣ существуетъ нѣсколько видовъ оленьяго мха: наукта, лабукта, сӯlӯбахта, нӓlікта, чібан и др. Наукта — бѣлаго цвѣта, съ развѣтвленіями въ видѣ оленьихъ роговъ[1]).

Лѣсные пожары, уничтожающіе оленьи кормовища—великое бѣдствіе для оленевода. Послѣ пожара кормовище возстановляется лишь черезъ 30 лѣтъ. Лабукта вовсе не растетъ на выгорѣвшемъ мѣстѣ; вмѣсто нея въ небольшомъ количествѣ появляется сӯlӯбахта. Выгорѣвшія кормовища въ теченіе десятковъ лѣтъ остаются пустынными. Изъ-за пожара тунгусы должны были оставить старую дорогу для возки чаевъ, по р. Быранджа. Кормовища использовываются не цѣликомъ, такъ какъ олени вытаптываютъ часть мха. Вытоптанныя кормовища возобновляются черезъ 3 года.

При возкѣ чая тунгусы употребляютъ и искусственный кормъ: выбившихся изъ силъ оленей они откармливаютъ болтушкой изъ сушеной и размолотой икры, разведенной въ водѣ.

Попытки подкармливать телятъ во время истощенія матокъ оказывались безуспѣшными: пробовали кормить телятъ затураномъ (тунг. сатурӓн)—мукой, поджаренной на маслѣ и заваренной въ кипяткѣ или чаѣ, но телята не ѣли затурана. Лакомствомъ оленей является соль.

Права на оленныя кормовища ничѣмъ не опредѣляются: каждый пасетъ, гдѣ захочетъ. Если кому не нравится сосѣдство другого, онъ не станетъ заявлять претензіи и просто удалится въ другое мѣсто. Если кто займетъ чужое мѣсто, на захватъ не жалуются: считаютъ, что прибывшій сталъ сосѣдомъ. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ бываютъ и исключенія: «я не скажу о прибывшемъ: онъ отнялъ мѣсто, на которомъ я живу; богатый богатаго можетъ и удалить, причемъ долженъ одолѣть прежде осѣвшій человѣкъ» (Иванъ Амосовъ). Вѣроятно, здѣсь играетъ роль простой расчетъ: небольшое стадо сравнительно немного съѣстъ — поэтому, его терпятъ, большое же стадо невыгодно для осѣвшаго прежде, и, если есть возможность, незваный сосѣдъ удаляется («богатый богатаго»).

Пользуясь свободой кормовищъ, въ пріаянскій районъ приходятъ и якуты со своими оленями. Тунгусы не только не выражаютъ недовольства этимъ, но говорятъ, что рады якутамъ. Радость, можетъ-быть, объясняется не гостепріимствомъ, а тѣмъ, что иногда якуты отдаютъ тунгусамъ на попеченіе свой скотъ.

При выборѣ мѣста для пастьбы руководствуются обиліемъ корма,

---

1) Подробное описаніе разныхъ видовъ мха см. у А. А. Еленкина и В. П. Савича, op. cit.

удобствомъ наблюденія за оленями и сравнительной безопасностью ихъ отъ хищниковъ. Самымъ удобнымъ для наблюденія мѣстомъ считаются долины, окруженныя съ трехъ сторонъ горами, черезъ которыя оленямъ трудно перебраться. Тунгусы въ такомъ случаѣ располагаются въ проходѣ изъ долины. Зимой, когда снѣгъ глубокъ, стада сгоняютъ на вершины горъ, гдѣ имѣются кормовища, а когда снѣгу мало — въ долины; весной обычно пасутъ въ равнинахъ, у подошвы «гольцовъ».

Олени любятъ держаться большими стадами. Малооленные тунгусы должны зорко смотрѣть за своими оленями при уходѣ сосѣдняго большого стада, особенно первые три дня. Лѣтомъ, въ сухую погоду, олени стараются держаться близъ дымокуровъ, спасаясь отъ массы комаровъ и оводовъ. Дымокуры разводятся тунгусами вблизи стоянки. Въ сырую погоду, когда не видно ни комаровъ, ни оводовъ, олени разбредаются верстъ за 20 отъ жилья, если ихъ не остановятъ трудно переходимыя горы. Зимой олени уходятъ сравнительно недалеко: по глубокому снѣгу верстъ за 10. Передвиженіями ихъ управляютъ олени-вожаки. Подвижность стада требуетъ постояннаго присмотра за оленями, особенно весной и осенью.

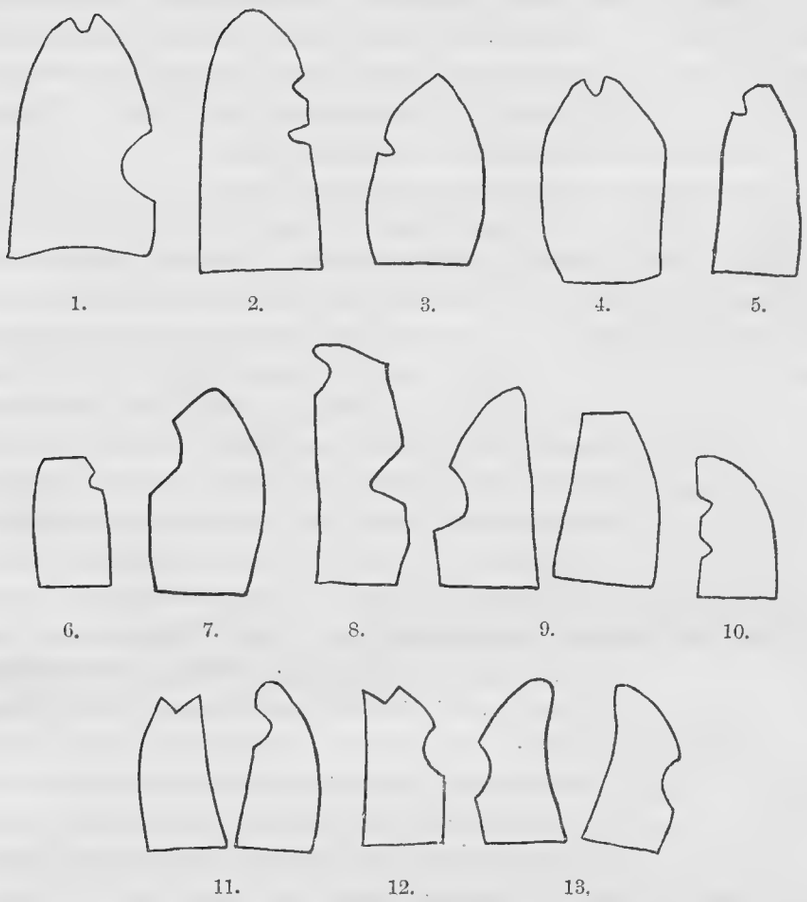
Малооленные тунгусы смотрятъ за оленями сами, держа ихъ въ небольшой лощинкѣ, предварительно вырубивъ въ ней мелкія деревца для удобства надзора. Богатые тунгусы нанимаютъ пастуховъ. Пастухъ долженъ быть «шустрымъ», какъ и сами олени, и притомъ молодымъ,—иначе не угнаться ему за быстрымъ, подвижнымъ, пугливымъ стадомъ. Два молодыхъ, хорошихъ пастуха могутъ присмотрѣть за 70—80 оленями. Обыкновенно же бываетъ 3—4 пастуха, наблюдающихъ за стадомъ въ 150—200 головъ. Пастухамъ оставляются ружья — главнымъ образомъ, винчестеры, берданы—для охоты на хищниковъ и для защиты отъ нихъ. Пользуясь сухимъ временемъ, когда олени грудятся около дымокуровъ, пастухъ ловитъ рыбу, промышляетъ звѣрей. Когда кормъ кончается, онъ перегоняетъ оленей на облюбованныя заранѣе мѣста.

Несмотря на надзоръ, олени часто затериваются, иногда на время, а иногда и навсегда. За потерянаго оленя, взятаго подъ присмотръ пастухами, послѣдніе платятъ половину цѣны.

Чтобы отличить своихъ оленей отъ чужихъ, многооленные тунгусы мѣтяхъ ихъ. Мѣты состоятъ изъ вырѣзокъ на ушахъ оленей: надрѣзки дѣлаютъ по прямой линіи, подъ угломъ и овально; надрѣзаютъ верхушку уха и стороны его, дѣлаютъ одну или двѣ вырѣзки на одномъ или обоихъ ушахъ. Изъ этихъ элементовъ и получаютъ самыя разнообразныя сочетанія, дающія возможность хозяину распознать своихъ оленей.

Если въ небольшомъ районѣ промышляло много семействъ, то, по окончаніи промысла, олени вылавливаются общими силами. Для этого ихъ

«Мѣты» на ушахъ у оленей — ilкан.



Названія мѣтъ:

1. Мѣта вверху — салпāка, сбоку — чāмыiча. 2. Токравча. 3. Чāмыiча. 4. Салпāка. 9. Слѣва — чāмыiча, справа — корббо. 11. Слѣва — салпāка, справа — дулгідан ilканін. 12. Вверху — салпāка, сбоку — чāмыiча. 13. Сбоку на обоихъ ушахъ — чāмыiча.

сгоняютъ въ одно мѣсто и окружаютъ веревочной цѣпью. Затѣмъ изъ стада выбираются смирные олени, привязываются одинъ къ другому и отводятся неподалеку за цѣпь. Остальныхъ вылавливаютъ и выволакиваютъ веревкой за шею или заднюю ногу и присоединяютъ къ отдѣленнымъ. Чтобы отдѣленные не возвращались назадъ, наготовѣ стоятъ два тунгуса съ длинной веревкой, которую они быстро натягиваютъ, загораживая дорогу бѣглецу. При вводѣ новаго пойманнаго оленя веревка опускается. Веревочная загородка не всегда помогаетъ, и оленей снова приходится вылавливать. Самыхъ неподатливыхъ ловятъ арканомъ или маут'омъ. Маут дѣлается изъ ремня; длина его — отъ 25 до 60 аршинъ. Съ одной стороны онъ оканчивается петлей

изъ того же ремня, если олени смирные, и роговымъ кольцомъ [1]), если олени неподатливые. Черезъ петлю, начиная съ ближайшаго къ ней конца, пропускается ремень и собирается въ кольца. Налету кольца образуютъ одну огромную петлю, захватывающую какую-либо изъ роговыхъ вѣтвей оленя. Бываетъ, что, вмѣсто роговъ, подвертываются подъ петлю и ноги оленя, когда онъ рванется впередъ, чтобы избѣжать поимки.

Результаты лѣтней кормежки у богатыхъ и бѣдныхъ тунгусовъ неодинаковы. Бѣднякъ, при перекочевкахъ, большую часть своихъ оленей употребляетъ подъ перевозку домашняго скарба. Переходы бываютъ часто и утомляютъ оленей. Олени богача чередуются во вьючной работѣ. Кромѣ того, богачъ не гонится за рыбнымъ промысломъ и выбираетъ лучшія кормовища, расположенныя иногда и вдали отъ рыбныхъ мѣстъ; поэтому, олени богача гораздо лучше откармливаются. Упряжка оленей для каждой изъ трехъ главныхъ работъ различна. Для ѣздовыхъ, запрягаемыхъ въ нарты оленей сбруей служатъ ѣлыки—широкіе клиновидные ремни (шлеи) изъ нерпичьей кожи, захлестывающіеся кольцомъ черезъ плечо оленя. Хотя кольцо дѣлается изъ широкаго ремня, оно натираетъ оленю плечо, и потому, при ѣздѣ, приходится ежедневно впрягать оленя то съ лѣвой, то съ правой стороны. Для управленія ѣздовыми оленями употребляется лишь оброть (недоуздокъ) съ длиннымъ поводкомъ изъ одного нерпичьяго ремня. Этимъ поводомъ можно поворачивать оленя въ любомъ направленіи. Къ переднимъ оленямъ привязываются задніе, такъ что для нихъ особаго поводка не нужно. Для верховой и вьючной ѣзды употребляются сѣдла, которыя кладутся на загривокъ оленя, а не на спину, такъ какъ спина очень хрупка. Верховое сѣдло бываетъ шире и съ подушкой. При спускахъ и подъемахъ, чтобы сѣдло не съѣхало, петлю захлестываютъ то сзади, то спереди. На верхового оленя садятся съ правой стороны, при помощи посоха (tiwyн); безъ него садятся только на смирнаго оленя и съ какого-либо возвышеннаго мѣста. При помощи тівун'а ѣздокъ сохраняетъ равновѣсіе во время ѣзды: безъ опоры трудно усидѣть на сѣдлѣ вслѣдствіе крайней подвижности кожи на загривкѣ [2]). Управляютъ верховыми и вьючными оленями такъ же, какъ и ѣздовыми; только поводокъ бываетъ значительно короче. Одинъ тунгусъ (Егоръ Мартыновъ) проѣхалъ на оленѣ разстояніе въ 100 верстъ въ однѣ сутки; половину дороги онъ пробѣжалъ рядомъ съ оленемъ. По словамъ тунгусовъ, то же разстояніе на лошадяхъ пришлось бы ѣхать четверо сутокъ.

За оленями ухаживаютъ немогущіе промышлять мужчины. Женщины въ уходѣ не принимаютъ никакого участія.

---

1) Изъ рога оленя или дикаго барана.

2) Въ дорогѣ посохъ служитъ для отряхиванія снѣга съ вѣтвей въ лѣсу и для натягиванія на урасу покрышки изъ ровдуги или какой-либо матеріи (напр., кретона).

Обращеніе съ оленями, въ общемъ, любовное. Тунгусы, особенно дѣти, любятъ украшать головы верховыхъ оленей тряпочками, къ которымъ привязываются бусы, бронзовыя пуговицы, металлическія пуговицы отъ штановъ и т. п. Не обходится, конечно, и безъ «недоразумѣній» между оленемъ и хозяиномъ: «если олень сгрубитъ, немножко стегаемъ», говорилъ одинъ тунгусъ.

в) Рыболовство.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая вскрывается большинство приморскихъ рѣчекъ. Тогда начинается и самый ранній ловъ рыбы (у устья Алдомы). Въ это время число рыбачащихъ семействъ незначительно: часть не успѣла еще окончательно раздѣлаться съ возкой чая, другая отправилась на морской промыселъ, такъ какъ ранней весной рыбы въ рѣкахъ мало. Главный рыболовный сезонъ протекаетъ между Петровымъ и Семеновымъ (1 сентября) днями. Въ это время къ устьямъ значительныхъ рѣкъ сходится масса рыбы для метанія икры. Изъ устья она идетъ къ верховьямъ, увлекая за собою тунгусовъ. Въ рѣки пріаянскаго района заходятъ слѣд. виды рыбъ: майма — маіма, malma, манмāчан (Salvelinus alpinus malma Walb.), кунжа — кунца, дукча (Salvelinus leucomaenis Pall.), горбушка — окоро (Oncorhynchus gorbuscha Walb.), кета — кēтā (Oncorhynchus keta Walb.), пестрая видомъ, мясо бѣлое; нярка (красная рыба) — нāрка (Oncorhynchus nerka Walb.); «когда выходитъ изъ моря, чешуя — бѣлая, какъ серебро; мясо — совсѣмъ красное, когда жирная; когда состарѣется, чешуя — красная, мясо — совсѣмъ бѣлое»; вѣсъ нярки 7—8 фунтовъ; ӏоцкі — «чешуя бѣлая, мясо красное», и чавыча — чабыча (Oncorhynchus tschawytscha Walb.), чешуя темная, мясо красное[1]). Ходъ рыбы въ рѣкахъ наблюдается въ такомъ порядкѣ: съ 29 іюня до 1 августа — горбушка, съ 29 іюня до 1 сентября — майма, съ 20 іюля до 1-го сентября — кета; самая поздняя рыба, кунжа — съ 1 августа до 1 сентября.

Не во всякой, даже сравнительно крупной, рѣкѣ можно найти рыбу всѣхъ сортовъ. Такъ, тунгусы говорятъ, что всѣ сорта встрѣчаются въ рѣкахъ Алдома и Лаӈтар, но въ Немыѣ нѣтъ маймы и кунжи, а въ пріаянскомъ Уѣ мало кеты. Самая распространенная во всѣхъ рѣкахъ рыба — горбушка.

Не вся рыба возвращается съ верховьевъ рѣкъ въ море. Кета и горбушка, дойдя до верховьевъ рѣки, погибаютъ отъ истощенія. Горбушка плыветъ до самыхъ верховьевъ, а когда нельзя плыть, ползетъ дальше вверхъ. Въ мелкихъ мѣстахъ корпусъ ея виденъ поверхъ воды. Запоздавшая горбушка погибаетъ въ пути, не дойдя до верховьевъ.

1) Научное опредѣленіе приведенныхъ здѣсь видовъ рыбъ дано извѣстнымъ ихтіологомъ Л. С. Бергомъ.

Только кунжа и майма не погибаютъ. Достигши верховьевъ, около Семенова дня (1 сентября), онѣ изъ мелкихъ рѣчекъ переходятъ въ главное русло рѣки и, добравшись до самыхъ глубинъ ея, гдѣ вода не промерзаетъ и ледъ сравнительно тонокъ, остаются тамъ на зимовку. Около Николина дня (9 мая), когда тронется ледъ, онѣ двигаются вмѣстѣ съ нимъ къ морю, а потомъ, въ свое время, совершаютъ опять путешествіе къ верховьямъ рѣкъ.

Ловить на морѣ, когда рыба приближается къ устьямъ рѣкъ, не такъ удобно, какъ въ рѣкахъ, и, кромѣ того, сильное морское волненіе не безопасно для рыболововъ; поэтому, они ждутъ появленія рыбы въ рѣкахъ.

Съ наступленіемъ послѣдняго момента, тунгусы-рыболовы разсыпаются по приморскимъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, слѣдуя за рыбой: «идемъ за нашимъ ртомъ, мы голодны!» — объясняетъ этотъ походъ тунгусъ Софронъ Винокуровъ.

Передвиженіе совершается на оленяхъ, которые потомъ или сами возвращаются на старыя кормовища, если новыхъ поблизости нѣтъ, или отдаются на попеченіе пастухамъ. Тунгусы, имѣющіе лодки, передвигаютъ ихъ или на веслахъ, или упираясь двумя палками въ дно, или же просто тащатъ ихъ.

Урасы ставятся на высокихъ мѣстахъ берега изъ опасенія неожиданной прибыли воды. Промышлять вблизи моря тунгусы не рѣшаются, боясь наводненія. Что опасенія тунгусовъ основательны, доказываетъ слѣдующій случай. Лѣтъ 20 тому назадъ семья Николая Амосова поселилась въ двухъ верстахъ отъ устья Алдомы. Ночью вода незамѣтно поднялась, — вѣроятно, отъ обильнаго дождя. Ураса со всѣмъ имуществомъ и людьми понеслась въ море. Родители Амосова погибли, а самъ онъ случайно спасся, ухватившись за верхушку дерева.

Ловля рыбы производится сѣтями (адыl, адыл) и особымъ крючкомъ — ölгу. По внѣшнему виду ölгу напоминаетъ удилище, а по способу употребленія — острогу. Орудіе это имѣетъ древко изъ молодой лиственницы или ели, сажени $2^1/_2$ длиной. Ближе къ тонкому концу, на разстояніи аршинъ двухъ отъ него, къ древку на ремнѣ изъ перпичьей кожи подвѣшивается желѣзный, заостренный съ одного конца, большой крюкъ, съ отверстіемъ посрединѣ тупого его конца. На самомъ краю тонкаго конца древка вырѣзывается продольный желобокъ, послѣ чего конецъ обматывается ремешкомъ. Неприготовленное къ ловлѣ ölгу, такимъ образомъ, напоминаетъ удилище съ привязанной къ нему короткой бечевой и крюкомъ. Чтобы приготовить ölгу къ ловлѣ, нужно плотно вложить ножку крюка въ желобокъ, причемъ острее крюка должно быть обращено въ одну сторону съ тонкимъ концомъ древка. Рыболовъ стоитъ на берегу и выжидаетъ рыбу,

держа ölгу такъ, чтобы крюкъ былъ сверху древка. Когда рыба приблизится на достаточное разстояніе, конецъ древка направляютъ ниже рыбы, затѣмъ съ силой ударяютъ въ нее, крюкъ вонзается въ тѣло, причемъ силой удара онъ выбивается изъ желобка, рыба виснетъ на веревкѣ и вытаскивается на берегъ, гдѣ ее добиваютъ деревяжкой. Ölгу употребляется только въ глубокихъ мѣстахъ и для большой рыбы, преимущественно кунжи.

Сѣтью ловятъ въ заливчикахъ рѣки и мелкихъ ея мѣстахъ. Существуетъ два способа ловли сѣтью: съ лодкой и безъ лодки. Первый способъ таковъ. Одинъ конецъ сѣти прикрѣпляется коломъ на берегу рѣки, а другой конецъ ея, тоже неподвижно, устанавливается въ глубинѣ рѣки. Проходящая рыба запутывается въ ячейкахъ сѣти, и, когда по поплавкамъ замѣчаютъ, что ея набралось достаточно, отправляются на лодкѣ и выбираютъ рыбу, а сѣть вновь закидываютъ. Если рыба ускользаетъ изъ ячеекъ, ее зацѣпляютъ особымъ желѣзнымъ крюкомъ на древкѣ (уріwун).

Если лодки нѣтъ, сѣть закидывается при помощи длиннаго шеста, который наставляютъ во всю длину сѣти, а если нужно, то прикрѣпляютъ къ одному шесту другой. Шестъ закидываютъ, стоя по поясъ въ водѣ, по направленію къ верховью рѣки. Свободный конецъ сѣти несетъ быстрымъ теченіемъ и прибиваетъ къ берегу вмѣстѣ съ рыбой, захваченной во время хода сѣти. Такой способъ практикуется въ мѣстахъ обильнаго хода рыбы. Сѣть закидывается впереди идущей рыбы. Неимѣющіе лодокъ часто отыскиваютъ мелкія мѣста рѣки и ловятъ тамъ бродомъ. Обыкновенно сѣти ставятъ ночью, а не днемъ, такъ какъ «днемъ хорошая рыба не идетъ, а только горбушка». Ловятъ всю ночь, а утромъ вынимаютъ сѣти и сушатъ ихъ на кольяхъ. Во время сильнаго хода рыбы сѣть наполняется ею, какъ только упадетъ на дно. Во время средняго хода за одинъ разъ попадаетъ 5, 10, 20, 30 штукъ.

Быстрое теченіе рѣкъ иногда мѣшаетъ рыболовамъ: сѣть не опускается на дно. Чтобы ослабить теченіе, въ такихъ случаяхъ устраиваютъ такъ называемое налбá (парва): у берега, поперекъ рѣки, ставятъ до 3 лѣсинъ на ножкахъ; вѣтви лѣсинъ спускаются до дна и, такимъ образомъ, задерживаютъ теченіе. Сѣть закидываютъ ниже налбá. Когда начинаются сильные дожди, дѣла рыболововъ плохи. Рѣка разливается; заливчики, гдѣ ставятъ сѣти, исчезаютъ; бурное теченіе пельзя остановить ничѣмъ. Въ это время ловля производится только при помощи ölгу.

Богатые тунгусы для каждаго сорта рыбы имѣютъ особыя сѣти, разпящіяся величиной ячеекъ, въ зависимости отъ величины рыбы, большинство же имѣетъ два рода сѣтей. Безъ сомнѣнія, это отражается на качествѣ улова, но изрѣдка каждый сортъ рыбы попадаетъ въ любую сѣть. Чаще

всего неподходящими сѣтями ловится кета. На мелкихъ притокахъ рѣкъ иногда ставятъ верши, строятъ заѣзки. Въ верши попадаютъ майма и кунжа. Эти два способа ловли распространены мало.

Ранней весной всѣ помыслы рыболововъ сосредоточены на томъ, чтобы ловлей только поддержать свое существованіе. Когда рыбы появляется много и голодъ утоленъ, начинаютъ ловить для запасовъ на зиму. Въ это время тунгусы становятся разборчивы и не всегда ловятъ каждый изъ проходящихъ сортовъ рыбы. О горбушкѣ рыболовы часто отзываются недружелюбно, и, дѣйствительно, она представляетъ мало привлекательнаго: идя вверхъ по рѣкѣ, она щиплетъ другъ друга до того, что бока и хвостъ совершенно обнажаются отъ кожи. Кромѣ того, она, какъ и кета, слишкомъ тоща. Лучшими сортами рыбы тунгусы считаютъ майму и кунжу. Когда рыбы наловлено достаточно или предстоитъ густой ходъ лучшаго сорта, тунгусы часто пропускаютъ худшіе сорта.

Осенью, наловивши для собственнаго зимняго запаса, начинаютъ ловить рыбу для собакъ. Въ это время на качество рыбы вниманія не обращаютъ. Ловля продолжается до замерзанія рѣкъ.

Осенью и зимой подледнымъ способомъ тунгусы не ловятъ; только весной, въ самомъ началѣ рыбнаго сезона, ловятъ и подо льдомъ. Большимъ охотничьимъ ножомъ (по-якут. батыjа) дѣлаютъ проруби въ мѣстахъ зимовки рыбы. Черезъ проруби, расположенныя по прямой линіи поперекъ рѣки, съ помощью крюка и деревянныхъ вилъ, прогоняется жердь, къ которой на длинной веревкѣ привязана сѣть. Концы сѣти потомъ прикрѣпляются къ кольямъ, поставленнымъ у крайнихъ прорубей. Такимъ образомъ ставятъ одну за другой 3—4 сѣти.

Относительно права рыбной ловли отвѣты тунгусовъ расходятся. Одни говорятъ, что каждый имѣетъ право ловить рыбу сѣтью и ölгу тамъ, гдѣ онъ захочетъ; что можно закидывать сѣти и впереди чужихъ и даже на занятомъ мѣстѣ; рыбы приходитъ будто бы такъ много, что хватаетъ на всѣхъ, а если кто находитъ, что въ данномъ мѣстѣ тѣсно, то самъ удаляется. Другіе говорятъ, что въ началѣ сезона лучшія рыбныя мѣста распредѣляются между тунгусами съ общаго согласія на все время лова; будто бываютъ и случаи жалобы тунгусовъ на то, что имъ отвели безрыбный участокъ; староста, при справедливости жалобы, имѣетъ право у захватившихъ лучшія мѣста отобрать часть рыбы для обдѣленныхъ.

Изъ этихъ двухъ разнорѣчивыхъ отвѣтовъ все-таки можно заключить, что частной собственности на рыболовные участки нѣтъ и что общественнаго распредѣленія участковъ придерживаются не особенно строго; послѣднее вытекаетъ изъ того, что сообщавшіе о полной свободѣ рыбной

ловли, очевидно, сами пробовали безпрепятственно рыбачить и впереди другихъ и даже на занятыхъ мѣстахъ.

Тунгусы рѣдко ловятъ рыбу въ одиночку. Для удобства ловли, соединяются въ компаніи по два, по три и больше рыболововъ. Чаще всего соединяться въ компаніи заставляетъ неимѣніе лодокъ, а иногда—и всѣхъ принадлежностей рыболовства. Одинокіе мужчины и женщины тоже вынуждены соединяться въ компаніи, причемъ ловля рыбы ведется первыми, а приготовленіе въ запасъ — вторыми.

Дѣлежъ рыбы, пойманной или запасенной компаніей, производится поровну, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда рыбы попало такъ мало, что и дѣлить нельзя; въ такомъ случаѣ она считается собственностью того, кто ее поймалъ. Неимѣющіе рыболовныхъ принадлежностей помогаютъ такъ или иначе другимъ и становятся равноправными членами компаніи. Отягощенія ихъ работой сравнительно съ другими не замѣчается. Если компанія составилась только для ловли, то рыба дѣлится счетомъ; если же одна сторона ловитъ, а другая приготовляетъ въ запасъ, то сначала вся рыба приготовляется въ запасъ, а потомъ уже дѣлится. При этомъ часть раздариваютъ вдовамъ и сиротамъ, не могущимъ принять участія въ компаніи.

Вся работа строго распредѣлена между мужчинами и женщинами. Обязанности первыхъ состоятъ въ ловлѣ рыбы, рубкѣ дровъ, приготовленіи приспособленій для сушки и вяленія рыбы; обязанности вторыхъ — въ дѣлежѣ рыбы, приготовленіи въ запасъ и разныхъ мелкихъ хозяйственныхъ работахъ. Одинокіе мужчины, которые не смогли вступить въ компанію съ женщиной, и ловятъ и запасаютъ самолично; такіе случаи бываютъ, впрочемъ, рѣдко.

Потребленіе рыбы, во время промысла компаніей, совершенно свободно: каждый ѣстъ, сколько хочетъ, изъ общаго улова.

Запасы рыбы на зиму состоятъ изъ: 1) каңна (рыбьи лепешки); 2) султа (порса), 3) нāк — юкола, 4) хоlóli (рыбья икра), 5) соленой рыбы и 6) собачьяго корма.

Каңна приготовляется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. На Лаңтар'ѣ, напримѣръ, даже и названія такого не знаютъ, на Алдомѣ же этотъ видъ запаса распространенъ. Каңна — лепешки, приготовляемыя изъ икры, молокъ и небольшого количества рыбьяго мяса; смѣсь прилѣпляютъ къ четырехугольной доскѣ и пекутъ у огня. Вкусомъ каңна уступаетъ всѣмъ остальнымъ кушаньямъ, приготовляемымъ изъ рыбы. Готовится она, какъ объяснили тунгусы, лишь для разнообразія.

Султа (порса) приготовляется изъ всѣхъ сортовъ рыбы такимъ образомъ. Голова и внутренности отбрасываются, икра оставляется. Рыбу ва-

рятъ въ котлахъ, растираютъ руками въ наскоро сдѣланной берестяной посудѣ (по-якутски — тордуја), выбрасывая кости; полученную кашицу, слоемъ толщиной въ палецъ, прилѣпляютъ къ четырехугольной доскѣ, смазанной рыбьими молоками, и ставятъ доску у огня; потомъ, раскрошивъ смѣсь на мелкіе кусочки, досушиваютъ на солнцѣ, разсыпая на берестѣ или на панкѣ (по-якутски: торҕо). Порсу, досушиваемую на солнцѣ, по цвѣту можно принять за мелкіе кусочки пшеничныхъ сухарей. Сушка на солнцѣ продолжается дней 10. Соли въ порсу не кладутъ.

Нāк (юкола) приготовляется изъ всѣхъ сортовъ рыбы такъ: голова и внутренности отбрасываются, рыбу надрѣзаютъ поперекъ на доскахъ и вялятъ сначала на солнцѣ, а потомъ сушатъ у огня подъ особымъ навѣсомъ, крытымъ корою. Въ солнечную погоду юкола бываетъ готова черезъ 5—6 дней. Остающуюся, при приготовленіи ея, икру вѣшаютъ на перекладинахъ и употребляютъ для порсы или xololi.

На запасаемую, незасушенную юколу садятся мухи и кладутъ яички, отъ которыхъ необходимо очищать; брезговать не приходится, ибо жаль своего труда. Если юколу не очищать отъ яичекъ, то отъ нея черезъ пять дней останется одна кожа.

Xolóli (также: холòli, kholòлы)—рыбья икра; приготовленіе ея состоитъ въ томъ, что сначала она сушится на солнцѣ, а потомъ — на ікапуп'ѣ (шестъ передъ очагомъ); иногда сушатъ только на огнѣ.

Для приготовленія соленой рыбы отбрасываютъ голову, хвостъ и кости, разстилаютъ рыбу въ боченкѣ слоемъ и солятъ его, затѣмъ на первый слой кладутъ второй и тоже солятъ и т. д. Когда боченокъ наполнится, закупориваютъ и ставятъ въ амбаръ. Соленіе рыбы распространено между тунгусами уйскаго бассейна, близъ Аяна; начинаетъ прививаться и въ другихъ мѣстахъ.

Собачій запасъ состоитъ изъ юколы и хачыбас'а[1]). Матеріаломъ для нихъ служитъ худшая по качеству рыба, больше горбушка, пойманная поздней осенью, исхудавшая и общипанная. Собачья юкола приготовляется вышеописаннымъ способомъ. Приготовленіе хачыбас'а походитъ на приго-

---

1) Ср. Слюнинъ, Н. В. Охотско-Камчатскій край, т. I, стр. 564. По-русски, въ Охотскомъ округѣ, качемазъ означаетъ «провѣсную или вяленую рыбу осенней заготовки, не столь сухую, какъ юкола» (Даль, 1-е изд., II, 715); ср. якут. хачымас — рыба, «только нѣсколько просушенная или прихваченная холоднымъ осеннимъ воздухомъ», заготовляемая на зиму для собакъ (Булычевъ, И. Путеш. по В. Сибири. Ч. I. Якут. обл., Охотскій край. Спб. 1856). Въ Колымскомъ краѣ хачымас получается со щуки такимъ образомъ: «отрѣзываютъ голову и хвостъ и срѣзываютъ слой мяса съ костей; этотъ слой вялится на солнцѣ, а затѣмъ дымится надъ костромъ» (Шкловскій, И. Очерки крайняго сѣверовостока. Ирк. 1892, стр. 38. Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по общей геогр. Т. II, вып. 2-й). Слово хачымас, въ примѣненіи къ рыбѣ или скотинѣ, значитъ у якутовъ: худой, сухопарый.

товленіе юколы; разница состоитъ въ томъ, что головы не отбрасываются; рыба надрѣзается вдоль отъ хвоста до головы (рѣдко — поперекъ); просушка ведется не особенно старательно, а послѣ нея хачыбас вялится въ урасѣ. Собачій запасъ, повидимому—незавидная пища, потому что даже и собаки отказываются ее ѣсть, если хозяинъ не подмѣшаетъ къ ней людской юколы.

Приготовленную въ запасъ рыбу, за исключеніемъ соленой, кладутъ въ берестяную посуду. Запасы хранятся на араҥас'ѣ (якут. слово) — навѣсъ, поставленный на высокихъ столбахъ, и въ ӈàку (тунг. слово) — амбаръ на столбахъ. Беречь приходится не отъ людей, а отъ медвѣдей—охотниковъ поискать чего-нибудь съѣдобнаго.

Рыбные продукты запасами не исчерпываются: въ дѣло идетъ и кожа, изъ которой получаютъ клей для подклеиванія подшивки[1]) къ лыжамъ. Для приготовленія клея кожа сдирается, сушится въ теченіе 3—4 дней, очищается отъ чешуи, мяса и жира, рѣжется на тонкія полоски, свертывается въ комокъ и кладется въ котелокъ съ теплой водой. Тамъ она скоро размокаетъ и слизнетъ. Затѣмъ ее вынимаютъ, выжимаютъ воду, отдѣляютъ оставшіяся частицы жира, кладутъ опять въ котелокъ со свѣжей водой и кипятятъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока вода не выкипитъ. Клей замораживаютъ, а передъ употребленіемъ разогрѣваютъ, не подбавляя воды.

Изъ кожи кеты дѣлаютъ сумки. Обработка производится посредствомъ мялки — чӧчӧн, представляющей собою желѣзное зубчатое кольцо на большой рукояткѣ. Прежде чѣмъ мять чӧчӧн'омъ, кожу высушиваютъ и смазываютъ печенкой кеты, разболтанной въ теплой водѣ. Мнутъ—собственно царапаютъ зубчатымъ кольцомъ чӧчӧн'а — на землѣ. Чӧчӧн — якутскаго издѣлія (по-якут. ӱрӱӧх).

Рыболовство имѣетъ свои «хорошіе» и «плохіе» годы. Плохимъ годомъ считается, во-первыхъ, дождливый годъ. Мы уже видѣли, что въ сильные дожди сѣтью ловить рыбу невозможно, а посредствомъ ӧlгу можно наловить только для пропитанія во время лова. Въ дождливую погоду невозможно и приготовлять рыбу въ запасъ, такъ какъ приготовленіе предполагаетъ сушку на солнцѣ. Пойманная уже рыба, которую не успѣли приготовить, въ дождливое время гніетъ. Это значительно сокращаетъ рыбные запасы и грозитъ голодовкой для семействъ, кормящихся, главнымъ образомъ, рыбой. Вторымъ признакомъ плохого года является незначительный ходъ рыбы. Въ общемъ, рыба въ приморскихъ рѣкахъ ходитъ въ очень большомъ количествѣ, но бываютъ годы и слабаго хода. Наконецъ, виновниками плохого года являются волки и медвѣди, враги оленеводства. При

1) Изъ оленьихъ и конскихъ лапъ и шкурокъ «кумачан'овъ».

появленіи ихъ въ большомъ числѣ, тунгусы должны сниматься съ облюбованнаго мѣста, теряя и лучшій промыселъ и время на переѣзды въ другія мѣста. Хорошій по улову годъ не всегда бываетъ хорошимъ по количеству сдѣланныхъ запасовъ. Если въ семьѣ или компаніи много женщинъ, заготовка запаса идетъ благополучно, при замедленіи же въ заготовкѣ рыба быстро гніетъ и еще быстрѣе худаетъ. Нѣкоторые сорта рыбы худаютъ настолько, что изъ 100 штукъ для запаса годны только 10. При хорошемъ уловѣ одна женщина можетъ запасти за все лѣто не болѣе 4-хъ оленьихъ кладей[1]), т.-е. 8 пудовъ.

Главную рыболовную снасть, сѣти, тунгусы дѣлаютъ большею частью сами. Матеріаломъ для вязки сѣтей служатъ покупаемыя у торговцевъ суровыя нитки. Часто можно видѣть въ сѣтяхъ и конопляныя нитки, изъ которыхъ раньше большинство плело сѣти. Конопляныя нитки доставлялись въ Нельканъ усть-майскими скопцами, или же сучились самими тунгусами изъ конопли, покупавшейся въ Якутскѣ. Старожилы говорятъ, что, до появленія въ районѣ торговцевъ, сѣти плелись изъ какой-то очень крѣпкой и тонкой травы (вѣроятно, крапивы). Инструментами при вязкѣ служатъ деревянная игла—«иглица» (інма) и мѣрка—«полка» (олро), опредѣляющая величину ячеекъ. Чтобы сѣть не бѣлѣла въ водѣ, ее окрашиваютъ въ красный цвѣтъ, отваривая въ котлѣ съ мелко настроганной лиственничной корой. Варка производится столько времени, сколько требуется для приготовленія пищи. Рыба будто бы не замѣчаетъ окрашенной въ красный цвѣтъ сѣти. Грузила дѣлаются изъ камней; кольца, къ которымъ привязываются грузила — изъ еловой вѣтви; скрѣпленіе грузилъ съ кольцами — изъ лиственичныхъ корней. Готовая сѣть въ продажѣ стоитъ въ среднемъ 4 р.; въ частности, цѣна колеблется между 2—5 рублями, смотря по качеству и величинѣ сѣти. Фунтъ тонкихъ нитокъ для сѣти стоитъ 1 р. 80 к. — 2 р., а толстыхъ — 1 р. 50 к. — 1 р. 60 к.; изъ 1 ф. первыхъ выходитъ пара сѣтей, изъ 1 ф. вторыхъ — одна сѣть. Обзаводиться новыми сѣтями приходится часто: сѣть гніетъ въ водѣ, почему можетъ служить всего 1—2 года.

Ölгу также иногда дѣлается самими тунгусами изъ обломковъ желѣза. Цѣна его въ продажѣ — 50 к. — 1 р.

Лодокъ существуетъ три типа: долбленыя (вѣтки), берестяныя и дощатыя. Долбленыя лодки дѣлаются самими тунгусами; распространены мало въ виду ихъ малоподвижности и неудобства. Берестянки тоже непригодны, такъ какъ, при быстромъ теченіи мѣстныхъ рѣчекъ, онѣ легко могутъ раз-

---

1) Оленья кладь—единица вѣса рыбы, равная 2 пудамъ.

биться о камни; кромѣ того, берестянки слишкомъ недолговѣчны. Ихъ обычно дѣлаютъ во время жары, чтобы можно было посильнѣе стянуть и закрѣпить шовъ. Во время зимнихъ морозовъ, сильно стянутыя, онѣ лопаются, и слѣдующей весной приходится заводить новую берестянку. Цѣны на нихъ съ каждымъ годомъ растутъ, такъ какъ мастера говорятъ, что бересты мало; средняя цѣна въ 1903 году была 6 р. Все это сокращаетъ употребленіе берестянокъ, и въ скоромъ времени онѣ, вѣроятно, совсѣмъ исчезнутъ изъ обихода. Самыми распространенными лодками являются дощатыя. Онѣ различаются по числу досокъ: лодка изъ трехъ досокъ, длиной 2 сажени, стоитъ 10 р., изъ 5 досокъ, длиной $2^1/_2$ саж. — 15 р., изъ 7 досокъ, длиной 3 сажени—30 р. Семидосочныхъ лодокъ мало; онѣ употребляются для переправы черезъ быстрыя и часто разливающіяся отъ дождей рѣчки. Для рыболовства употребляются больше трехдосочныя лодки. Для плаванія въ морѣ строятся большія лодки, въ 8 досокъ; цѣна ихъ—45 р. Большинство лодокъ въ районѣ сдѣланы мастеромъ-тунгусомъ Софрономъ Винокуровымъ.

Такъ какъ за лодки приходится платить деньги, то и право на нихъ строго ограничено частнымъ владѣніемъ: никто не можетъ взять лодку безъ позволенія хозяина. Временное пользованіе чужой лодкой сильно распространено, такъ какъ большинство рыболововъ не имѣетъ собственныхъ лодокъ. За короткое пользованіе платы не берутъ. Если же тунгусъ беретъ лодку на цѣлый сезонъ, «въ тѣло», то взимается плата, смотря по величинѣ лодки. Дача лодокъ «въ тѣло» встрѣчается, впрочемъ, очень рѣдко (зарегистрированъ одинъ случай).

Старосты обязаны закономъ снабжать нуждающихся тунгусовъ сѣтями и лодками. Хорошій староста — иногда, впрочемъ, съ расчетомъ наверстать затраченное услугами нуждающихся — снабжаетъ ихъ и тѣмъ и другимъ; иной же мало заботится объ исполненіи этой обязанности. Собственникомъ полученной отъ старосты сѣти считается тотъ, кто первымъ ее получилъ, но пользуются ею нуждающіеся. Когда рыбы много, каждый ловитъ для себя, или же, соединившись въ компаніи, дѣлятъ добычу поровну, по урасамъ. Когда рыбы мало, ловятъ нѣкоторые, а добыча дѣлится между всѣми нуждающимися, находящимися поблизости.

Въ 1903 году изъ 66 описанныхъ семействъ рыболовствомъ занимались самостоятельно 57 семей, причемъ зимніе запасы дѣлали 50 семействъ; средній размѣръ запаса для 49 семействъ равенъ 120 оленьимъ кладямъ, или 240 пудамъ; количество запаса въ одномъ семействѣ осталось невыясненнымъ. По размѣру приготовляемаго запаса 49 семействъ разбиваются на слѣдующія группы:

Количество запаса въ семействѣ.	Семействъ въ группѣ.	% къ общему количеству семействъ.	Оленьихъ кладей въ группѣ.	% къ общему запасу всѣхъ группъ.	Запаса хватаетъ на
Незапасающихъ	16	24,24	0	0	0 мѣсяцевъ.
Съ невыясненнымъ запасомъ.	1	1,51	0	0	0 »
1 кладь	14	21,21	14	11,7	$2^1/_4$ »
1—2 »	1	1,51	$1^1/_2$	1,2	$3^3/_8$ »
2 »	10	15,15	20	16,6	$4^1/_2$ »
2—3 »	3	4,54	$7^1/_2$	6,3	$5^3/_8$ »
3 »	10	15,15	30	25,0	$6^3/_4$ »
3—4 »	5	7,57	$17^1/_2$	14,6	$7^7/_8$ »
4 »	2	3,03	8	6,7	9 »
4—5 »	0	0,0	0	0,0	—
5 »	2	3,03	10	8,3	$11^1/_4$ »
5—6 »	1	1,51	$5^1/_2$	4,6	$12^3/_8$ »
6 »	1	1,51	6	5,0	$13^1/_2$ »
Итого	66	100,0	120	100,0	—

По отзывамъ трехъ тунгусовъ, кладь рыбы достаточна для семейства изъ трехъ взрослыхъ членовъ въ теченіе $2^1/_4$ мѣсяцевъ; существеннаго подспорья мясной или мучной пищей при этомъ не требуется. Если считать потребительную силу трехъ взрослыхъ членовъ семьи равною силѣ двухъ взрослыхъ и 1 — 2 малолѣтокъ[1]), то окажется, что группѣ, запасающей 1 кладь, рыбныхъ запасовъ хватитъ до конца ноября. Увеличивая срокъ для другихъ группъ соотвѣтственно ихъ запасу, получаемъ послѣдній вертикальный рядъ таблицы, а окончаніе срока для этихъ группъ — въ началѣ января, срединѣ марта, концѣ апрѣля и срединѣ іюня (3 клади). Остальныя группы будутъ имѣть запасъ до новаго обильнаго хода рыбы въ слѣдующемъ году.

Нужно сказать, что при этомъ расчетѣ предполагается полуголодное существованіе рыболововъ, такъ какъ на каждаго взрослаго ѣдока придется лишь $\frac{80}{3 \times 67} = \frac{2}{5}$ фунта рыбы въ день почти безъ всякой другой пищи. Но и въ этомъ случаѣ 21,21% всѣхъ семействъ будутъ обезпечены только до ноября, а потомъ они должны искать другой промыселъ. Если же къ нимъ присоединить незапасающихъ рыбы, то окажется, что для 45,45% рыболовство является лишь слабымъ средствомъ пропитанія въ теченіе полугодія.

Продажа рыбныхъ запасовъ мало распространена. Штуками рыба продается въ Аянѣ русскимъ и якутамъ, а также служащимъ приходящаго сюда парохода. Кунжа продается по 25 коп., горбушка — по 20 коп. Въ небольшихъ размѣрахъ въ Аянѣ ведется продажа соленой рыбы; боченокъ

1) Средній составъ изслѣдованныхъ семействъ.

соленой кунжи стоитъ 10 руб. Больше распространена торговля запасами между самими тунгусами. Сбываются юкола и порса. Порсовая оленья кладь ходитъ по 6 р. Юкола отдѣльно отъ порсы не продается; обыкновенно примѣшиваютъ къ порсѣ на одну кладь 5 — 6 юколъ, а иногда и одну. Юколы въ посуду входитъ мало, а порсы много; этимъ порса и выгодна.

Переводя на деньги рыбные запасы 49 семействъ, считая по 6 рублей за кладь, получаемъ доходъ въ 720 руб. Если принять во вниманіе потребляемую во время лова рыбу, то доходъ все равно будетъ сравнительно низкимъ: полагая, что цѣнность потребляемой лѣтомъ рыбы одинакова съ цѣнностью запасовъ, кладя на трехъ взрослыхъ ѣдоковъ за $2^1/_4$ мѣсяца не одну, а двѣ оленьихъ клади, получаемъ для всѣхъ 66 семействъ за три лѣтнихъ мѣсяца $\frac{2.3.66}{2,25} = 176$ кладей стоимостью въ 1.056 рублей. При этомъ — несомнѣнно, повышенномъ — расчетѣ годовой доходъ отъ рыболовства будетъ равенъ 1.776 рублямъ, возка же чая даетъ 15.500 р.

Изъ 16 незапасающихъ семействъ 8 живутъ наемнымъ трудомъ; очевидно, они считаютъ его болѣе выгоднымъ, чѣмъ рыболовство; обзаведеніе снастями стоитъ недорого, и они могли бы, при желаніи, стать самостоятельными рыболовами. 5 семействъ предпочитаютъ лѣтомъ откармливать оленей для предстоящей возки чая. 3 семейства, не имѣя работоспособныхъ членовъ, не могутъ заниматься рыболовствомъ.

Малое значеніе рыболовства для тунгусовъ отражается на обзаведеніи снастями. Есть основаніе думать, что отсутствіе снастей объясняется не трудностью ихъ пріобрѣтенія, а отчасти полной ненужностью, отчасти же возможностью обойтись безъ нихъ. Изъ 46 самостоятельныхъ рыболововъ не имѣли лодокъ 31. Средній годовой доходъ 26-ти изъ нихъ равнялся 295 руб. Несомнѣнно, что если бы пріобрѣтеніе лодки было выгодно, то, при данномъ доходѣ, они могли бы обзавестись ею: цѣна рыбацкой лодки — 10 руб.

Причинами слабаго развитія рыбнаго промысла слѣдуетъ считать: 1) малодоходность его сравнительно съ другими промыслами, особенно съ возкой чая; рыболовство можетъ служить только средствомъ для пропитанія, но не для подъема тунгусскаго хозяйства. Большая часть пріаянскихъ тунгусовъ запасаетъ рыбы только до начала возки чая, въ надеждѣ взять у торговцевъ товаровъ и припасовъ въ концѣ ноября [1]); это подтверждается и вышепомѣщеннымъ расчетомъ; 2) невозможность одновременно заниматься рыболовствомъ и пастьбой оленей. Осенью, во время хода самой цѣнной рыбы — кунжи, тунгусы должны, главнымъ образомъ, откармливать оле-

1) Э. К. Пекарскій. Поѣздка къ пріаянскимъ тунгусамъ. Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн. при Импер. Казан. Университетѣ. Т. XX, вып. 4 и 5, стр. 185.

ней для возки чая. Изъ-за оленей же они должны переходить съ мѣста на мѣсто, теряя рыбное время, такъ какъ олени долго на мѣстѣ не стоятъ: имъ «надоѣдаетъ» ходить на одномъ пастбищѣ, какъ говорятъ тунгусы; кромѣ того, ихъ часто вспугиваютъ волки и медвѣди. Цѣнность оленей заставляетъ тунгусовъ заниматься пастьбой ихъ, а не рыболовствомъ; и 3) неустойчивость рыболовства, вызываемая плохими и хорошими годами, которыхъ нельзя предвидѣть и противъ которыхъ нельзя бороться.

Эти три причины, при наличности теперешнихъ условій тунгусскихъ промысловъ, будутъ дѣйствовать постоянно: главный промыселъ, возка чая, будетъ держать рыболовство всегда въ зависимости отъ себя какъ своей доходностью, такъ и своимъ сравнительнымъ постоянствомъ.

г) Морской промыселъ.

Ранней весной, давши откормиться оленямъ послѣ возки чая, часть тунгусовъ отправляется на морской берегъ, къ устьямъ рѣчекъ. Передвиженіе совершается на оленяхъ, запряженныхъ въ нарты, куда складывается необходимый домашній скарбъ. По пріѣздѣ, олени отводятся на кормовище; къ нимъ приставляются нѣсколько пастуховъ на общее для всѣхъ живущихъ по сосѣдству стадо, а иногда олени сами возвращаются на старыя кормовища. Начинается ожиданіе вскрытія моря. Раннее вскрытіе бываетъ около Николина дня (9 мая), а позднее—около Петрова (29 іюня). Рыба, идущая около Николина дня изъ рѣкъ въ море или возвращающаяся около Петрова къ устьямъ рѣкъ для метанія икры, массами привлекаетъ морскихъ животныхъ — главнымъ образомъ, нерпу, Phoca foetida Fabr. (мутка). Въ это время и начинается морской промыселъ. Пока море не очистилось еще отъ льда, охотятся по льду, что сопряжено съ большими опасностями. Тонкій, обманчивый ледъ ломается, морскіе приливы и отливы грозятъ оторвать его отъ берега и потопить промышленника; разыгрывается вьюга и, притомъ, самымъ неожиданнымъ образомъ: въ прекрасную погоду появляется маленькое облачко, внезапно налетаетъ вѣтеръ, небо быстро заволакивается тучами, идетъ снѣгъ, становится темно, какъ во время густого тумана, и промышленникъ не знаетъ, куда ему итти. Только опытный глазъ можетъ заранѣе угадать вьюгу и убраться съ опаснаго мѣста. Все-таки соблазнъ великъ, и охотники выходятъ на промыселъ. Завидѣвъ нерпу еще на разстояніи внѣ выстрѣла, охотникъ старается хитростью приблизиться къ ней. Онъ двигается ползкомъ, наподобіе морского животнаго. Чуткая нерпа слышитъ шорохъ и запахъ, начинаетъ безпокоиться и поднимаетъ голову. Охотникъ остреемъ ножа царапаетъ по льду, производя такой же звукъ, какъ нерпы когтями; затѣмъ наклоняетъ по-нерпичьи голову и ползетъ дальше, повторяя тѣ же пріемы. Нерпа на-

чинаетъ привыкать къ мысли, что къ ней подползаетъ нерпа же. Тогда она подпускаетъ къ себѣ саженъ на 10, откуда уже можно въ нее стрѣлять съ надеждой на удачу. Мѣтятъ въ голову, такъ какъ подкожный слой жира, толщиной въ 4 пальца или даже вдвое больше, защищаетъ ея тѣло отъ пули. Изъ плохого ружья, и попавши въ голову, нерпу не убьешь. Убитую нерпу тащатъ къ берегу на ремнѣ, продѣтомъ въ нижнюю челюсть, для чего шкура у челюсти разрѣзается ножомъ.

Опасность охоты по льду весной и вообще трудность перетаскиванія нерпы, вѣсъ которой въ среднемъ равенъ 20 пудамъ, заставляютъ охотниковъ ходить на промыселъ компаніей въ нѣсколько человѣкъ.

Когда море очищается отъ льда и нерпа подходитъ къ берегу на разстояніе выстрѣла, охота производится уже съ берега, а иногда — съ лодки.

Опредѣленнаго мѣста для охоты нѣтъ; каждый охотится тамъ, гдѣ находитъ болѣе удобнымъ. Берегъ занятъ сидящими въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга охотниками. Помѣщаются они въ засадѣ, которую дѣлаютъ изъ дерева въ видѣ переплета. Черезъ отверстія засады они слѣдятъ за появленіемъ нерпы. Если охотникъ сидитъ въ засадѣ одинъ, онъ стрѣляетъ въ ту нерпу, которая вынырнула передъ нимъ; если же, желая побесѣдовать другъ съ другомъ, собираются нѣсколько человѣкъ, то предлагаютъ стрѣлять лучшему охотнику. Нерпа показывается сразу, высовывая изъ-подъ воды только голову. Море волнуется, промаховъ много, часто стрѣляютъ на слишкомъ большомъ разстояніи, понадѣявшись, что пуля достанетъ нерпу. Процентъ промаховъ доходитъ до 80. «За всю жизнь убилъ одну нерпу, а 3 года раньше палилъ по 20 разъ въ день во время ея хода», — добродушно сознается Николай Громовъ. Плохіе сравнительно стрѣлки предпочитаютъ не тратить попусту заряды и не пугать напрасно добычу.

Убитая нерпа, если она жирна — а весной, большею частью, она бываетъ жирной — всплываетъ наверхъ. Къ ней подъѣзжаютъ на лодкѣ или на заранѣе приготовленномъ плоту. Когда море спокойно, нерпу захватываютъ за шею и тащатъ къ берегу. Если же морскія волны грозятъ отбросить ее въ море, пронзаютъ гарпуномъ (ajäp) на нерпичьемъ ремнѣ, конецъ котораго остается въ лодкѣ, и тащатъ нерпу по водѣ. Въ лодку брать нерпу неудобно, такъ какъ она тяжела и ее не за что ухватить. Поѣздка къ берегу съ тушей довольно утомительна: она становится поперекъ и этимъ увеличиваетъ и безъ того солидную тяжесть. Нерпа лежитъ часто на отмеляхъ, иногда выползаетъ и на берегъ. Въ такихъ случаяхъ лучшіе охотники бьютъ ее изъ ружья, а большинство — гарпуномъ. Ночью всегда бьютъ гарпуномъ, потому что въ темнотѣ трудно попасть въ голову; если

же можно незамѣтно подкрасться вплотную, промышляютъ и простой палкой болѣе аршина длины, ударяя въ голову. Послѣдній способъ былъ самымъ распространеннымъ лѣтъ 50 назадъ.

Лѣтомъ, приблизительно въ концѣ іюня, нерпа удаляется отъ берега, и охотники идутъ за рыбой, начинающей подниматься къ верховьямъ рѣкъ. Въ началѣ сентября, когда кунжа и майма заходятъ въ устья на зимовку, нерпа тоже возвращается, и тогда начинается осенній нерпичій промыселъ, продолжающійся до Дмитріева (26 октября) или Михайлова дня (9 ноября), до замерзанія моря. Осенью нерпа не такъ жирна, какъ весной; поэтому, даже удачные выстрѣлы не всегда означаютъ добычу. Она, къ досадѣ охотника, тонетъ: «нерпую, да идетъ на дно, какъ камень», — говорилъ Егоръ Карамзинъ. Весной это тоже случается, но не такъ часто. Осенній промыселъ значительно меньше весенняго.

Тунгусы замѣтили, что нерпа не выноситъ запаха гари: если случится пожаръ, перпа поблизости не появляется, а бывшая тутъ переходитъ въ другое мѣсто.

Нерпичій промыселъ — самый богатый изъ всѣхъ другихъ морскихъ промысловъ. Изъ 35 нерпующихъ семействъ 30 убиваютъ въ годъ 130 штукъ; въ частности, добыча колеблется между 1 и 12 нерпами. Нерпуютъ, главнымъ образомъ, на р. Лаҥтар.

Второе промысловое животное — нарга, нерпа черная (по-мѣстному: морская кошка), Phoca largha Pall. Она заходитъ въ устья рѣкъ, на разстояніе около мили, гонясь за рыбой; появляется тоже около Петрова дня. «Наргу» промышляютъ при помощи наживы, насаживаемой на иглу изъ кости задней голени медвѣдя. Наживой служитъ горбушка или майма. Игла вдѣвается со стороны хвоста такъ, чтобы ея не было видно. Къ срединѣ иглы привязывается веревочка длиной около $1^1/_2$ аршина, съ поплавкомъ изъ сухого дерева, а къ ней—2 соединенные маута въ 50 былас'овъ[1]) длины. Если ловля производится ночью, то конецъ маута прикрѣпляютъ къ колу, поставленному въ водѣ, въ устьѣ рѣки; если же днемъ, то маутъ держатъ въ рукѣ, стоя на берегу рѣки. Отъ теченія нажива шевелится, «парга» хватаетъ и проглатываетъ ее, игла становится поперекъ, и нарга поймана. По окончаніи ловли мауты просушиваются. Ловлей «наргъ»— главнымъ образомъ, на р. Лаҥтар — занимались 18 семействъ съ годовой добычей въ 59 штукъ.

Третій видъ промысловаго животнаго называется тунгусами кумачан. Это — маленькое животное, по своимъ привычкамъ напоминающее нерпу: оно выходитъ иногда на берегъ, лежитъ на отмеляхъ, изъ

---

1) Былас — якутская мѣра длины, равная $2^1/_2$ аршинамъ.

воды высовываетъ только голову. Охота на кумачан'овъ бываетъ послѣ Покрова, когда идетъ ледяное «сало». Иногда ихъ убиваютъ изъ ружья, стрѣляя съ берега. Промаховъ бываетъ еще больше, чѣмъ при стрѣльбѣ въ нерпу; поэтому, тунгусы предпочитаютъ убивать ихъ палками, когда они забираются «спать» на скопляющееся въ заливахъ «сало», а морской отливъ оставляетъ ихъ на берегу.

Въ морѣ кумачан'овъ ловятъ съ большихъ лодокъ.

До возки чаевъ алдомскіе тунгусы зимой питались исключительно мясомъ кумачан'овъ.

Этимъ промысломъ въ 1903 году занимались только 8 семействъ; добыча ихъ состояла изъ 54 кумачан'овъ въ годъ.

Изрѣдка охотники убиваютъ еще животное, извѣстное у тунгусовъ подъ названіемъ мутака (якут. чӥбіс), съ небольшимъ количествомъ шерсти красной, какъ сафьянъ. «Мутаку» убивать избѣгаютъ. Причина заключается въ томъ, что, по словамъ тунгусовъ, «мутака» сильно враждуетъ съ медвѣдемъ: когда послѣдній приходитъ за ней къ морю, она, подкарауливъ, хватаетъ его за ногу или за что попало и бросаетъ въ море; поэтому, будто бы, если медвѣдь увидитъ у тунгуса кожу «мутаки» или какое-либо издѣліе изъ нея, то будетъ гнаться за тунгусомъ днемъ и ночью и можетъ застать врасплохъ. Мясо «мутаки» тунгусы находятъ очень вкуснымъ [1]).

Во время промысла на морскихъ животныхъ и рыбной ловли у берега моря, послѣ Николина дня, охотники бьютъ въ большомъ количествѣ морскихъ утокъ. Охотой на утокъ занимались 17 семействъ, въ устьяхъ рѣкъ.

Къ сѣверу отъ аянскаго перешейка есть скала, возвышающаяся изъ

---

1) По вопросу о томъ, какіе виды морскихъ млекопитающихъ пріаянскіе тунгусы называютъ кумачан и мутакà, завѣдующій отдѣленіемъ млекопитающихъ въ Зоологическомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ А. А. Бялыницкій-Бируля высказалъ слѣдующія соображенія: «По всей видимости, этими названіями тунгусы обозначаютъ какихъ-то тюленей; однако, въ зоологической литературѣ я не нашелъ для разрѣшенія этого вопроса никакихъ данныхъ: ни одинъ изъ зоологовъ, писавшихъ о ластоногихъ восточнаго побережья Сибири, не приводитъ подобныхъ названій. Показанныя мнѣ Э. К. Пекарскимъ издѣлія (сумки), для которыхъ, по словамъ тунгусовъ, служила кожа «кумачан'а», сдѣланы, по моему мнѣнію, изъ кожи нерпы (Phoca foetida), такъ какъ шерсть на нихъ соломенно-желтаго цвѣта съ характерными сѣрыми кольцами; по словамъ тунгусовъ, «кумачан» (окончаніе чан даетъ слову уменьшительное значеніе) — небольшой величины звѣрь; поэтому, возможно, что такъ называютъ молодыхъ нерпъ. «Мутакà» — совершенно загадочный звѣрь, такъ какъ изъ Охотскаго моря неизвѣстенъ морской звѣрь съ «красной, какъ сафьянъ» шерстью; біологическія данныя (вражда съ медвѣдемъ) также не позволяютъ это названіе отнести къ одному изъ нынѣ извѣстныхъ въ Охотскомъ морѣ морскихъ звѣрей. Вопросъ о томъ, что такое «кумачан» и «мутакà», легко было бы разрѣшить, имѣя въ рукахъ цѣлыя шкурки и черепа этихъ звѣрей».

изъ глубины моря въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. На этой скалѣ гагары[1]) дѣлаютъ свои гнѣзда. Охотники ловятъ гагаръ сачками у самыхъ гнѣздъ.

Изъ шкурокъ гагаръ, а также морскихъ воронъ (урылà, бакланъ, Phalacrocorax), тунгусы шьютъ шапки. Пухъ морскихъ утокъ идетъ на подушки, а мясо—въ пищу. Среди тунгусовъ и вообще развитъ обычай раздаривать другъ другу получаемую отъ старинныхъ промысловъ добычу. Особенно же раздариваніе (ӈымāт) сохранилось въ морскомъ промыслѣ. Около охотниковъ всегда группируются неимущіе тунгусы, неудачники-охотники и большинство проживающихъ поблизости.

Первая убитая нерпа всегда дѣлится между сосѣдями. Шкура разрѣзается на куски, размѣромъ въ подошву, которые и раздаются вмѣстѣ съ мясомъ. Охотникъ оставляетъ себѣ мяса на одно варево, а кусокъ шкуры ему попадаетъ только въ томъ случаѣ, если хватаетъ на сосѣдей. Послѣ первой нерпы за охотникомъ сохраняется право дарить или не дарить. Однако, большинство держится даренія и остальныхъ нерпъ. Порядокъ дѣлежа бываетъ различный, смотря по желанію охотника и количеству народа, которому онъ хочетъ раздать подарки. Если народу много, шкура разрѣзается на ремни; иногда дѣлится на 5 частей, изъ которыхъ одна остается у охотника. Василій Бѣлолюбскій съ братомъ промыслили 7 нерпъ, разрѣзали шкуры на 35 частей и оставили себѣ 7. Шкура «нарги» дѣлится на двѣ части, которыя иногда раздаются цѣликомъ присутствующимъ. Трофимъ Софроновъ говорилъ, что отъ 17 нерпъ и 6 «наргъ» охотнику остается не болѣе 2—3 нерпичьихъ шкуръ.

Если дѣлежъ почему-либо производится между компаніей охотниковъ, то убившій нерпу часто получаетъ отъ нея меньше, чѣмъ сотоварищи. При шести охотникахъ, напримѣръ, дѣлятъ на пять частей, причемъ упромыслившій не получаетъ ничего; зато отъ слѣдующей нерпы ему отдается первая часть. При большой компаніи охотниковъ одна часть дѣлится между нѣсколькими, но убившій опять ничего не получаетъ: «откуда возьму?» — говорилъ Софронъ Винокуровъ. Мясо и жиръ также дѣлятся между присутствующими. При дѣлежѣ мяса порядка нѣтъ: каждый беретъ столько, сколько нужно для пропитанія, жиръ же раздается исключительно по желанію упромыслившаго.

Сосѣди, взамѣнъ подарка, помогаютъ охотникамъ въ промыслѣ: участвуютъ въ свѣжеваніи убитаго животнаго, перевозятъ запасы промысла въ указанное охотникомъ мѣсто и проч.; иные же и ничего не дѣлаютъ, являясь гостями.

---

1) «Судя по мѣсту гнѣздованія на скалахъ, это не гагары (Colymbus), а, вѣроятно, какіе-нибудь чистики, — можетъ-быть, гагарки (Uria)» (А. А. Бялыницкій-Бируля).

Ӈымāт — очень стариннаго происхожденія. Сами тунгусы смотрятъ на него, какъ на необходимую взаимную поддержку, особенно во время весеннихъ голодовокъ, которыя часто посѣщали ихъ.

Отъ каждой нерпы въ среднемъ получается около 5 пудовъ жиру и болѣе 10 пудовъ мяса.

Мясо нерпы потребляется въ вареномъ и жареномъ видѣ на мѣстѣ промысла. Голова тоже съѣдается. Кушанье изъ опаленной и сваренной головы—куӈаха (по-якутски).

По мнѣнію тунгусовъ, продавать нерпичье мясо, равно какъ и тушу, нельзя; нѣкоторые отступаютъ отъ этого правила, но большинство придерживается его; поэтому, оставшіеся отъ потребленія и ӈымāт'а излишки оставляются на мѣстѣ промысла. Кто хочетъ — беретъ ихъ, а если никто не возьметъ, они гніютъ. Имѣющіе собакъ иногда дѣлаютъ для нихъ запасы нерпичьяго мяса, разрѣзая его на тонкіе куски и высушивая на солнцѣ и въ жильѣ.

Часть жира потребляется во время промысла, часть сохраняется въ нерпичьихъ желудкахъ (по-якут. куртах), нерпичьихъ пузыряхъ (по-якут. хабах) и берестяной посудѣ для зимняго запаса и для продажи, а часть оставляется на мѣстѣ промысла, — какъ объясняли тунгусы, — за неимѣніемъ посуды. Возможно, что это объясненіе и вѣрно, такъ какъ охотникъ, при неопредѣленномъ числѣ будущихъ гостей, не можетъ знать, сколько посуды потребуется для запаса; но возможно и то, что у тунгусовъ существуетъ обычай даренія не только присутствующимъ, но и тѣмъ, кто можетъ притти послѣ; наконецъ, можетъ-быть, тунгусы смотрятъ на оставленное, какъ на жертвоприношеніе духамъ.

Шкура нерпы, обыкновенно разрѣзанная на половины, идетъ и въ продажу. При полномъ почти отсутствіи у тунгусовъ денежныхъ знаковъ, она ходитъ вмѣсто денегъ. Разрѣзанная на части, шкура идетъ на приготовленіе алыковъ, подошвъ и ремней, которые тоже продаются. Изъ одной шкуры выходитъ 60 саженъ ремня въ палецъ шириной.

«Нарга» вѣситъ въ среднемъ 10 пудовъ, вѣсъ «кумачан'а» не выясненъ. Мясо «наргъ» и «кумачан'овъ» въ продажу тоже не идетъ, а потребляется охотникомъ и идетъ въ «ӈымāт». Часть «нарги», которую не успѣли потребить или раздать, осенью замораживаютъ и сохраняютъ въ запасъ. Потомъ тушу размораживаютъ въ рѣкѣ и вносятъ въ жилье для сдиранія шкуры. Приготовленная осенью «нарга» вкусна и нѣжна, какъ нерпа, приготовленная же лѣтомъ теряетъ вкусъ и слишкомъ высыхаетъ, такъ что зубы ея не берутъ; высушенное мясо добытой лѣтомъ «нарги» идетъ на запасы собакамъ. Мясо «кумачан'овъ» запасается на собачій кормъ: его замораживаютъ и зимой рубятъ вмѣстѣ

съ шкурой и внутренностями на мелкіе куски и варятъ съ ржаной мукой.

По старинным обычаямъ тунгусовъ, шкура «нарги» и «кумачан'а» въ продажу не должна бы итти, но нѣкоторые все-таки ее продаютъ. Изъ нея приготовляютъ сумки.

Всего морскимъ промысломъ занималось 35 семействъ, но продуктами его, въ силу «ӈымāт'а», пользовались всѣ. 24 семейства продавали продукты, выручая въ годъ 354 рубля, но не всѣ они были промышленниками: часть, хотя довольно незначительная, получала продукты въ «ӈымāт» и потомъ сбывала ихъ.

Морской промыселъ имѣетъ очень важное значеніе для тунгусовъ. Помимо того, что онъ является весной спасеньемъ для тѣхъ, у кого запасы истощились, — по количеству и качеству своихъ продуктовъ онъ очень цѣненъ. Добыча только однѣхъ нерпъ даетъ тунгусамъ по рыночной цѣнѣ 3.250 р., а такая сумма въ скромномъ ихъ бюджетѣ имѣетъ большое значеніе. Это вычисленіе, конечно, неточно, потому что нерпы мало идетъ на продажу, но указанная сумма можетъ служить приблизительнымъ показателемъ: она въ 3 съ лишкомъ раза превышаетъ доходъ отъ рыболовства. Добыча остальныхъ морскихъ животныхъ не можетъ быть учтена въ рубляхъ, но она еще больше повышаетъ значеніе промысла. Наконецъ, промыселъ важенъ тѣмъ, что, въ силу установившагося обычая, плодами его могутъ пользоваться всѣ: богатые и бѣдные, промышленники и приходящіе. Это даетъ бѣднякамъ возможность имѣть питательную пищу весной и осенью, во время промысла, сдѣлать запасы на зиму, отчасти расплатиться полученными продуктами съ кредиторами, а иногда обмѣнять часть продуктовъ на припасы и товары. Эта черта рѣзко отличаетъ морской промыселъ отъ другихъ и является самымъ главнымъ его достоинствомъ. Главное занятіе, возка чая, служитъ больше на пользу сравнительно сильныхъ экономически хозяйствъ; морской промыселъ стремится уравнять богатыхъ и бѣдныхъ, отражаясь на общемъ благополучіи тунгусовъ.

Незначительность сбыта продуктовъ морского промысла опредѣляетъ его мѣсто въ ряду другихъ. Онъ, какъ и рыболовство, служитъ только для пропитанія; но количество и качество продуктовъ гораздо выше сравнительно съ рыболовствомъ. Служить существенной поддержкой для *развитія* хозяйства онъ не можетъ: пользуясь имъ, нельзя пріобрѣсти оленей, охотничьяго оружія, тканей, обуви, припасовъ или другихъ товаровъ, и проч. Это ставитъ морской промыселъ ниже чайной перевозки, и трудно предположить, чтобы, даже при сильномъ его подъемѣ, тунгусы предпочли его перевозочному промыслу.

Больнымъ мѣстомъ морского промысла является отсутствіе порядоч-

наго оружія. Мы уже видѣли, что для охоты на самое цѣнное животное, нерпу, необходимо хорошее ружье. Опросъ тунгусовъ о количествѣ и качествѣ ружей обнаружилъ крайній недостатокъ и плохое качество ихъ. Обстоятельнѣе этотъ вопросъ выясненъ ниже, въ отдѣлѣ объ охотѣ на звѣрей, но такъ какъ онъ является важнымъ и для морского промысла, то приходится забѣжать нѣсколько впередъ. Изъ 57 охотившихся 48 семействъ имѣли 78 ружей: 50 винтовокъ, 7 дробовиковъ, 2 турки[1]), 8 винчестеровъ, 6 штуцеровъ и 5 берданокъ. Если бы качество всѣхъ ихъ было довольно сносно, то можно бы считать вооруженіе достаточнымъ. Но винтовки, составляющія главную часть — большей частью кремневыя, малопульныя. Есть и такія, изъ которыхъ нельзя убить не только нерпу, но и бѣлку. Нужда въ хорошихъ кремневыхъ замкахъ очень велика. Обладая низкимъ качествомъ, винтовки очень дороги: средняя цѣна ихъ 22 рубля. Среднія цѣны другихъ ружей равны: дробовика — 14 р., турки — 27 р., берданки — 40 р., штуцера — 50 р. и винчестера — 90 р. Казенныя ружья попадаютъ въ руки богатыхъ[2]), такъ какъ деньги приходится платить сейчасъ же, а для большинства это непосильно. Большинство получаетъ ружья уже подержанными и за высокую цѣну, а если новыми — за бѣшеную цѣну. Неблагополучно обстоитъ дѣло и съ ружейнымъ «припасомъ»: порохомъ и свинцомъ. Въ аянскомъ и нельканскомъ казенныхъ магазинахъ его не хватаетъ на цѣлый годъ. Къ концу зимы или весной запасъ истощается, и тунгусы поневолѣ должны обращаться къ торговцамъ, берущимъ гораздо дороже. Качество казеннаго пороха иногда бываетъ неудовлетворительно: въ 1903 году въ аянскомъ магазинѣ былъ слишкомъ крупный порохъ, не дававшій взрыва. Кромѣ того, тунгусы жалуются[3]), что изъ казенныхъ магазиновъ имъ иногда припаса не отпускаютъ.

Все это отражается на морскомъ промыслѣ и охотѣ. Для снабженія тунгусовъ ружьями и припасомъ необходимо: 1) ввести въ аянскомъ и нельканскомъ магазинахъ продажу лучшихъ ружей по возможно дешевой цѣнѣ и съ правомъ брать въ разсрочку и въ долгъ (по мнѣнію тунгусовъ, наиболѣе желательнымъ и подходящимъ для нихъ оружіемъ является берданка); 2) увеличить въ магазинахъ запасы пороха и свинца, отпускать ихъ тоже въ долгъ и наблюдать за качествомъ перваго и 3) упорядочить завѣдываніе магазинами, чтобы не было жалобъ тунгусовъ на то, что имъ не отпускаютъ припасовъ. О нужномъ количествѣ ружей и припаса къ нимъ можно узнать отъ самихъ тунгусовъ во время ихъ общественныхъ собраній.

1) Большой широкодульный дробовикъ.

2) В. М. Іоновъ. Поѣздка къ майскимъ тунгусамъ (Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн. Т. XX, в. 4 и 5, стр. 172).

3) Э. К. Пекарскій, op. cit., стр. 187.

д) Звѣроловство и охота.

Послѣ рыбной ловли, съ октября мѣсяца, начинается главный звѣроловный и охотничій сезонъ. Для большинства охотниковъ конецъ сезона наступаетъ въ концѣ ноября или началѣ декабря, когда нужно приниматься за возку чая. Въ малыхъ размѣрахъ охотятся круглый годъ, даже и во время чайной перевозки, при остановкахъ и въ дорогѣ. Право охоты вообще свободно отъ всякихъ ограниченій. Но чтобы избѣжать скопленія народа на небольшой площади, охотники, не враждующіе между собой, заранѣе уговариваются о мѣстѣ охоты. Враги лишены этого удобства, и, въ случаѣ встрѣчи другъ съ другомъ, слабѣйшая сторона вынуждена безпрекословно удалиться. Въ своихъ охотничьихъ передвиженіяхъ тунгусы руководствуются обиліемъ звѣря въ данной мѣстности и его переходами изъ одного мѣста въ другое. Главный промысловый звѣрь въ районѣ — бѣлка. Появляется она не всегда въ одинаковомъ количествѣ. Напримѣръ, на Уѣ (близъ Аяна) бѣлки не было совсѣмъ въ теченіе 4 лѣтъ, а въ 1903 году она опять появилась. Вѣроятно, одною изъ причинъ переходовъ этого звѣрька является урожай кедровыхъ орѣховъ, которыми онъ питается. Въ аянскомъ районѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ попадается черная бѣлка.

Бѣлкованіе ведется съ 10 октября до 25 марта—главнымъ образомъ, зимой, когда у бѣлки подрастетъ шерсть и когда по слѣдамъ ее легко разыскать.

Въ малоснѣжные годы бѣлкованіе бываетъ неудачнымъ, такъ какъ трудно передвигаться на лыжахъ. Лѣтомъ за бѣлкой совсѣмъ не охотятся: шерсть — маленькая, и разыскать бѣлку безъ слѣдовъ трудно. Убиваютъ только изъ ружья, большей частью — изъ малопульной винтовки. Мѣтятъ въ глазъ или бѣлое пятнышко на груди. Если попадутъ и въ другое мѣсто, шкурка идетъ въ дѣло: зарядъ очень малъ. Часто бѣлкуютъ съ собакой. Идя по слѣдамъ бѣлки, собака находитъ ее, останавливается у дерева, на которомъ та сидитъ, и начинаетъ лаять. Чтобы пріучить молодую собаку къ бѣлкованію, охотники, при первой же добычѣ, снявши съ бѣлки шкурку, отдаютъ мясо собакѣ. Такимъ образомъ, она пріучается лаять, какъ только увидитъ бѣлку. Всѣ тунгусы ѣдятъ бѣличье мясо, которое служитъ имъ подспорьемъ во время охотничьяго промысла. Бѣличья шкурка мало потребляется самими охотниками; большей частью она идетъ за долги, на уплату по мелкимъ расходамъ и въ продажу. Годовая добыча 42 бѣлкующихъ семействъ равнялась 2.966 штукамъ. Такъ какъ бѣлкованіе является главнымъ видомъ охоты и, слѣдовательно, можетъ служить показателемъ общаго уровня этого промысла, то не безынтересно детальнѣе разсмотрѣть общую добычу. По группамъ она распредѣляется такимъ образомъ:

	Семействъ въ группѣ.	% къ общему числу.	Бѣлокъ въ группѣ.	% къ общему числу.
до 50 бѣлокъ . .	23	54,8	796	26,5
51—100 » . .	13	30,9	1.105	37,3
101—150 » . .	5	11,9	715	24,1
151—250 » . .	0	0,0	0	0,0
251—350 » . .	1	2,4	350	12,1
Итого . . .	42	100,0	2.966	100,0

По сравненію съ охотой временъ Россійско-Американской Компаніи, и самая высокая нынѣшняя добыча въ 350 штукъ равна половинѣ. Добыча же большинства, особенно первой группы, поражаетъ своей скудостью: если брать только главный сезонъ (съ 10 октября по 20 ноября), то придется всего по одной бѣлкѣ въ день; это ужъ и промысломъ нельзя назвать, а развѣ случайнымъ занятіемъ на досугѣ. Но одна эта группа составляетъ 56,1% бѣлкующихъ; сосѣднія группы стоятъ немногимъ выше. Все это указываетъ на чрезвычайное паденіе охотничьяго промысла въ пріаянскомъ районѣ.

На медвѣдей охотятся весной и осенью; убиваютъ чаще изъ ружей, рѣдко—плашками, рогатинами, охотничьими ножами. Для охоты на медвѣдей годно только хорошее ружье: винчестеры, берданы. Есть, положимъ, смѣльчаки, которые промышляютъ и съ плохимъ оружіемъ; но такихъ мало, да и они ходятъ «съ большой опаской». Если у охотника есть собака-медвѣжатникъ, онъ беретъ ее съ собой, ведя на нерпичьемъ ремнѣ. Когда найдутъ медвѣдя, собаку привязываютъ къ дереву. Ранивъ звѣря, охотникъ спускаетъ собаку, и она лаемъ не даетъ медвѣдю скрыться въ лѣсъ или чащу. Если медвѣдь не раненъ, собаку не спускаютъ, опасаясь, чтобы она не зашла слишкомъ далеко и не затерялась. Выслѣдить медвѣдя безъ собаки можетъ лишь весьма искусный охотникъ: онъ умѣетъ различать медвѣжьи мѣста, совершенно неслышно подкрасться, а у неопытнаго человѣка и шаги совершенно другіе — онъ только вспугиваетъ звѣря. Тунгусы практикуютъ очень интересный пріемъ при нападеніи на медвѣдя въ берлогѣ. Найдя по слѣдамъ берлогу, охотники входъ въ нее закрываютъ бревномъ, подпирая его и прикрѣпляя къ дереву. Медвѣдь, услышавъ шумъ, начинаетъ метаться, грозя разломать берлогу и убѣжать. Тогда начинаются упрашиванія медвѣдя не безпокоиться. Охотники громко кричатъ, обращаясь къ нему: «Отецъ нашъ! мы тебя почитаемъ, не бойся насъ! Страшный, по-

жалѣй! Страшный, смягчись! Мы — жалкіе, несчастные люди! Yha (увы), бѣдный человѣкъ! Смирись, боюсь!» и т. д., а затѣмъ, какъ только въ отверстіи берлоги покажется голова медвѣдя, «бѣдный человѣкъ» посылаетъ своему «отцу» мѣткую пулю. Возгласамъ тунгусы приписываютъ большую силу: «старые люди говорятъ, что медвѣдь слушается ихъ и какъ будто перестаетъ метаться; такъ поступаютъ изстари, почитая медвѣдя, потому что онъ опасенъ». Убиваютъ медвѣдя и рогатиной (геда) съ желѣзнымъ наконечникомъ; на острее наконечника въ обычное время насаживается чехольчикъ изъ роговой части оленьяго задняго пальца. Палецъ кладется въ воду и кипятится, послѣ чего его вынимаютъ изъ воды и легко снимаютъ съ кости напалокъ.

Если нѣтъ рогатины или хорощаго ружья, охотятся съ пальмою или копьемъ въ видѣ большого широкаго ножа (уткан) на деревянной рукояткѣ. Увидавъ медвѣдя или его слѣды, охотникъ этимъ же копьемъ вырубаетъ себѣ древко вдвое или втрое длиннѣе самого оружія, привязываетъ къ послѣднему и дѣйствуетъ, какъ рогатиной. Приготовленіе древка для копья передъ самой встрѣчей съ медвѣдемъ или даже во время ея объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что нераненый медвѣдь бросается на людей рѣдко: только когда онъ старъ или «золъ».

Для охоты на медвѣдя, равно какъ и на другихъ большихъ звѣрей, тунгусы иногда соединяются въ компаніи.

При свѣжеваніи медвѣжьей туши, тунгусы никогда не разрубаютъ костей медвѣдя топоромъ, а расчленяютъ по суставамъ; сами они объясняютъ это тѣмъ, что такъ удобнѣе дѣлить и ѣсть; вѣроятнѣе всего, что обычай освященъ вѣрованіями и примѣтами тунгусовъ и вызывается боязнью разсердить духа-покровителя медвѣжьяго промысла. Исключеніемъ изъ остальныхъ частей является иногда черепъ; если въ котелъ вся голова не помѣщается, ее дѣлятъ на 4 части: отдѣляютъ нижнюю челюсть и языкъ, а черепъ разсѣкаютъ продольно пополамъ. Часть добычи раздаривается сосѣдямъ. Члены компаніи, упромыслившей медвѣдя, дѣлятъ мясо поровну, а въ котелъ кладутъ каждый изъ своей части поочереди и ѣдятъ сообща.

За послѣдній годъ добыто было всего 16 медвѣдей. Охота на нихъ могла бы быть гораздо значительнѣе, если бы у тунгусовъ были хорошія ружья. «На медвѣдя ходить боюсь, ружья плохія — кремневыя винтовки; будь у насъ винчестеры или берданы, пошли бы», — такъ говорили представители 6 семействъ. Безъ сомнѣнія, и другіе, не заявившіе этого, приняли бы участіе въ медвѣжьей охотѣ при наличности хорошаго оружія. Эготъ промыселъ принесъ бы двойную выгоду: цѣнную пушнину и уменьшеніе одного изъ главныхъ враговъ оленеводства.

Лисицу промышляютъ осенью, зимой и весной. Изъ ружья убиваютъ ее только тогда, когда она подвернется во время охоты на другого звѣря, большей же частью добываютъ «пометомъ», плашками и рѣже — самострѣломъ и капканами. Пометъ—отрава, приготовленная изъ сулемы или стрихнина. Отрава иногда вкладывается въ воскъ, тѣсто или прямо всыпается въ кусокъ приманки. Для перваго способа служатъ церковныя свѣчи, которыя растапливаютъ и отливаютъ въ видѣ палочки съ карандашъ толщиной; затѣмъ отрѣзаютъ кусокъ восковой палочки длиной приблизительно въ $1^1/_2$ пальца; до половины куска, при помощи нагрѣтой деревянной палочки, дѣлаютъ посрединѣ отверстіе, вкладываютъ отраву и залѣпляютъ воскомъ же. Для оболочки изъ тѣста употребляется крупчатка. Паметъ обмакиваютъ въ масло или жиръ и, получивъ толстый слой, кладутъ въ глубь разрѣза приманки. Стѣнки разрѣза потомъ сдвигаются. Приманкой служитъ мясо или рыба, нарѣзанныя маленькими кусками, чтобы лисица сразу могла проглатывать. Пометъ бросаютъ издали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣтны слѣды лисицы, не топча ихъ. Около брошеннаго помета посыпаютъ еще сушеной икры кеты или горбушки, или же небольшіе кусочки мяса. Лисица, прибѣжавъ по своему слѣду и почуявъ добычу, начинаетъ подбирать икру, затѣмъ доходитъ до помета, ѣстъ его и скоро невдалекѣ издыхаетъ, сдѣлавъ нѣсколько судорожныхъ движеній въ разныя стороны. Ловля пометомъ производится только съ первозимья — въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ — и, притомъ, въ безснѣжную погоду; иначе пометъ засыпаетъ снѣгомъ, и онъ пропадаетъ. Цѣна флакончика стрихнина въ аянскомъ районѣ — отъ 7 до 10 рублей.

Не всегда убитая паметомъ и проч. лисица попадаетъ въ руки охотника; лисицы поѣдаютъ своихъ погибшихъ товарокъ, портятъ ихъ шкуры, а иногда уносятъ себѣ въ запасъ всю тушу.

Промыселъ лисицъ равнялся 33 штукамъ.

Охотой на дикихъ оленей занимаются весной и осенью. Съ выпаденіемъ снѣга олени удаляются на высокіе горные выступы-гольцы, гдѣ ихъ трудно достать. Убиваютъ изъ ружья и изъ самострѣла, который стараются ставить въ лощинахъ, покрытыхъ ягелемъ. Самострѣлы нѣсколькихъ охотниковъ могутъ стоять вблизи другъ отъ друга. Охотники пользуются, для приманки дикихъ, домашними оленями. Когда дикіе присоединятся къ домашнимъ, то, подъ прикрытіемъ послѣднихъ, охотникъ подкрадывается и стрѣляетъ. При охотѣ съ собакой, въ случаѣ пораненія оленя, ее не отвязываютъ, чтобы она не загнала звѣря слишкомъ далеко, а ведутъ на веревкѣ, идя по слѣдамъ раненаго оленя. Эта охота требуетъ большого искусства, особенно при выслѣживаніи, потому что олень очень чутокъ и пуглівъ. Ходятъ и компаніями, но участники ея всѣ должны быть хорошими охотниками.

Мясо и шкура дикаго оленя почти никогда не продаются, а цѣликомъ идутъ на собственное потребленіе. Если есть сосѣди по промыслу, добыча обязательно дѣлится и на нихъ. Дѣлежъ — очень сложная операція; напримѣръ, при одномъ сосѣдѣ, мясо дѣлится на двѣ совершенно равныя части: по передней и задней ногѣ, по половинѣ головы, языка, челюсти, печени, сердца, кишокъ, желудка, хребта, боковъ, широкихъ сухожилій и филея; шкура, за исключеніемъ головной, идетъ сосѣду, а головная — упромыслившему; если сосѣдей два, то мясо дѣлится такъ, чтобы каждому досталось отъ всѣхъ частей, а шкура, за исключеніемъ головной, достается кому-либо цѣликомъ, но не убившему.

Взамѣнъ полученнаго подарка, сосѣдъ, убивши дикаго оленя, дѣлится, прежде всего, съ тѣмъ, кто съ нимъ дѣлится. Если сосѣда нѣтъ, голова оленя раздѣляется для варева на 9 частей въ такомъ порядкѣ: отъ головы отдѣляется нижняя челюсть, изъ нея вырѣзывается языкъ, челюсть разрываютъ на двѣ части и каждую половину—еще пополамъ; черепъ разсѣкается по макушкѣ на половины, и каждая половина — тоже на половины. Такой порядокъ раздѣленія непохожъ на обычные кухонные пріемы; скорѣе всего, онъ можетъ быть названъ священнымъ обрядомъ, въ основѣ котораго лежатъ древнія вѣрованія тунгусовъ.

На дикихъ или каменныхъ барановъ (боҥнохон, по-якут. чубуку) охотятся больше осенью и весной; въ остальное время года они тощи и удаляются къ морю на склоны высокихъ горъ. Орудіе охоты — ружья и самострѣлы. Нѣкоторые промышляютъ на оленяхъ и съ собаками. При нападеніи на барана, онъ обыкновенно старается убѣжать на высокій, скалистый утесъ, съ котораго собака не даетъ ему уйти, а охотникъ, пользуясь этимъ, стрѣляетъ. Безъ собаки выслѣживать и преслѣдовать барана очень трудно.

Ныма̄т (дареніе) практикуется широко. При удачномъ промыслѣ на дикихъ барановъ, охотникъ, убивши нѣсколько штукъ, объявляетъ объ этомъ сосѣдямъ, идетъ съ ними на мѣсто промысла, и каждый беретъ столько мяса, сколько можетъ унести; если народу много, охотникъ отдѣляетъ сосѣдямъ по своему желанію нѣсколько барановъ, и сосѣди сами уже дѣлятъ подарокъ.

Вѣсъ самаго большого барана — 4 пуда; мясо — вкусное. Изъ шкуры выдѣлываютъ замшу для лѣтней одежды. Мѣхъ — крѣпкій, мягче оленьяго, длинношерстный.

Зайцевъ промышляютъ съ выпадомъ снѣга. Ловятъ, главнымъ образомъ, плашкой и самострѣломъ; изъ ружья убиваютъ очень рѣдко. Водятся зайцы всюду, но въ небольшомъ количествѣ. Промыселъ незначителенъ.

Лося въ аянскомъ районѣ нѣтъ. О соболяхъ ничего не слышно. Какъ

на ближайшее мѣсто соболинаго промысла, тунгусы указывали на Удской край.

Волковъ очень много, но промысла на нихъ не существуетъ, хотя они представляютъ довольно цѣнную пушнину и служатъ грозой для оленеводовъ. Ни одно изъ описанныхъ семействъ не указало въ числѣ упромышленныхъ звѣрей волка; ни одно семейство даже не упомянуло о немъ, говоря объ охотѣ. Причина — та, что тунгусы очень боятся волковъ. Это — страхъ не физическій, а, скорѣе, мистическій, основывающійся на боязни мести волковъ за убитаго, на неуловимости ихъ. Волковъ боятся больше, чѣмъ медвѣдей.

Изъ промысловыхъ птицъ водятся въ большомъ количествѣ рябчики, глухари, куропатки и рѣже — гуси. Дичь могла бы служить весной большимъ подспорьемъ для тунгуса. Но бѣда въ томъ, что какъ разъ въ это время приходитъ къ концу охотничій «запасъ». Охотой на дичь занималась половина описанныхъ семействъ. Продажи дичи нѣтъ. Дареніе развито широко.[1]

Большинство охотниковъ далеко отъ дома не уходитъ,—промышляютъ «кругомъ» стоянки. На продолжительную охоту отправляются на оленяхъ, захватывая и урасу. Зимой охотятся на лыжахъ. Не разсчитывая на добычу, большинство беретъ съ собой запасы. Бѣдняки, не всегда имѣющіе ихъ, голодаютъ 2, 3, 4, даже 5 дней, пока не промыслятъ звѣря. Бываетъ, что, послѣ такой голодовки, тунгусъ ничего не промыслитъ и возвращается домой. Берущіе запасы тоже не всегда избѣгаютъ голода: звѣря иногда нѣтъ, запасы выходятъ, домой возвращаться съ пустыми руками не хочется. Кромѣ голода, а зимой и холода, охотникамъ приходится переносить и третье испытаніе, можетъ-быть, болѣе тяжелое: курить на охотѣ нельзя. Вѣтеръ быстро разноситъ запахъ табачнаго дыма, звѣрь чуетъ человѣка и убѣгаетъ.

Слабое развитіе охоты объясняется вліяніемъ возки чая: послѣдняя отнимаетъ 5 мѣсяцевъ изъ 6, въ теченіе которыхъ больше всего можно бы добывать цѣннаго звѣря. Теперь охота совершенно отодвинута на задній планъ, и тунгусы—уже не тѣ неутомимые охотники, какими были раньше: «нынѣшніе дѣти не промышляютъ, привыкли къ возкѣ чаевъ, не умѣютъ и стрѣлять изъ винтовки», — говорилъ старикъ Иванъ Амосовъ. Вѣроятно, въ его словахъ есть доля обычнаго недовѣрія къ молодому поколѣнію, которое живетъ не такъ, какъ хотѣлъ бы старикъ; но, въ общемъ, эта фраза совершенно вѣрно характеризуетъ нынѣшнихъ пріаянскихъ тунгусовъ: они стали батраками торговцевъ, хотя, можетъ-быть, болѣе обезпеченными; они отвыкли отъ прежней свободной жизни охотника, стали такими же плохими стрѣлками, какъ и рыболовами.

Кромѣ конкуренціи перевозочнаго промысла, причиной слабаго развитія охоты слѣдуетъ считать недостатокъ и недоброкачественность ружей и «припаса». Положимъ, въ старину и совсѣмъ не было ружей, тунгусы охотились съ лукомъ, ходили съ нимъ и на медвѣдя. Но то были, по сравненію съ теперешними тунгусами, артисты охотничьяго искусства, весь свой вѣкъ проживавшіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ медвѣдями и другими хищными звѣрями. При нынѣшнемъ образѣ жизни нельзя ждать отъ тунгусовъ, былой ловкости, искусства, смѣлости. И если противъ конкуренціи чайной возки сдѣлать ничего нельзя, то, помогая оружіемъ и «припасомъ», можно значительно повысить продуктивность охоты, а также и морского промысла.

е) Собаководство.

Тунгусъ Амосовъ помнитъ, что лѣтъ 20 тому назадъ алдомскіе безоленные тунгусы держали ѣздовыхъ собакъ. Вѣроятно, собаководство тогда и вообще было довольно развито, потому что оленей не было у многихъ, а пріобрѣсти ихъ было очень трудно. Съ небольшимъ же количествомъ собакъ можно исполнять мелкія работы и, такимъ образомъ, хотя отчасти восполнить недостатокъ оленей. Въ то время была развита и охота, которая, въ большинствѣ случаевъ, нуждается въ охотничьихъ собакахъ; поэтому, надо полагать, что и число послѣднихъ было значительно. Возка чая, вызвавшая развитіе оленеводства и приведшая къ упадку охотничій промыселъ, должна была пошатнуть и собаководство. Въ 1903 году оно почти уже не имѣло никакого значенія въ жизни описанныхъ тунгусовъ.

Ѣздовыхъ собакъ держали только уйскіе (близъ Аяна) безоленные тунгусы, да и то въ небольшомъ количествѣ: у 8 семействъ было 26 собакъ, въ среднемъ по 3 штуки. Съ такимъ количествомъ нельзя производить крупную работу, напримѣръ, возку чая; поэтому, тунгусы употребляли своихъ собакъ только на мелкія работы: возку дровъ, льда, воды, домашняго скарба, лѣса для жилищъ и т. п. Завести достаточно собакъ они не могли: «не осилишь ихъ рты», потому что и свой ротъ не имѣетъ достаточно пищи. При исполненіи мелкихъ работъ, когда тяжесть сравнительно велика или когда понадобится подниматься на гору, хозяину приходится пособлять собакамъ; если нѣтъ передовой собаки, хозяинъ самъ впрягается вмѣсто нея.

Ѣздовыми дѣлаютъ тѣхъ собакъ, которыя не подаютъ никакихъ надеждъ на охотничій талантъ. Работать на нихъ начинаютъ съ $1^1/_2$ лѣтъ. Чтобы пріучить къ работѣ, молодую собаку запрягаютъ вмѣстѣ съ обученной. Для ѣзды употребляютъ салазки длиной аршина въ 2 и нарты длиной въ 3—4 аршина. Упряжка собакъ состоитъ изъ потяга и алыковъ. Потягъ—въ

родѣ ременнаго дышла—дѣлается изъ перпичьяго ремня. На опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга въ немъ продѣлываются продольныя отверстія, черезъ которыя онъ соединяется съ «алыками» (алык). Алыкъ — перпичій ремень, охватывающій бока собаки; ширина его — $1\frac{1}{2}$ пальца и длина — 2 арш. Алыкъ держится на шеѣ при помощи перпичьяго кольца шириной въ палецъ. Такой же ширины другой ремень служитъ подбрюшникомъ; онъ продѣвается черезъ стороны алыка. Къ задней части алыка, гдѣ сшиты его концы, пришивается тонкое ременное кольцо. При впряжкѣ собаки, оно продѣвается въ продольное отверстіе въ потягѣ и закрѣпляется деревянной палочкой, не позволяющей ему выскочить изъ отверстія.

Впереди впрягается одна собака, «передовая», а за ней, попарно, по обѣ стороны потяга, остальныя. Вожжей при ѣздѣ не бываетъ; управляютъ крикомъ. Передовая понимаетъ команду и сворачиваетъ въ ту или другую сторону, а за нею идутъ остальныя. Тяжесть клади зависитъ отъ разстоянія: если близко, кладутъ по пуду на каждую собаку, а если далеко — нѣсколько меньше. Уставшую выпрягаютъ.

Періодъ работоспособности ѣздовыхъ собакъ указанъ различно: одинъ собаководъ говорилъ, что собака свободно возитъ 4 года, два слѣдующихъ года можетъ ходить недалеко, а потомъ окончательно отказывается работать; другой говорилъ, что ѣздовая собака служитъ 9 лѣтъ. Очевидно, періодъ работоспособности зависитъ отъ количества работы и содержанія.

Ѣздовая собака бываетъ въ то же время и охотничьей, если охотничьи способности ея невелики: изъ 26 ѣздовыхъ 9 были одновременно охотничьими, въ большинствѣ — бѣлкующими. Цѣна ѣздовой — 3, 5, 6 рублей, передовой — 8—10 р., ѣздовой и охотничьей — 10 р.

Охотничьихъ собакъ тунгусы берутъ новорожденными щенками у сосѣдей. Платы не полагается; но для того, чтобы щенокъ былъ со «способностями», за него обычно даютъ подарокъ: перпичій ремень или 1 р.; «если подарка не дать,—говорятъ тунгусы,—толку изъ щенка не будетъ». Годовалый щенокъ уже продается: за 1 р., 1 р. 50 к., 2—3 р., смотря по тому, обѣщаетъ ли онъ быть промысловымъ. Способности охотничьей собаки начинаютъ обнаруживаться по второму году и послѣ того не ухудшаются и не улучшаются до старости. Вѣкъ промысловой собаки меньше, чѣмъ ѣздовой; точно выяснить его не удалось. Дрессировать начинаютъ съ малолѣтства, съ 6 мѣсяцевъ, пуская вслѣдъ за дрессированной, отъ которой щенокъ начинаетъ учиться. Цѣна взрослыхъ промысловыхъ собакъ очень велика: 10—25—30 р. (цѣна оленя), а иногда доходитъ и до 100; всего ихъ было только 6 штукъ.

Мѣсячнаго щенка тунгусы держатъ уже внѣ жилья, стараясь пріучить къ холоду; только въ сильные морозы ихъ, а также взрослыхъ со-

бакъ, пускаютъ не надолго въ жилье погрѣться. Чтобы спасти телятъ отъ собакъ, къ шеѣ послѣднихъ привязываютъ большой кусокъ доски, мѣшающій имъ бѣгать, или подвязываютъ веревкой переднюю ногу къ шеѣ. При перекочевкахъ, ѣздовыхъ и дворняжекъ держатъ на привязи, чтобы онѣ не распугивали оленей.

Пищей собакъ служатъ мясо, рыба, нерпичьи запасы, кости, остатки пищи и отбросы. О рыбныхъ и нерпичьихъ запасахъ было уже сказано въ главахъ о рыболовствѣ и морскомъ промыслѣ. Для одной или двухъ собакъ особыхъ запасовъ не дѣлаютъ, а кормятъ изъ своихъ запасовъ или остатками пищи. Для трехъ собакъ съ Покрова и до весенняго Николина дня нужно двѣ клади рыбы, съ прибавкой жира съ цѣлой нерпы, т.-е. пять пудовъ. Лѣтомъ собакъ не кормятъ: онѣ или питаются остатками вылавливаемой тунгусами рыбы, или сами ловятъ ее. У тунгуса рода Киля была собака, которая не только сама питалась ловлей горбушки, но иногда приносила ее и хозяину, предварительно отъѣвъ у нея голову. Мясомъ кормятъ только охотничьихъ собакъ, да и то рѣдко.

Будущее собаководства зависитъ отъ оленеводства и охоты. При расширеніи перваго и паденіи второго промысла, собаководство должно падать все ниже и ниже, находясь и теперь уже въ состояніи полнаго упадка.

ж) Домашнія работы и наемный трудъ.

Помимо обычныхъ домашнихъ работъ и промысловъ, тунгусы заняты приготовленіемъ промысловыхъ снастей. Главныя изъ нихъ — нарты и сѣти. Нарты начинаютъ дѣлать со средины или съ конца іюля до возки чаевъ. Этой работой были заняты 27 семействъ, 33 ею не занимались; 11 семействъ изготовляли снасти для себя и на продажу, остальныя 16— только для себя. Дѣлать нарты для продажи могутъ только состоятельные тунгусы, имѣющіе средства на покупку нерпичьихъ ремней для скрѣпленія частей нартъ.

Длина нарты для возки чая—5 аршинъ, ширина—$^3/_4$ арш. Составныя ея части—слѣдующія: полозья, копылья, грядки, рѣшетка между грядками, вязки, сидѣнье со спиной, баранъ[1]) и дуга[2]).

Матеріаломъ для нихъ служитъ береза; только рѣшетка дѣлается изъ молодой лиственницы или ели. Изготовленіе нартъ распадается иногда на нѣсколько спеціальностей: одни готовятъ только полозья, другіе — всѣ

1) Дуга, прикрѣпляющаяся концами къ переднимъ копыльямъ, а боками — къ переднимъ концамъ полозьевъ; къ ней привязываются алыки.

2) Пружина, защищающая нарту отъ ударовъ.

остальныя деревянныя части, но не связывая ихъ, третьи — выпускаютъ совершенно готовыя нарты.

Нарты съ алыками и веревками для упаковки груза стоятъ 6 рублей; одинъ только нарты — 4 р.; всѣ деревянныя, не скрѣпленныя, части — 1 р. 50 к.; полозья—1 р., а на подрядъ — по 70 к. пара.

Изъ 49 семействъ изготовленіемъ сѣтей занималось 21 семейство.

Въ общемъ домашнія работы по приготовленію снастей развиты не сильно: добрая половина покупаетъ ихъ. Объясняется это тѣмъ, что, съ развитіемъ чайнаго дѣла, тунгусы получили возможность покупать у торговцевъ и при помощи ихъ такіе товары, которые, при другомъ положеніи, вынуждены были бы дѣлать сами.

Наемный трудъ развитъ въ аянскомъ районѣ очень широко: члены 38 сем. изъ 66 состояли работниками. Въ работники шли неимѣвшіе достаточнаго хозяйства: вовсе неполучившіе отъ родителей наслѣдства или получившіе ничтожное наслѣдство, почему-либо обѣднѣвшіе, лишившіеся отца въ молодыхъ годахъ. Вотъ типичная исторія работника изъ послѣдней категоріи: «По смерти отца мы съ матерью пропитывались сначала среди родныхъ. Когда я немного подросъ, то сталъ работать въ чужомъ домѣ и кормить мать. По смерти матери никакого имущества не осталось, отъ отца—тоже ни имущества, ни скота. Тогда я кружилъ у родныхъ матери, работая за плату, и такъ ходилъ до 20 лѣтъ. Пока не могъ, какъ слѣдуетъ, работать, служилъ за одежду, а когда подросъ, сталъ получать 25 р. за лѣто или за зиму».

Живущихъ наемнымъ трудомъ можно раздѣлить на три группы: собственно работниковъ, сірціт'овъ[1]) и занимающихся мелкими услугами.

Первая группа дѣлится на: годовыхъ, сезонныхъ и поденныхъ. Трудъ годового работника разнообразенъ. Онъ ходитъ за оленями, ловитъ рыбу и нерпуетъ на хозяина, строитъ заѣзки, ходитъ и ѣздитъ по хозяйскимъ дѣламъ, очищаетъ жерди для урасы, ходитъ за водой, разводитъ дымокуры, занимается промысломъ звѣря на хозяина. Иногда онъ выговариваетъ себѣ право брать часть упромышленныхъ звѣрей въ свою пользу. Семейные работаютъ обычно вмѣстѣ съ женами. Жена доитъ коровъ (оленьихъ), шьетъ на семью хозяина, кипятитъ чайники, готовитъ пищу, моетъ бѣлье, иногда ходитъ проводникомъ при возкѣ чая и т. п. Вообще, нѣтъ той работы въ обиходѣ тунгуса, которая не лежала бы на обязанности годового работника.

Сезонные работники нанимаются на зиму или на лѣто. Зимой они нужны, главнымъ образомъ, для возки чая, а лѣтомъ — для ухода за оле-

1) Сірціт, по-якутски — проводникъ при возкѣ чая.

нями. Вообще же сезонный работникъ выполняетъ всѣ работы годового, которыя возможны въ данный сезонъ.

Годовой и сезонный наемъ—самая распространенная форма наемнаго труда. Посуточная работа встрѣчается рѣдко,—напримѣръ, при постройкѣ домовъ (плотники), при разгрузкѣ привезеннаго въ Аянъ товара. Въ Аянѣ встрѣчается и мѣсячный наемъ для плотничьихъ работъ.

Наемъ годовыхъ работниковъ производится весной, а сезонные нанимаются для возки чая въ концѣ октября, въ ноябрѣ, декабрѣ до Благовѣщенія или Егорьева дня (23 апрѣля), а на лѣто—съ Егорьева дня до возки чая.

Плата годовымъ колеблется отъ 100 до 180 р. Часто они, кромѣ жалованья, получаютъ еще хозяйскіе харчи или «паекъ», который состоитъ изъ ржаной муки, кирпичнаго чая и масла, выдаваемыхъ по усмотрѣнію хозяина. Въ 1903 году годовыхъ работниковъ было 9 человѣкъ, изъ нихъ трое женатыхъ. Плата сезоннымъ рабочимъ — 30—60 р. Зимній трудъ цѣнится дороже, потому что и работа при возкѣ чая труднѣе. Сезонныхъ рабочихъ было 3 человѣка, изъ нихъ двое женатыхъ.

Поденно работали двое, за плату 1 р.— 1 р. 50 к. въ день; помѣсячно нанимался въ Аянѣ одинъ, по 15 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ.

Сірціт'ами при возкѣ чаевъ состояли 7 тунгусовъ. Плата за одинъ путь равнялась 25—30 р. Нѣкоторые нанимались на цѣлую зиму по 50—70 р. на хозяйскихъ харчахъ. Мѣсячный паекъ сірціт'а состоитъ изъ той же пищи, которую ѣдятъ сами подрядчики.

Мелкими услугами содержались, главнымъ образомъ, женщины. Онѣ шили на холостыхъ бѣлье, торбаса, изготовляли ровдугу, мяли шкуры, мыли бѣлье и т. п. Этимъ трудомъ содержались 5 семействъ.

Пастухъ оленей получаетъ въ лѣто 20 — 30 р. и паекъ: $1\frac{1}{2}$ пуда муки, 20 ф. масла, 1 кирпичъ чаю. Пастушествомъ изъ описанныхъ тунгусовъ занимался только одинъ.

Такимъ образомъ, въ 1903 году наемнымъ трудомъ занимались, считая и женъ работниковъ, 31 человѣкъ изъ 26 семействъ; 26 мужчинъ, входящихъ въ это число, составятъ 52% всѣхъ описанныхъ мужчинъ въ возрастѣ 15 — 50 лѣтъ. Круглымъ числомъ доходъ 31 человѣка равнялся 1.500 рублямъ.

Развитіе наемнаго труда объясняется развитіемъ чайной возки. Богатые тунгусы, снимавшіе большіе подряды, не въ состояніи были управиться одни съ десятками нартъ, которыя имъ нужно было перевезти; не было у нихъ и нужды отягощать себя излишней работой; поэтому, они нанимали отъ себя сірціт'овъ. Занятые наблюденіемъ за возкой чая, имѣя

возможность ограничиться только наблюденіемъ за лѣтними работами, они нанимали годовыхъ и сезонныхъ работниковъ. Около холостыхъ же работниковъ находили пропитаніе женщины.

Развитіе перевозочнаго промысла отразилось повышеніемъ цѣнъ на наемный трудъ. Вотъ сравнительная табличка цѣнъ на рабочія руки, насколько можно о нихъ судить по отрывочнымъ сообщеніямъ описанныхъ тунгусовъ.

	Свыше 20 лѣтъ назадъ.	20—15 л.	15—10 л.	Въ 1903 году.
Годовому рабочему . . .	15 р.[1]	15 р. и одежда, 30 р. и одежда, 100 р.[2]	—	100—180 р.
Сезонному	—	—	—	30—60 р.
Мѣсячному	—	—	5 р. и одежда	15 р. и харчи.
Поденному	—	—	—	1 р. — 1 р. 50 к.
Сірціт'у	—	15 р.[1]	—	50—70 р. и харчи.
Пастуху	15 р.[1]	—	—	20—30 р.

За послѣдніе годы цѣна на рабочія руки начала падать, такъ какъ въ районъ стало приходить много якутовъ для найма въ сірціт'ы, а якуты, какъ работники, — по отзыву покойнаго о. Василія Мальцева, — лучше тунгусовъ: послѣдніе все еще стремятся къ своимъ кореннымъ промысламъ, дѣлаютъ перерывы въ наймѣ и не такъ умѣлы, какъ якуты.

Изъ 66 семействъ раньше занимались наемнымъ трудомъ 32. Изъ нихъ 10 сдѣлались впослѣдствіи самостоятельными хозяевами. Это показываетъ, что наемъ въ работники служитъ довольно вѣрнымъ средствомъ выбраться на самостоятельную дорогу. Одною изъ причинъ, удерживающею на положеніи работника, служитъ то, что заработная плата выдается не деньгами, а товарами и припасами. Имѣя открытый у хозяина кредитъ, работникъ обыкновенно забираетъ въ долгъ на бо̀льшую, чѣмъ слѣдуемая ему плата, сумму, а при расчетѣ, по окончаніи срока, узнаетъ, что для уплаты долга ему еще нужно работать на хозяина. Бываетъ и такъ, что, прослуживъ у хозяина нѣсколько лѣтъ, работникъ уходитъ, не расплатившись съ долгами. Уплачиваютъ въ такомъ случаѣ изъ новой заработной платы.

---

1) Плата выдавалась оленемъ, цѣна которому тогда была 15 р.

2) Здѣсь взяты три случая найма, бывшіе 17, 16 и 14 лѣтъ тому назадъ.

Удача молодого работника нерѣдко заключается въ томъ, что онъ женится на хозяйской дочери и получаетъ за нею небольшое приданое, а съ нимъ и возможность самостоятельно вести хозяйство.

Для 8 изъ занимающихся семействъ получаемый отъ наемнаго труда доходъ является главнымъ.

При господствѣ перевозочнаго промысла, наемный трудъ и въ будущемъ, очевидно, долженъ имѣть большое значеніе въ жизни описанныхъ тунгусовъ.

III.

Общій взглядъ на промыслы и ихъ значеніе.

Разсмотрѣнными промыслами исчерпываются занятія 66 семействъ. Сравнительное значеніе каждаго промысла въ цифрахъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы. Общій ея итогъ нельзя считать годовымъ доходомъ всѣхъ 66 семействъ, такъ какъ частныя суммы для рыболовства и морского промысла выведены по приблизительному подсчету, какъ показатели этихъ промысловъ. Добычу «нарги» и «кумачан'овъ», а также мясныхъ продуктовъ охоты невозможно было перевести на деньги; въ охотѣ взятъ былъ только доходъ отъ продажи пушнины. Неточность общаго итога не должна отъ этого быть очень большой, такъ какъ и данные промыслы незначительны и повышенный расчетъ дохода для рыболовства и нерпованія долженъ значительно уравновѣсить недостачу.

Промыслы.	Доходъ (въ рубляхъ).	% къ общему доходу.	Количество промышлявшихъ семействъ въ группѣ.	% къ общему числу семействъ.
Возка чая.	15.100,0	65,3	40	60,6
Продажа оленей.	875,0	3,8	7	10,6
Охота и звѣроловство.	836,5	3,5	50	75,7
Рыболовство.	1.761,6	7,5	65	100,0
Морской промыслъ.	3.250,0	13,7	35	53,0
Домашнія работы и наемный трудъ	1.500,0	6,2	26	39,1
Итого	23.723,1	100,0	—	—

Первенство чайной возки надъ всѣми остальными промыслами оказывается безспорнымъ: если даже допустить, что недостающіе продукты охоты и морского промысла составляютъ доходъ въ 6 тысячъ ру-

блей, чего не можетъ быть, то и тогда окажется, что возка чая даетъ больше, чѣмъ всѣ остальные промыслы, взятые вмѣстѣ. Вліяніе ея можно, въ общемъ, охарактеризовать такъ: часть промысловъ (оленеводство, домашнюю работу, наемный трудъ) она развиваетъ, какъ необходимый придатокъ къ ней; другую часть (охоту и звѣроловство, рыболовство, морской промыселъ и собаководство) она низводитъ на положеніе подсобныхъ и расшатываетъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе эти промыслы сталкиваются съ нею во времени. Страдающими, при этомъ, оказались всѣ старинные промыслы тунгусовъ, за исключеніемъ оленеводства.

Однако, было бы большой ошибкой думать, что возка чая налагаетъ на экономическую жизнь тунгусовъ печать полнаго однообразія. Старинные промыслы живучи и существуютъ постольку, поскольку позволяетъ главный промыселъ. Разнообразіе промысловыхъ комбинацій въ описанныхъ семействахъ дѣлаетъ положительно невозможною группировку ихъ по одинаковымъ промысламъ; 24 семейства, напр., живутъ промыслами, отличающими ихъ другъ отъ друга и отъ всѣхъ остальныхъ семействъ; наиболѣе многочисленная однородная группа состоитъ только изъ 9 семействъ, занимающихся возкой чая, оленеводствомъ, звѣроловствомъ, рыболовствомъ, морскимъ промысломъ и домашними работами.

Годовой доходъ отъ всѣхъ промысловъ, поскольку онъ выяснился при обмѣнѣ на товары и припасы и при уплатѣ по мелкимъ расходамъ, былъ указанъ 62 семействами. Общая сумма равнялась 19.103 р. 38 коп. Нельзя думать, чтобы тунгусы могли точно опредѣлить свои доходы, такъ какъ и среди болѣе культурныхъ племенъ эта способность мало развита. Въ данномъ случаѣ, однако, ошибка не могла быть большой, потому что получаемый доходъ идетъ на уплату долговъ торговцамъ и учитывается за одинъ пріемъ въ теченіе года. Общую сумму, конечно, легче запомнить, особенно тогда, когда отъ размѣра ея зависитъ размѣръ будущаго кредита.

Указанная общая сумма распредѣляется между отдѣльными промыслами такимъ образомъ:

Возка чая.	Охота и звѣроловство.	Рыболовство.	Морской промыселъ.	Продажа оленей.	Наемный трудъ.	Прочіе доходы.	Всего рублей.
15.498,00	836,50	27,50	353,88	875,00	1.488,50	24,00	19.103,38

Потребленные продукты всѣхъ этихъ промысловъ сюда не вошли.

Между хозяйствами по группамъ доходъ распредѣлялся такъ:

Размѣръ дохода.	Число семействъ.	% къ общему числу.	Групповой доходъ.	% къ общему доходу.
До 100 р.	17	27,4	922,20	4,8
101— 200 р.	18	29,0	2.779,63	14,5
201— 300 »	11	17,8	2.796,75	14,6
301— 400 »	5	8,1	1.729,15	9,1
401— 500 »	2	3,2	925,00	4,9
501—1000 »	7	11,3	4.775,65	25,0
Свыше 1000 р.	2	3,2	5.175,00	27,1
Итого.	62	100,0	19.103,38	100,0

Слѣдуя такому же дѣленію группъ на обезпеченныхъ и необезпеченныхъ, какое было проведено въ главахъ о возкѣ чая и оленеводствѣ, первыя двѣ группы таблицы придется отнести къ необезпеченнымъ. Что такое дѣленіе будетъ правильнымъ, можно видѣть изъ того, что заработная плата годового работника колеблется между 120—180 рублями, т.-е. въ предѣлахъ заработка второй группы, а въ годовые работники идутъ какъ разъ несостоятельные тунгусы. Если же 56,4% описанныхъ семействъ несостоятельны, то и вообще положеніе промысловъ аянскихъ тунгусовъ слѣдуетъ считать неудовлетворительнымъ. 3-я группа — средній слой — составляетъ 17,8%; остальныя, состоящія изъ зажиточныхъ и богатыхъ — 25,8%. На несостоятельныя группы приходится 19,3% общаго дохода, среднюю — 14,6, зажиточныя и богатыя — 66,1%; такимъ образомъ, разслоеніе на богатыхъ и бѣдняковъ оказывается рѣзкимъ.

Прежде чѣмъ говорить о сведеніи бюджета тунгусовъ, необходимо ознакомиться съ условіями ихъ матеріальнаго быта и разсмотрѣть подробно вызываемые ими расходы.

IV.

Матеріальный бытъ.

Пища пріаянскихъ тунгусовъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рыбныхъ и мясныхъ продуктовъ, добываемыхъ во время промысловъ, и изъ покупныхъ припасовъ.

О рыбной пищѣ уже было сказано въ главѣ о рыболовствѣ. Она часто разнообразится растущими здѣсь ягодами: голубицей, брусникой, шикшей и толокнянкой.

Голубица (ц̇ікта) прибавляется къ рыбнымъ запасамъ, заготовляемымъ на зиму, и къ рыбной пищѣ въ свѣжемъ видѣ. «Султа» (порса), смѣшанная съ вареной голубицей и засушенная на доскѣ, называется кулпі. Голубица съ «султой» и перпичьимъ жиромъ составляетъ особое блюдо — султáбі ċäwочакал. На Алдомѣ голубицу ѣдятъ въ смѣси съ икрой и «султой»: ягоду варятъ въ котлѣ, мѣшаютъ съ икрой кеты или маймы, выкладываютъ на доски въ видѣ лепешки и сушатъ на ікапун'ѣ (особая жердь надъ очагомъ); когда смѣсь подсохнетъ, ее снимаютъ съ доски въ цѣльномъ видѣ, перекладываютъ на плетенку изъ лиственничныхъ прутьевъ и досушиваютъ тоже на ікапун'ѣ; высушенную лепешку крошатъ на мелкіе куски и смѣшиваютъ съ порсой; при ѣдѣ подбавляютъ перпичьяго жира. Голубицу ѣдятъ и въ сыромъ видѣ — безъ всякихъ приправъ или съ оленьимъ молокомъ; послѣднее блюдо называется ц̇іктáбі ċäwочакал.

Брусника (імукта) также идетъ на приготовленіе кулпі; кулпі съ брусникой называется імуктáбі кулпікан. Брусника съ «султой» и перпичьимъ жиромъ составляетъ, такъ же какъ и голубица, кушанье султáбі ċäwочакал, а сырая съ оленьимъ молокомъ — укуӈуду ċäwочакал.

Шикша (умтачан) вмѣстѣ съ перпичьимъ жиромъ служитъ приправой къ «султѣ».

Толокнянка (куц̇ахта) идетъ на приготовленіе запаса; ее смѣшиваютъ пополамъ съ «султой», предварительно поджаривъ на сковородѣ и высушивъ на солнцѣ; жиру при этомъ не прибавляютъ. Въ сыромъ видѣ толокнянку ѣдятъ или безъ всякой приправы или смѣшавъ съ «султой» и перпичьимъ жиромъ.

Главной пищей лѣтомъ служитъ вареная рыба безъ соли; для вкуса иногда прибавляется дикій лукъ. Во время лова ѣдятъ сырьемъ головы горбушки и кеты, которыя тунгусы очень хвалятъ; сырьемъ же ѣдятъ и хребты горбушки.

При лѣтнихъ перекочевкахъ свѣжую юколу пекутъ и вялятъ на вертелѣ; юкола получается вкуснѣе изготовляемой въ запасъ. При кочевкахъ вообще тунгусы берутъ въ мѣшокъ «султы» и ѣдятъ ее, смѣшавъ съ перпичьимъ жиромъ.

«Султа» и юкола употребляются съ чаемъ, когда нѣтъ мучной пищи. Рыба идетъ въ начинку пирожковъ изъ ржаной муки, для чего рыбу варятъ, солятъ и смѣшиваютъ съ дикимъ лукомъ и перпичьимъ жиромъ; такіе пирожки очень распространены среди тунгусовъ.

Мясо приготовляютъ въ 5 видахъ: a) вареное, безъ соли, b) въ рисовомъ супѣ съ солью, c) зажаренное на перпичьемъ жиру или на водѣ съ солью, d) жареное на вертелѣ и e) въ видѣ кушанья улукта, для пригото-

вленія котораго сваренное мясо разрѣзается пластинками, засушивается и крошится мелкими кусками.

Изъ плодовъ и дикихъ растеній, кромѣ ягодъ и дикаго лука, собираютъ орѣхи и черемуху. Несозрѣвшіе кедровые орѣхи ѣдятъ въ печеномъ видѣ, растолокши вмѣстѣ съ кожурой; черемуху, съ косточкой, пекутъ на сковородѣ.

Продуктовъ, добываемыхъ во время промысловъ, тунгусамъ далеко не достаточно для пропитанія; большинство ихъ, пользуясь кредитомъ у торговцевъ, получаетъ припасы подъ возку чая. Главными изъ закупаемыхъ припасовъ являются: мука, коровье и конское мясо, коровье масло и рисъ. Сколько семействъ брали каждое изъ этихъ припасовъ, указать точно нельзя: нѣкоторые ограничивались сообщеніемъ только общаго расхода на пищевые продукты.

Изъ тунгусовъ, указавшихъ подробно продовольственный расходъ, покупали въ годъ: ржаной муки 24 семейства 391 пудъ, крупчатки 15 сем. 41 куль, коровьяго мяса 17 семействъ 115 пудовъ, конскаго — 16 семействъ 213 пудовъ, коровьяго масла 19 сем. 100 пудовъ, рису 17 сем. 30 пудовъ. Расходъ на пищевые продукты у 54 сем. равнялся 9.284 р. 75 к. при общемъ расходѣ въ 18.287 р. 30 к. Остальныя семейства или состояли рабочими на хозяйскихъ — тоже, главнымъ образомъ, покупныхъ — харчахъ, или же состояли на иждивеніи покупающихъ припасы сородичей. Расходъ на покупные пищевые продукты средняго хозяйства равенъ 150 руб. Все это показываетъ, что натуральное хозяйство тунгусовъ, подъ вліяніемъ перевозочнаго промысла, рушится: по приблизительному подсчету, покупные припасы по цѣнности равны всѣмъ мяснымъ, рыбнымъ и проч. продуктамъ, добываемымъ во время промысловъ.

Изъ ржаной муки тунгусами приготовляется затуранъ (тунг. сатуран): растапливаютъ на сковородѣ коровье масло, изрядно солятъ его, засыпаютъ столько ржаной муки, чтобы смѣсь могла кипѣть, и мѣшаютъ ложкой; когда мука поджарится, затуранъ готовъ. Его употребляютъ съ чаемъ. Изъ ржаной муки дѣлаютъ еще лепешки. Крупчатка идетъ на оладьи или поджаривается на нерпичьемъ жиру или маслѣ. Масло ѣдятъ въ смѣси съ кусками лепешки изъ ржаной муки.

Не все время и не у всѣхъ тунгусовъ бываетъ достаточно пищи. Осенью, когда запасы истощаются, бѣдняки берутся за нерпичьи шкуры, оставленныя въ запасъ со слоемъ жира въ палецъ толщиной: шерсть очищаютъ, кожу разрѣзаютъ на куски и варятъ. Весной, до морского промысла, ѣдятъ вареную заболонь сосны; это кушанье носитъ громкое якутское названіе лапсы (русск. *лапша*).

Обычно тунгусы ѣдятъ три раза въ день: утромъ, днемъ и вечеромъ.

Передъ ѣдой всегда пьютъ чай, — вѣроятно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы чаемъ замѣнить рѣдко приготовляемую горячую пищу.

Потребленіе чая развито теперь широко, до чайной же возки тунгусы, по словамъ одного изъ нихъ, и не видѣли чаю. Въ 1903 году его потребляли 53 семейства; расходъ 32 изъ нихъ равнялся 570 р. 15 к., а количество потребленнаго 27 семействами чая—577 кирпичамъ. Неимѣющіе чаю пьютъ горячую воду. Сахаръ также достаточно проникъ въ тунгусскій обиходъ: 19 сем. расходовали на него 74 р. 25 к., потребивъ всего 173 фунта. Кромѣ того, осталось невыясненнымъ потребленіе семействъ, показавшихъ расходъ общей суммой.

13 семействъ въ своихъ расходахъ указали и расходъ на спиртъ въ 538 рублей 75 к. Этой цифрой потребленіе его не ограничивается: многіе тунгусы не рѣшались откровенно говорить объ этомъ расходѣ, такъ какъ продажа спиртныхъ напитковъ между ними запрещена. «Спиртомъ торгуютъ не только пріѣзжіе русскіе и якуты, но и мѣстные обитатели, а иногда и лица, на прямой обязанности которыхъ лежало бы преслѣдованіе торговли спиртными напитками»[1]). Зло, приносимое продажей спирта, по мнѣнію автора цитированныхъ строкъ, а также близко знавшаго тунгусскую жизнь священника Вас. Мальцева, громадно.

Куреніе табака распространено очень широко; 34 семейства тратили на него въ годъ 292 р. 70 к. Курятъ только черкасскій табакъ; въ видахъ экономіи, къ нему примѣшиваютъ мелко накрошенныя еловыя и лиственичныя стружки.

Одежда тунгусовъ изготовляется какъ изъ продуктовъ ихъ домашняго хозяйства (зимняя), такъ и изъ покупныхъ матерій (большею частью лѣтняя). Торговля европейскими тканями среди нихъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли вообще. Потребность въ одеждѣ велика, такъ какъ во время промысловъ, кочевокъ и т. д. тунгусы находятся въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ, при которыхъ нечего и думать о сохраненіи костюма. Такъ, работникъ Осипъ Громовъ изнашиваетъ въ годъ: 3 рубахи, 3 пары штановъ (зимой — одни, изъ оленьей шкуры и лѣтомъ — двое, плисовыхъ), трое кетопныхъ портовъ, 5 паръ торбасовъ (три пары — лѣтомъ и двѣ — зимой). Кромѣ прямой необходимости въ одеждѣ, на потребленіе матеріи вліяетъ и естественное стремленіе принарядиться; но это стремленіе удовлетворяется слабо, такъ какъ средствъ мало. Сколько матеріи для одежды покупаютъ описанные тунгусы — невозможно сказать, такъ какъ они указывали только общее количество покупаемыхъ матерій, часть коихъ идетъ и на покрышку урасы. Не выдѣляя матерію для одежды, приводимъ

---

1) Э. К. Пекарскій, op. cit., стр. 10 (184).

перечень покупаемыхъ тунгусами матерій. Этотъ перечень указываетъ на то, что и въ одеждѣ и жилищѣ, такъ же какъ и въ пищѣ, тунгусы должны были оставить натуральное хозяйство. По подробной описи вещей у 26 семействъ оказывается, что больше всего куплено ситца—724 арш. (26 сем.); дальше идутъ: кретонъ—515 арш. (20 сем.), бумазея—302 арш. (14 сем.), плисъ—216 арш. (11 сем.), сарпинка—123 арш. (4 сем.), простое сукно—88 арш. (16 сем.), бязь — 75 арш. (3 сем.), черное сукно — 51 арш. (2 сем.), тикъ — 10 арш. (1 сем.) и шелковая матерія — 2 арш. (1 сем.); всего же тканей куплено 2.106 аршинъ. Кромѣ того, тѣми же семействами было куплено 107 женскихъ платковъ, 7 сафьянныхъ поясовъ, 4 кожаныхъ пояса, 2 картуза, 2 шарфа, 29 дюжинъ пуговицъ для рубахъ и 78 катушекъ нитокъ.

Здѣсь указаны, разумѣется, только богатыя семейства, и потому потребленіе такъ велико; но и въ среднихъ и бѣдныхъ хозяйствахъ замѣчается разница только въ количествѣ и качествѣ потребляемыхъ тканей, но не въ отношеніи покупаемыхъ матеріаловъ къ получаемымъ отъ собственнаго хозяйства. Годовой расходъ на покупную одежду у 54 сем. равнялся 2.717 р.

Въ обуви меньше замѣтна перемѣна: изъ описанныхъ семействъ указали на покупку торбасовъ только 10. Это не значитъ, впрочемъ, что этимъ и ограничивалась покупка обуви: нѣкоторые подробнаго расхода не указывали.

Семейные тунгусы шьютъ одежду и обувь своими силами, а холостежь отдаетъ шить женщинамъ. За шитье кафтана берутъ 1 р., рубахи и штановъ — по 50 к., портовъ—20—30 к.; за торбаса на УѢ берутъ 50 к. съ подошвами мастерицы. Подошвы обычно дѣлаются изъ перпичьей кожи, а если ея нѣтъ — изъ кожи «нарги». Изъ обуви тунгусы покупаютъ только коровьи торбаса, которыми ихъ снабжаютъ якуты.

Вотъ перечень тунгусской одежды.

Мужская зимняя одежда.

1) кафтанъ на мѣху (доһу́лкан тати́); верхъ — плисовый; поверхъ кафтана надѣвается даха (мука́) на оленьемъ и дикаго барана мѣху;

2) даха (мука́) изъ шкурокъ дикаго олешка, надѣвается шерстью наружу;

3) блуза (блу́са) изъ бумазеи, надѣвается поверхъ рубахи; носится иногда и лѣтомъ;

4) мѣховые штаны (іннӯli ыстāн) изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь; поверхъ ихъ надѣваются набедренные штаны или наколѣнники (бōкāпын) изъ оленьихъ лапокъ;

5) мѣховые чулки (до́ктон) изъ шкуры оленя;

6) шапка (тугаһік а́уп) изъ лисьихъ лапокъ (околышъ — изъ мѣха выдры); у нѣкоторыхъ—изъ шкуры домашняго оленя, изъ бѣличьихъ шкурокъ (верхъ—изъ спинки, внутренность—изъ брюшка);

7) торбаса (нубдыр унта) изъ шкуры домашняго и дикаго оленя;

8) рукавицы (хохо́лро), подбитыя зайцемъ; верхъ—шкура дикаго барана, оленя, лосиная замша, ровдуга (оленья замша);

9) зимнія перчатки на бѣличьемъ мѣху (тугаһік саја́ра); нѣкоторые подбиваютъ ныжикомъ; верхъ — изъ ровдуги.

Мужская лѣтняя одежда:

1) кафтанъ (тäті́); верхъ—плисъ (разрѣзной—бумажный бархатъ и неразрѣзной), сукно простое и лучшаго сорта, ластикъ, трико; подкладка—коленкоръ, кретонъ, тикъ, ситецъ;

2) ровдужное лѣтнее пальто (ҥачумі тäті), безъ подкладки;

3) даха лѣтняя (ҥармакäн), получаемая изъ зимней, когда вытрется шерсть; дѣлается изъ шкуры домашняго и дикаго оленя, дикаго барана, шерстью наружу;

4) рубаха (урбäха) изъ ситца, гаруса, шелка, кретона, тика, миткаля, дабы;

5) штаны (ыстäн); верхъ — плисъ, черное сукно, трико, ровдуга; подкладка къ штанамъ изъ матеріи — кретонъ, тикъ, ситецъ, коленкоръ;

6) жилетъ (зäлäчі́к); верхъ — спереди сукно, плисъ; спинка у суконнаго жилета — изъ краснаго сукна, а у плисоваго — изъ краснаго кумача; подкладка — кретонъ, коленкоръ, тикъ, ситецъ;

7) картузъ (картус) чернаго сукна, покупной;

8) шапка (а́уп) изъ простого сѣраго сукна, плиса, лѣтней шкуры самаго маленькаго олешка — суоԓначан'а[1]); бѣдняки носятъ лѣтомъ и зимой;

9) перчатки (саја́ра) изъ ровдуги, безъ подкладки;

10) торбаса пяти сортовъ: оло́чік — короткіе, изъ ровдуги, съ подошвами изъ перпичьей шкуры, безъ носковъ, закругленные; тарга́мі — съ носками, изъ ровдуги (берется шкура самца, какъ болѣе толстая); уоӈка — шьются изъ дымленой коровьей кожи (менѣе портятся), покупаемой у торговцевъ; сапыјан унта—сафьяновые, покупаются у торговцевъ и якутовъ; са́ры унта—изъ конской кожи, покупаются у торговцевъ;

11) суконные чулки (сіпун до́ктон);

12) поясъ черной или красной кожи (сапыјан ка́lбу).

Женская лѣтняя одежда:

1) лѣтній кафтанъ (ԓуwаһік тäті́); верхъ—плисъ, черное сукно, сѣ-

---

1) Шерсть у него менѣе густая, болѣе плотная, блестящая.

рое сукно, сатинъ, атласъ, гарусъ, шелкъ; подкладка—коленкоръ, кретонъ, тикъ, ситецъ; надѣвается поверхъ безрукавника;

2) безрукавникъ (карсѐа̄т); верхъ — плисъ, гарусъ, шелкъ, полушелкъ; подкладка—ситецъ, кретонъ, коленкоръ;

3) рубаха (урба̄ха) изъ гаруса, шелка, полушелка, у бѣдныхъ — изъ дабы, миткаля, кретона, тика;

4) платокъ (пла̄т) шелковый, гарусный или ситцевый;

5) кушакъ (ка́лбу) бумажный или шелковый;

6) туловищные штаны или натазники (ӓркі́) изъ плиса;

7) наколѣнники (арӓму́сѐ) изъ плиса;

8—10) торбаса, лѣтніе чулки и перчатки — какъ у мужчинъ.

Женская зимняя одежда:

1) кафтанъ (доӈу́лкан тӓті́) ватный; верхъ — плисъ; подкладка (съ двухъ сторонъ)—кретонъ и ветошь; поверхъ тӓті́ надѣвается даха (мука́) изъ шкуры домашняго и дикаго оленя;

2) мѣховой кафтанъ (коцо́мі) изъ шкуры домашняго и дикаго оленя, шерстью внутрь (у бѣдняковъ);

3) рубаха (урба̄ха)—та же, что̀ и лѣтомъ;

4) блуза (блу́са) изъ бумазеи, надѣвается поверхъ рубахи;

5) натазники (іцулі ӓркі́) изъ лисьяго или оленьяго мѣха;

6) наколѣнники съ чулками (купі) изъ оленьей шкуры;

7) торбаса (пубдыр унта) — тѣ же, что у мужчинъ, надѣваются поверхъ купі.

8) рукавицы (хохо́лро); верхъ — лосиная замша на заячьемъ мѣху, лисьи лапы; внутри—бѣличій мѣхъ;

9) шапка (а́уп) двухъ сортовъ: корбо́мі а́уп (верхъ—сукно, боберъ, внутри — бѣличій мѣхъ) и пӓрба́скӓ дӯкіксä (верхъ — изъ мѣха выдры, внутренняя сторона — изъ бѣлки);

10) серебряный поясъ (аӈыӈа́пун) якутскаго издѣлія.

Жилища тунгусовъ дѣлятся на лѣтнія и зимнія.

Лѣтнимъ жилищемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ служитъ ураса: изъ 56 сем. урасу имѣли 45. Ураса представляетъ изъ себя конусъ съ діаметромъ основанія около 7 аршинъ и высотой $4\frac{1}{2}$ арш. Остовъ урасы дѣлается изъ очищенныхъ отъ коры жердей. Для установки послѣднихъ на расчищенномъ мѣстѣ ставятъ двѣ основныя жерди — салхамча, соединяющіяся наверху подъ угломъ; скрѣпленіемъ служатъ сучья на верхушкѣ жердей, обращенные въ разныя стороны. Къ этимъ жердямъ приставляютъ другія, идя «противъ солнца». Весь деревянный остовъ урасы имѣетъ около 40 жердей. Когда остовъ готовъ, на него кладутъ плотную покрышку, которая защищала бы обитателей отъ дождя, вѣтра и т. п. По-

крышка дѣлится на двѣ части: верхнюю (ӱläптін) и нижнюю (уӈакан) и дѣлается одинаково — только названія разныя. Матеріалъ для покрышки берется различный, смотря по состоянію хозяевъ. Обыкновенно нижняя часть урасы, подъ которой расположены постели, укрывается болѣе прочнымъ матеріаломъ, чтобы не промочило дождемъ, а верхъ — чѣмъ попало. Преимущественнымъ видомъ покрышки (20 изъ 45) является покупная матерія и береста. Изъ матерій больше встрѣчаются нанка, миткаль, кретонъ, рѣже — холстъ, сукно, большіе женскіе платки. У основанія урасы привязываются узкія берестяныя полсти (тыкс̀а) безъ звеньевъ, послѣ чего низъ покрывается особою полстью (также тыкс̀а), которая шьется изъ бересты въ два ряда, но въ одинъ слой; края четырехугольныхъ берестяныхъ полосъ пришиваются другъ къ другу непосредственно. Чтобы шовъ при шитьѣ не лопался, бересту предварительно варятъ въ котлѣ три дня. По краямъ берестяной полосы накладывается берестяная же обшивка.

Береза водится далеко не вездѣ: напр., на Уѣ и Лаӊтар'ѣ ея нѣтъ, и мѣстные тунгусы принуждены покупать бересту, доставляемую съ Алдомы; цѣна — 30 к. за квадратный аршинъ. Цѣна всей урасы изъ матеріи и тыкс̀а, въ зависимости отъ матеріала, колеблется между 15 и 30 рублями. Бѣдняки кроютъ урасу тряпьемъ.

Отдѣльныя части покрышки привязываютъ къ жердямъ остова, а сверху накладываютъ еще слой жердей, штукъ въ 12. Иные покрышку не привязываютъ къ жердямъ, а придавливаютъ верхнимъ слоемъ жердей и снизу еще — полѣньями. Такъ какъ вся ураса представляетъ изъ себя горючій матеріалъ, то огонь въ ней разводится небольшой и посрединѣ урасы. Мѣсто, гдѣ разводится огонь, тоӡо, отгораживается бревешками, сложенными въ видѣ буквы П; открытый конецъ этой загородки обращается къ входу въ урасу, а противоположный конецъ — къ мал'у, мѣсту противъ входа. Надъ очагомъ протягиваются особыя жерди (ікапун'ы) для просушки бѣлья и проч.; на одномъ изъ ікапун'овъ вѣшаются желѣзные крючки (олдоун'ы), въ видѣ изогнутой части буквы К; на олдоун'ахъ вѣшаютъ котлы и чайники. Ікапун'ы подвѣшиваются къ жердямъ урасы на веревкахъ, тряпкахъ, лыкѣ и т. п.; толстый конецъ ікапун'а обязательно долженъ быть обращенъ къ выходу, иначе «плохо будетъ»[1]). Вмѣстѣ съ олдоун'ами, ікапун'ы составляютъ священную часть очага.

Полъ въ урасѣ устилается лиственничными вѣтками, причемъ толстые концы ихъ также должны быть обращены обязательно къ выходу.

---

1) Тунгусы употребили здѣсь трудно переводимое якутское слово аӈы̄ (грѣшно, плохо будетъ), имѣя въ виду дурныя послѣдствія, какъ результатъ вины, проступка.

Установка лѣтней урасы требуетъ очень немного времени: пока вскипитъ чайникъ, ураса уже готова. Работа мужчинъ, при этомъ, состоитъ въ приготовленіи и установкѣ жердей, а покрываютъ урасу женщины. Холостые и одиночки дѣлаютъ все сами. Ураса ставится только тогда, когда тунгусъ намѣренъ остановиться въ данномъ мѣстѣ на нѣсколько дней, или же когда идетъ дождь. Въ другихъ случаяхъ онъ располагается въ палаткѣ (ōlбōк). Палатка дѣлается изъ миткаля или ситца и держится на четырехъ тонкихъ жердяхъ, связанныхъ также верхушками; стороны палатки свѣшиваются вертикально и внизу ничѣмъ не прикрѣпляются. Иногда палатки ставятся около урасы, для спанья.

Второй видъ лѣтняго жилища — угдан (кора) утап. Отличіе его отъ урасы состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ крышу и дверь, которыя, какъ и покрышка, дѣлаются изъ лиственничной или еловой коры. Чтобы покрышку не коробило, ее придавливаютъ бревнами. По краямъ двери идетъ деревянная рамка изъ прутьевъ. Дверь привязывается къ боковой жерди дверного отверстія; петли замѣняются веревками. Тяжелую еловую и лиственничную покрышку возить неудобно, и при перекочевкахъ обыкновенно возятъ покрышку изъ матеріи.

Отмѣтимъ еще особый видъ жилища — халтāрма. Это — полуураса, которая кроется только съ одной стороны или кускомъ миткаля (верхъ кроется всякою ветошью) или одною ровдужною полстью (уӈакан). Служитъ жилищемъ во время промысла для тѣхъ, у кого нѣтъ средствъ пріобрѣсти покрышку для цѣлой урасы.

Зимнее жилище тунгусовъ не такъ однообразно, какъ лѣтнее. Въ прежнее время чаще всего зимнимъ жилищемъ служила ураса, крытая ровдугой. На всю урасу идетъ 12 большихъ оленьихъ шкуръ. Съ возникновеніемъ чайнаго промысла и повышеніемъ цѣны на оленей, убивать послѣднихъ для полученія ровдуги стало дѣломъ невыгоднымъ, а для большинства — и прямо невозможнымъ; поэтому, ровдужная ураса теперь встрѣчается въ пріаянскомъ районѣ рѣдко: изъ 40 семействъ ихъ имѣли только 12, а изъ послѣднихъ сплошь ровдужныя были у 7 и наполовину изъ ровдуги, наполовину изъ матеріи — у 5. Въ полуровдужныхъ урасахъ ровдуга идетъ на нижнюю часть (унукап, уӈакап); изъ матерій для верхней части (уläптін или ӱläптін) употребляется больше миткаль, а также тряпье изъ мѣшковъ. Тунгусы говорятъ, что новый миткаль такъ же хорошо защищаетъ отъ мороза, какъ и ровдуга. Для защиты отъ вѣтровъ входъ въ зимнюю урасу обращается въ подвѣтренную сторону. Самый низъ урасы покрывается особой полстью — тамана, которая дѣлается изъ бересты въ два ряда и два слоя; одинъ слой идетъ вдоль, другой—поперекъ; отдѣльныя, сложенныя вдвойнѣ, полосы бересты соединяются ровдужнымъ скрѣпле-

ніемъ; края тамана обшиваются берестой; въ длину помѣщаются девять полосъ. Тамана приготовляютъ майскія тунгуски. Въ остальномъ зимняя ураса нисколько не отличается отъ лѣтней.

Дымъ выходитъ въ щели и во входное отверстіе, такъ какъ трубы не дѣлаютъ. Внутри урасы онъ часто бываетъ такъ густъ, что не видно людей, сидящихъ по другую сторону очага. Бѣлая миткалевая ткань, покрывающая урасу, темнѣетъ до неузнаваемости. Сами тунгусы съ трудомъ переносятъ такую атмосферу, а непривычному посѣтителю въ ней невозможно пробыть и полчаса. Это неудобство, въ свою очередь, вѣроятно, повліяло при вытѣсненіи зимней урасы другими, болѣе удобными типами жилищъ.

Установка урасы зимой требуетъ гораздо больше времени, чѣмъ лѣтомъ: нужно выбрать защищенное отъ вѣтровъ мѣсто, расчистить его отъ снѣга и плотнѣе укутать урасу покрышкой.

Стоимость зимней урасы колеблется между 40—50 рублями.

Вторымъ видомъ зимняго жилья служитъ зимній утап, формой похожій на урасу. Вмѣсто жердей устанавливаются плахи изъ расколотыхъ лиственничныхъ и еловыхъ бревенъ. Щели законопачиваются мхомъ; на плахи кладется дернъ или снѣгъ. Очагъ ставится посреднѣ, какъ и въ урасѣ, а входъ бываетъ гдѣ угодно. Иконы вѣшаютъ на востокъ. Утап'ы имѣлись у 6 семействъ; цѣна утан'а — 5—6 рублей.

Ураса и утап являются древнимъ типомъ зимнихъ тунгусскихъ жилищъ.

Новыхъ типовъ жилья — три: якутская юрта (тунг. цӯ или тугӓр цӯ — зимняя юрта), изба безъ кровли (по-якутски: амбӑр дјіӑ) и домъ съ кровлей.

Вотъ описаніе якутской юрты, принадлежащей тунгусу Гаузину. Три основныхъ столба юрты — три лиственницы (съ обрубленными вершинами), 3 вершка въ діаметрѣ; четвертый столбъ вкопанъ, толщина — такая же. Юрта обложена дерномъ, щели между плахами забиты мхомъ, кой-гдѣ — тряпками. Внутри длина юрты въ основаніи — 2 саж., высота — 2 арш. 12 верш. Матица — одна. Каминъ — направо отъ входа; устье камелька обращено къ югу. Вдоль стѣнъ, съ трехъ сторонъ — лавки. Посреднѣ — 2 стола и одна скамейка. Надъ лавками со всѣхъ сторонъ — полочки на кольяхъ, вбитыхъ въ стѣну. Вверху — пять ікапун'овъ, расположенныхъ въ разныя стороны. Шестокъ (по-якутски моцоӡо) — очень низкій. Дверь обита оленьей шкурой. Въ задней стѣнѣ окопъ нѣтъ, налѣво отъ входа — два окна, въ передней стѣнѣ и направо отъ входа — по одному окну.

Бревна для якутской юрты ставятся нѣсколько наклонно. Для уменьшенія теплопроводности, юрты засыпаются снѣгомъ; глиной ихъ не обмазываютъ. Стоимость колеблется между 20—50 рублями.

Якутскія юрты, оказывается, тоже не совсѣмъ подходятъ къ мѣстному климату: онѣ холодны. Поэтому, замѣчается стремленіе перейти къ постройкамъ русскаго типа.

Шесть семействъ имѣли уже избу безъ кровли. Вотъ описаніе избы того же Гаузина. Изба срубомъ — изъ лиственничнаго лѣса; площадь пола — $2^1/_2$ кв. саж.; высота внутри — 4 арш.; 2 матицы; дверь — съ сѣверовосточной стороны (высота ея — $2^1/_2$ арш.); 4 окна на двухъ сторонахъ (высота оконъ — $^3/_4$ арш., ширина — $^1/_2$ арш.); со стороны двери и на противоположной сторонѣ въ стѣнахъ — по 12 бревенъ, 4 — 5 вершк. въ діаметрѣ; въ остальныхъ стѣнахъ — по 13 бревенъ и по одному, короткому, для наката; камелекъ — направо отъ входа. Стоимость избы — 20—40 руб.

Наконецъ, двѣ семьи имѣютъ настоящіе русскіе дома, съ кровлей. Избы и дома большей частью строятъ якуты, хотя и нѣкоторые изъ тунгусовъ уже начинаютъ строить ихъ сами.

Семейства, перешедшія къ новому типу жилищъ, составляютъ половину опрошенныхъ. Если сравнивать не число семействъ, а число построекъ, то преобладаніе новаго типа окажется еще значительнѣе: изъ 63 построекъ было 22 избы съ кровлей и безъ кровли, 16 якутскихъ юртъ, 15 урасъ и 10 утап'овъ, т.-е. жилища стараго типа составляли лишь 40%.

Безъ сомнѣнія, и здѣсь чайная перевозка сыграла свою роль. При перевозкѣ тунгусы сталкивались съ якутами и русскими, отъ которыхъ можно было научиться строить болѣе удобныя жилища. Подъ вліяніемъ перевозки, условія зимней обстановки значительно видоизмѣнились. При прежней постоянной подвижности тунгусовъ невозможно было устраивать ни юртъ, ни избъ, ибо ихъ нельзя перевозить съ одного мѣста на другое. Теперь же огромное большинство трудоспособнаго мужского населенія зимой совершаетъ переѣзды между Аяномъ и Нельканомъ; семьи, состоящія изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, не должны слѣдовать за возчиками, такъ какъ это могло бы только стѣснить послѣднихъ; зимніе промыслы не могли производиться оставшимся составомъ семьи, а, слѣдовательно, и зимнія перекочевки стали безцѣльными и невыгодными. Въ силу этого, семьи должны были оставаться на какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, снабженныя покупными предметами первой необходимости и припасами. Такимъ образомъ, явилась не только возможность, но и прямая необходимость обзаводиться постоянными, болѣе удобными жилищами, сдѣланными изъ матеріала, которымъ ранѣе не пользовались.

Не у всѣхъ тунгусовъ имѣется отдѣльное жилье. Бѣдняки и нетрудоспособные живутъ въ чужихъ жилищахъ на положеніи цулга — якут. цукāк (сожитель, соквартирантъ). Цукāк'ами же становятся и малосостоятельные семейные тунгусы, устраивающіе общими силами одно жилье: они или по-

поламъ кроютъ его, или пополамъ покупаютъ, или вмѣстѣ строятъ. Цукāк'-ство послѣдняго рода породило особый видъ собственности—только на половину жилища. Половинное владѣніе соблюдается строго: въ занятой половинѣ цукāк — полный хозяинъ. Если въ жилье цукāк'овъ придетъ гость, онъ считается гостемъ того, въ чью половину зайдетъ. Обычно гости, посидѣвъ въ одной половинѣ, переходятъ въ другую. Цукāк'и-совладѣльцы сообща присматриваютъ за домомъ и отапливаютъ его; хозяйства у нихъ — отдѣльныя; общее правовое положеніе совершенно одинаково.

Если цукāк не состоитъ владѣльцемъ части жилища, онъ часто исполняетъ на хозяина мелкія работы; плата никогда не берется. Положеніе такого цукāк'а незавидно, особенно если онъ является слабѣйшей стороной. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ и вообще между цукāк'ами бываютъ крупныя недоразумѣнія; такъ, тунгуска Дарья Амосова говорила: «живу одиноко, ибо боюсь, что будутъ ругать, если поселиться цукāк'омъ — и собаки не уживаются; одной жить лучше, спокойнѣе». Цукāк'ство особенно распространено зимой, когда необходимо теплое жилище, а пріобрѣсти его пѣтъ средствъ. Въ послѣднюю передъ экспедиціей зиму изъ 66 семействъ 17 жили цукāк'ами въ общихъ или, большей частью, чужихъ помѣщеніяхъ. Часто тунгусъ, принимающій цукāк'а въ одно время года, въ другое самъ идетъ цукāк'омъ.

Среди тунгусовъ сохранился взглядъ на жилище, особенно на урасу, какъ на общественную собственность. Одинъ изъ нихъ пояснилъ, что если хозяинъ найдетъ остовъ своей урасы занятымъ другимъ, то уступаетъ его пришельцу, а себѣ устраиваетъ новый. Придерживаются ли такого взгляда относительно новыхъ типовъ жилищъ, — осталось невыясненнымъ.

Домашняя обстановка и обиходъ тунгусовъ незатѣйливы, но и въ нихъ замѣтно вліяніе якутской и русской культуры. По описи имущества у 39 семействъ обстановка рисуется въ такомъ видѣ. Мебель имѣлась только у 17 семействъ; состояла она изъ столовъ или, вѣрнѣе, столешницъ. Столы съ ножками считаются уже роскошью. Иногда столы замѣняются крашеными ящиками. Больше культурности замѣтно въ посудѣ. Здѣсь мы видимъ, и въ довольно большомъ количествѣ, принадлежности европейскаго дома: чайныхъ чашекъ 23, изъ нихъ 6 фарфоровыхъ; эмалированныя тарелки у 21 семейства, столовыя ложки у 17 семействъ (8 ложекъ изъ нихъ — серебряныя и 3 — польскаго серебра), сковороды у 8 семействъ, ковши у 4, миска эмалированная у 1 семейства и, тоже у одного, серебряная рюмка. Опись была произведена не совсѣмъ полно, но уже и этотъ перечень показываетъ, что въ своей домашней обстановкѣ тунгусы перешли предѣлы патуральнаго хозяйства.

Для приготовленія чая и обѣда у 20 семействъ имѣлись мѣдные чайные и обѣденные котлы; чайники были у 24 семействъ (7 чайниковъ — фарфоровыхъ).

Изъ старинной посуды сохранилась берестяная, въ которой держатъ перпичій жиръ, молоко, масло, воду. Эта посуда приготовляется женщинами. Для чайной посуды дѣлаются особыя сумки (содо̄к) изъ тюленьей шкуры. Случайно попавшая металлическая посуда также идетъ въ дѣло: на Уѣ, у тунгуса рода Киля, имѣлась жестяная банка изъ-подъ керосина, превращенная въ котелъ.

Постели приготовляются изъ оленьихъ и звѣриныхъ шкуръ; подстилка — изъ шкуры оленя, дикаго барана, а у богатыхъ — медвѣжья; одѣяло, большей частью, заячье. Подушки имѣются не у всѣхъ: «бѣдные люди не нуждаются въ нихъ» (тунгусъ Ник. Прокопьевъ).

Для освѣщенія жилья пользуются больше очагомъ, на которомъ все время поддерживается огонь, пока ждутъ гостей. Дрова зажигаютъ трутомъ или спичками.

Трутъ приготовляютъ такъ: березовую губку размягчаютъ ударами палки, смачиваютъ въ растворѣ пороха и высушиваютъ.

Трутъ уже выходитъ изъ употребленія; его вытѣсняютъ американскія спички, привозимыя въ Аянъ. Въ 1903 году изъ 66 семействъ спички употребляли 35 семействъ. Трата ихъ невелика: пачки двѣ на семейство. Въ обиходѣ пяти семействъ встрѣтились свѣчи, у одного — керосинъ. Не чуждо тунгусамъ и употребленіе мыла: они моются простыми и душистыми мылами. Послѣднія считаются хорошимъ средствомъ противъ ослѣпительнаго солнечнаго блеска весной. Глаза надавливаютъ, выжимая изъ нихъ слизь, и, при умываніи, стараются пустить въ нихъ мыла. Говорятъ, что послѣ этого солнечный блескъ не такъ дѣйствуетъ на глаза. Можетъ-быть, тунгусы смотрятъ на душистое мыло, какъ на лѣкарство противъ глазныхъ болѣзней, но и потребность въ умываніи мыломъ тоже чувствуется; даже старухи теперь нуждаются въ немъ. Мыло покупали 28 семействъ изъ 39, по 4—5 кусковъ въ годъ. Такого количества на годъ, конечно, не хватаетъ, тѣмъ болѣе что часть простого мыла идетъ и на стирку бѣлья. Недостатокъ восполняется золой, которою тунгусы моютъ лицо.

Въ общемъ пріаянскіе тунгусы содержатъ себя довольно опрятно, но вшей у нихъ все-таки много: «изъ тѣла выходятъ, когда потѣешь, и отъ разныхъ причинъ», — предупредительно пояснилъ одинъ изъ нихъ.

При невылазной грязи и частыхъ дождяхъ въ періодъ перекочевокъ, при первобытности промысловъ, непроглядной копоти урасы въ зимнее время, дѣйствительно, трудно сохранить чистоту, несмотря на все желаніе.

V.

Итоги хозяйственной жизни.

Годовой доходъ, полученный путемъ обмѣна, у 62 семействъ равенъ 19.103 р. 38 к., а годовой расходъ у 57 семействъ — 18.287 р. 30 к. При равномъ числѣ семействъ, приходъ можно считать равнымъ расходу. Если же прибавить продукты промысловъ, потребляемые самими тунгусами и не поддающіеся учету, то приходъ окажется превышающимъ общій расходъ.

Но это можно сказать лишь объ общемъ итогѣ всѣхъ хозяйствъ. Для отдѣльныхъ же группъ, различныхъ по состоятельности, годовой балансъ сводится далеко не благополучно, что̀ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы[1]).

Приходъ хозяйства (въ рубляхъ).	Количество хозяйствъ въ группѣ.	Приходъ группы.	Расходъ группы.	Годовой итогъ группы.	Процентъ итога къ приходу группы.
		Въ рубляхъ.			
1— 100	13	727,70	1.074,38	—346,68	—47
101— 200	15	2.371,13	2.428,67	— 57,54	— 2
201— 300	11	2.796,75	2.521,37	+275,38	+10
301— 400	3	1.031,40	851,86	+179,54	+18
401— 500	2	925,00	557,87	+367,13	+40
501— 600	3	1.628,65	844,86	+783,79	+48
601— 700	1	697,00	603,00	+ 94,00	+13
701— 800	1	725,00	706,70	+ 18,30	+ 3
801— 900	2	1.725,00	1.366,97	+358,03	+21
901—1000	—	—	—	—	—
1001—3000	2	5.175,00	6,103, 9	—928,90	—18
Итого . . .	53	17.802,63	17,059,58	+743,05	—

Первыя двѣ и послѣдняя группы не покрываютъ расходовъ. Вмѣстѣ онѣ составляютъ 30 хозяйствъ — 56,6% всѣхъ помѣщенныхъ въ таблицѣ. Третья сверху и третья снизу группы имѣютъ незначительное превышеніе дохода надъ расходомъ. При незначительномъ колебаніи въ хозяйствѣ — напр., падежѣ оленей, случающемся довольно часто — онѣ легко могутъ оказаться съ дефицитомъ.

Откуда же берутъ средства для покрытія дефицита? Большей частью, у торговцевъ. Впрочемъ, и большинство сводящихъ концы съ концами тун-

1) Въ эту таблицу вошли только хозяйства, показавшія приходъ и расходъ.

гусовъ, при желаніи расширить свое хозяйство, обращаются къ займамъ. Наконецъ, займы неизбѣжны въ жизни всѣхъ тунгусовъ, такъ какъ вырученная за годъ сумма идетъ на покрытіе долговъ за припасы и товары, взятые раньше; источникомъ же существованія до слѣдующей выручки остаются опять долги. Какъ показалъ опросъ тунгусовъ, не имѣли долговъ лишь 6 хозяйствъ. Это—не только самые отчаянные бѣдняки, но и хозяева, не имѣющіе никакого будущаго, большею частью находящіеся на призрѣніи. Достаточно указать, что годовой приходъ всѣхъ этихъ 6 семействъ равенъ 113 р. 25 к.

Общая сумма долговъ 55 хозяйствъ, давшихъ по этому вопросу свѣдѣнія, равна 25.100 р. 70 к. Цифра долга будетъ очень краснорѣчива, если принять во вниманіе, что годовой доходъ не 55, а 62 хозяйствъ равенъ лишь 19.103 р. 38 к.

Если сопоставить годовой приходъ и годовой итогъ съ задолженностью каждой группы, то получится такая картина[1]):

Приходъ хозяйства.	Приходъ группы.	Годовой итогъ группы (въ проц.).	Долгъ группы (рубли).	% долга къ приходу группы.	Количество хозяйствъ въ группѣ.
Въ рублях.					
1— 100	727,70	—47	792,35	109	13
101— 200	2.371,13	— 2	4.790,70	202	15
201— 300	2.796,75	+10	4.330,00	155	11
301— 400	1.031,40	+18	1.275,00	124	3
401— 500	925,00	+40	560,00	61	2
501— 600	1.628,65	+48	1.310,00	81	3
601— 700	697,00	+13	657,00	94	1
701— 800	725,00	+ 3	710,00	98	1
801— 900	1.725,00	+21	2.845,00	165	2
901—1000	—	—	—	—	—
1001—3000	5.175,00	—18	5.300,00	102	2
Итого . . .	17.802,63	—	22.570,50	—	53

Итакъ, 46 семействъ, 86,8% всѣхъ давшихъ свѣдѣнія, имѣютъ долги въ размѣрѣ, превышающемъ годовой заработокъ; изъ нихъ 56,6%, съ превышеніемъ расходовъ, должны увеличивать свой долгъ. Въ лучшемъ положеніи оказываются среднія группы съ доходомъ 400—600 р.: у нихъ годовой итогъ сводится съ большимъ превышеніемъ доходовъ, и долгъ,

1) Въ таблицу вошли только хозяйства, давшія свѣдѣнія о приходѣ, расходѣ и долгахъ.

сравнительно съ другими группами, незначителенъ; но такихъ лишь 5 хозяйствъ. Вверхъ и внизъ отъ нихъ идутъ ряды уменьшающейся доходности и увеличивающихся долговъ. Для верхнихъ группъ это явленіе объясняется отчасти отсутствіемъ средствъ для успѣшнаго веденія промысловъ, отчасти желаніемъ расширить хозяйство; для нижнихъ группъ — отчасти послѣдней причиной, отчасти бѣдствіями оленнаго хозяйства, производящими болѣе чувствительныя опустошенія въ крупныхъ стадахъ.

Сами тунгусы о причинахъ задолженности дали 77 отвѣтовъ (54 хозяйства):

1) покупка припасовъ и товаровъ	45 отв.	(58,44%)
2) покупка оленей	18 »	(23,37%)
3) уплата податей	5 »	(6,49%)
4) долги отцовъ	3 »	(3,90%)
5) недостача мѣстъ чая	3 »	(3,90%)
6) дороговизна припасовъ	2 »	(2,60%)
7) карты и водка	1 »	(1,30%)

На вопросъ о способахъ уплаты 48 хозяйствъ дали 52 отвѣта:

1) возка чая	36 отв.	(69,23%)
2) пушнина	6 »	(11,54%)
3) олени	5 »	(9,61%)
4) продукты морского промысла	3 »	(5,77%)
5) наемный трудъ	2 »	(3,85%)

На 55 хозяйствъ долговыхъ обязательствъ приходится 112. Значитъ, въ среднемъ, каждое хозяйство имѣетъ двухъ кредиторовъ.

Расписокъ при отдачѣ въ долгъ припасовъ и проч. не берутъ. Тунгусы свято чтутъ обязанность платить долги и безъ всякихъ документовъ. Долги, не уплаченные лицомъ, сдѣлавшимъ ихъ, переходятъ на его сыновей или на наслѣдниковъ. Изъ года въ годъ, поколѣніе за поколѣніемъ, тянутся должники къ торговцамъ, чтобы, уплативши долгъ или часть его, сдѣлать новый и работать для уплаты его. Невольно приходятъ на память слова Миддендорфа[1]): «Является отдача въ закладъ лица, иго кабалы. Умираетъ должникъ, но кабала безсмертна. Сынъ, наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги своего отца». А вотъ и безстрастное, но очень вразумительное опредѣленіе экономическаго положенія тунгусовъ съ точки зрѣнія закона: «всѣ денежныя одолженія, заключающія въ себѣ условія заработать взятыя деньги, составляютъ дѣйствительный наемъ въ работу»[2]).

1) Путешествіе на сѣверо-востокъ Азіи, стр. 741—742.

2) Приложеніе I къ 38 статьѣ Положенія объ инородцахъ, п. 1 (изд. 1892 г.).

Итакъ, пріаянскіе тунгусы — люди закабаленные. Полная экономическая зависимость заставляла тунгусовъ всецѣло подчиняться условіямъ, которыя ставили имъ торговцы. Въ исторіи возки чая уже было указано, что тунгусы возили за прежнюю плату увеличивавшійся въ вѣсѣ грузъ. Это коснулось только возчиковъ. Нужда въ припасахъ и товарахъ приводила къ закабаленію и остальныхъ тунгусовъ. Почти не конкурируя между собой, зная, что тунгусамъ больше не къ кому обратиться, торговцы держали цѣны на товаръ высоко: по сравненію съ якутскими, цѣны въ 1903 г. были выше приблизительно на 50%. Отдѣльные торговцы повышали цѣны совершенно произвольно. Снабдивъ тунгуса припасами и товарами, они становились хозяевами его.

Само собой понятно, что такое положеніе продолжится до тѣхъ поръ, пока тунгусы, въ трудныхъ случаяхъ жизни, будутъ имѣть возможность кредитоваться и дѣлать закупки только у торговцевъ. До настоящаго времени казна проявляла слишкомъ мало заботливости о благосостояніи тунгусовъ. Въ нельканскомъ и аянскомъ магазинахъ продавались ржаная мука, соль, охотничій «припасъ». О послѣднемъ уже говорилось въ главѣ объ охотѣ и звѣроловствѣ. То же можно сказать о хлѣбѣ и соли. Мало того, что ихъ запасаютъ въ недостаточномъ количествѣ, — тунгусы жалуются на повышеніе казенныхъ цѣнъ. Въ долгъ товаровъ изъ казенныхъ магазиновъ не отпускаютъ. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ помощь казны и вліяніе на цѣны ничтожными. Между тѣмъ, по Положенію объ инородцахъ (изд. 1892 г.) дѣло должно бы обстоять иначе. Тамъ сказано:

«Всѣ казенныя продажи... имѣютъ двоякую цѣль: 1) доставленіе необходимаго пособія по продовольствію, и промысламъ кочующихъ, 2) умѣреніе вольныхъ цѣнъ на необходимыя потребности» (ст. 206).

По точному смыслу ст. 39 и 40, бродячіе инородцы пользуются тѣми же правами, что и кочующіе, т.-е., слѣд., и правомъ получать помощь отъ казенной продажи.

«При продажѣ, въ крайнихъ случаяхъ угрожающаго голода не только прибыли не налагать, но позволяется уменьшать продажную цѣну противъ истинной» (ст. 211).

«Въ сихъ только случаяхъ позволяется продажа... въ долгъ, но не иначе, какъ по требованіямъ и на отвѣтственности старостъ» (ст. 212).

«Въ обыкновенныхъ случаяхъ производить ссуду по требованіямъ и на отвѣтственность почетныхъ людей, въ случаяхъ же настоятельныхъ каждому требующему пособія, безъ проволочки и стѣсненій» (ст. 213).

«Въ годы скуднаго улова звѣрей и рыбы, по надлежащемъ удостовѣреніи о томъ, губернаторъ имѣетъ назначить необходимое число потребныхъ припасовъ въ раздачу бѣднѣйшимъ безденежно» (ст. 216).

Предусматривая неаккуратное поступленіе долговъ, законъ ставитъ ихъ на ряду съ казенными недоимками:

«Взысканія за раздаваемый по нуждѣ въ долгъ хлѣбъ чинятся на томъ же основаніи, какъ казенные долги» (ст. 198).

Тунгусъ Степанъ Дьячковскій, прося похлопотать о выдачѣ въ долгъ муки изъ казенныхъ магазиновъ, чтобы не приходилось весной ѣсть оленей, прибавляетъ, что желательно было бы полученіе въ долгъ и чая: «человѣкъ, не имѣющій муки, можетъ ли добыть чаю?» — мотивируетъ онъ свою просьбу. А чай составляетъ необходимую приправу къ хлѣбу у всѣхъ тунгусовъ, — можно добавить къ сказанному Дьячковскимъ. При разсмотрѣніи расходовъ тунгусовъ было указано, что натуральное хозяйство ихъ пало, что большая часть потребляемыхъ ими продуктовъ покупается у торговцевъ. Можно этому сочувствовать или не сочувствовать, но считаться съ этимъ фактомъ необходимо. Несмотря ни на какія проповѣди воздержанія, тунгусы, при малѣйшей возможности, будутъ брать въ долгъ товары, вошедшіе въ ихъ обиходъ, хотя бы въ результатѣ получилась кабала, и для устраненія кабалы слѣдовало бы всѣ товары и припасы, покупаемые теперь у торговцевъ, отнести къ предметамъ первой необходимости, включивъ ихъ въ число продаваемыхъ отъ казны, съ сохраненіемъ льготъ по уплатѣ. Эта мѣра имѣла бы очень большое значеніе: она умѣрила бы «вольныя» цѣны, къ чему стремился и законодатель; подорвала бы иго кабалы, въ основѣ которой лежитъ нужда въ припасахъ и товарахъ; поставила бы тунгусовъ въ болѣе независимое положеніе, какъ возчиковъ чая; устранила бы неустойчивость экономическаго положенія ихъ, зависящаго отъ частныхъ лицъ. На послѣднее тоже слѣдуетъ обратить вниманіе. Дѣло въ томъ, что, при такой солидной задолженности, какъ у пріаянскихъ тунгусовъ, имущество, которымъ они располагаютъ, собственно принадлежитъ торговцамъ. Судьба чайной транспортировки черезъ Аянъ довольно неопредѣленна. Нѣтъ основаній думать, что въ ближайшемъ будущемъ транспортировка направится по другому пути; въ дальнѣйшемъ же она будетъ зависѣть отъ усовершенствованія путей сообщенія въ другихъ областяхъ, а направленіе этого усовершенствованія невозможно предвидѣть. Тунгусы прекрасно чувствуютъ неустойчивость чайной перевозки и поговариваютъ насчетъ того, что «если торговцы уйдутъ, то возьмутъ за долги оленей». Это чувство зависимости, хотя бы и неосновательное, еще больше закабаляетъ тунгусовъ, подчиняетъ ихъ торговцамъ. Оленное богатство описанныхъ хозяйствъ, по оцѣнкѣ 30 р. за взрослаго оленя, равно 36.890 р.; при ихъ долгѣ, они, слѣдовательно, рискуютъ потерять $^2/_3$ оленей, а это грозитъ повальнымъ голодомъ. При казенной продажѣ всѣхъ необходимыхъ товаровъ и припасовъ не можетъ быть опасенія за завтрашній

день, такъ какъ на смѣну случайно появляющимся частнымъ лицамъ выступитъ постоянное учрежденіе.

Мысль о казенной продажѣ предметовъ тунгусскаго потребленія не нова. Д-ръ Н. В. Слюнинъ[1]) разсказываетъ, что въ Охотскомъ и Гижигинскомъ округахъ были попытки такой продажи. «Зная изъ всей исторіи края всѣ невыгоды безконкурентной торговли, нѣкоторые окружные начальники обратились къ Приморскому военному губернатору съ просьбой объ отпускѣ въ ихъ распоряженіе извѣстной суммы изъ такъ называемаго инородческаго капитала, съ уплатой процентовъ, на пріобрѣтеніе частнымъ путемъ необходимыхъ для инородца товаровъ. Закупка эта производилась во Владивостокѣ чрезъ Областное управленіе, и къ покупнымъ цѣнамъ прибавлялись: 1) стоимость фрахта и 2) 10%, которые поступали въ фондъ инородческаго капитала. Выписываемые товары, т.-е. чай, табакъ, полосовое желѣзо и другіе главные предметы инородческаго потребленія, продавались инородцамъ за пушнину по казенной расцѣнкѣ на каждое трехлѣтіе или даже отдавались въ долгъ, что, при образцовой добросовѣстности инородца, никогда не создавало никакихъ осложненій». По вычисленію Охотскаго окружного начальника, въ 1888 г. эта операція должна бы дать охотскимъ инородцамъ въ годъ 13.961 р. экономіи или больше 20 р. сбереженія на каждую инородческую душу, не считая увеличенія инородческаго капитала. «Къ сожалѣнію, — говоритъ далѣе д-ръ Слюнинъ, — первая раціональная помощь бѣдному инородцу потерпѣла въ Охотскомъ округѣ неудачу, потому что товары, доставленные русскими фирмами во Владивостокѣ, оказались плохого качества; нѣкоторые же матеріалы обошлись дороже, чѣмъ у мѣстныхъ торговцевъ; таковы ржаная мука и соль, заготовка которыхъ во Владивостокѣ обходится гораздо дороже, чѣмъ съ доставкой изъ Одессы. Кромѣ того, на исходъ предпріятія имѣли вліяніе ограниченность средствъ, не отвѣчавшихъ спросу жителей, и отсутствіе организаціи въ продажѣ пушного товара и разныхъ шкуръ, посылавшихся во Владивостокъ на аукціонъ» (стр. 666).

Предпріятіе кончилось неудачей, но всѣ причины ея — чисто случайнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего, что указывало бы на невозможность удачнаго веденія дѣла. Въ пріаянскомъ районѣ организацію продажи, конечно, пришлось бы измѣнить въ зависимости отъ занимаемаго имъ мѣста и условій тунгусской жизни. Несомнѣнно, что не въ одной лишь продажѣ должна выразиться помощь тунгусамъ, а и въ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ мѣрахъ, направленныхъ къ улучшенію ихъ промысловъ. Когда Миддендорфъ, прощаясь съ тунгусами нижняго теченія Амура, «указалъ на то,

1) Охотско-Камчатскій край, I, стр. 665.

что эта страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для тунгуса и что только по собственной винѣ они могутъ задолжать, терпѣть нужду или даже умирать съ голоду вмѣсто того, чтобы быть пребогатыми, то всѣ громогласно согласились, что онъ совершенно правъ»[1]). Пріаянскіе тунгусы о себѣ этого не сказали бы: низкій уровень промысловъ и безпомощность въ дѣлахъ съ торговцами дѣлаютъ необходимой значительную помощь имъ со стороны, и если имъ придется терпѣть нужду, то виноваты будутъ не они.

VI.

Кочевки тунгусовъ.

При сборахъ на перекочевку тунгусы садятся на первыхъ попавшихся оленей, если стадо даже и общее, и съ помощью ихъ загоняютъ остальныхъ, своихъ и чужихъ, оленей. Скарбъ складывается въ унмы — берестяные кошели, обтянутые оленьими камысами, или въ маленькія переметныя сумы — сӧрӱк. Осенью на оленя нагружаютъ 2 пуда, а весной — отъ 30 ф. до 1 пуда. Сѣдокъ можетъ вѣсить и 5—7 пудовъ, такъ какъ при ѣздѣ онъ балансируетъ и этимъ уравниваетъ свой вѣсъ съ болѣе легкой, по раскачивающейся при ходѣ оленя кладью. Для перевозки ровдужной урасы требуется одинъ сытый олень; весной обыкновенно такую урасу нагружаютъ на пару оленей. Грудныя дѣти кладутся въ люльки, составляющія половину вьюка, съ другой же стороны грузится какая-либо кладь соотвѣтственной тяжести. Не-грудныя дѣти до 7 лѣтъ сажаются на сѣдло поверхъ вьюка, вѣсъ котораго не долженъ быть выше 1 пуда, и защищаются съ двухъ сторонъ дощечками, привязанными къ сѣдлу. Ребенокъ ѣдетъ, держась за переднюю луку. Съ 7 лѣтъ дѣти уже ѣздятъ верхомъ безъ клади. Саней при перекочевкахъ совсѣмъ не употребляютъ.

Мѣсто, гдѣ ночевалъ тунгусъ лѣтомъ съ оленями, легко узнать по стоптанной вокругъ сӧрук'а[2]) травѣ; чѣмъ богаче тунгусъ, тѣмъ больше утоптанная оленями площадь.

Кочевки тунгусовъ находятся въ зависимости отъ ихъ промысловъ. Въ главѣ о чайной возкѣ было сказано, что она сокращаетъ время и размахъ кочевки, прикрѣпляя возчиковъ къ пелькано-аянскому тракту. Всѣ остальные промыслы, напротивъ, заставляютъ тунгусовъ разбредаться въ разныя стороны въ поискахъ пищи себѣ и оленямъ. Въ результатѣ полу-

---

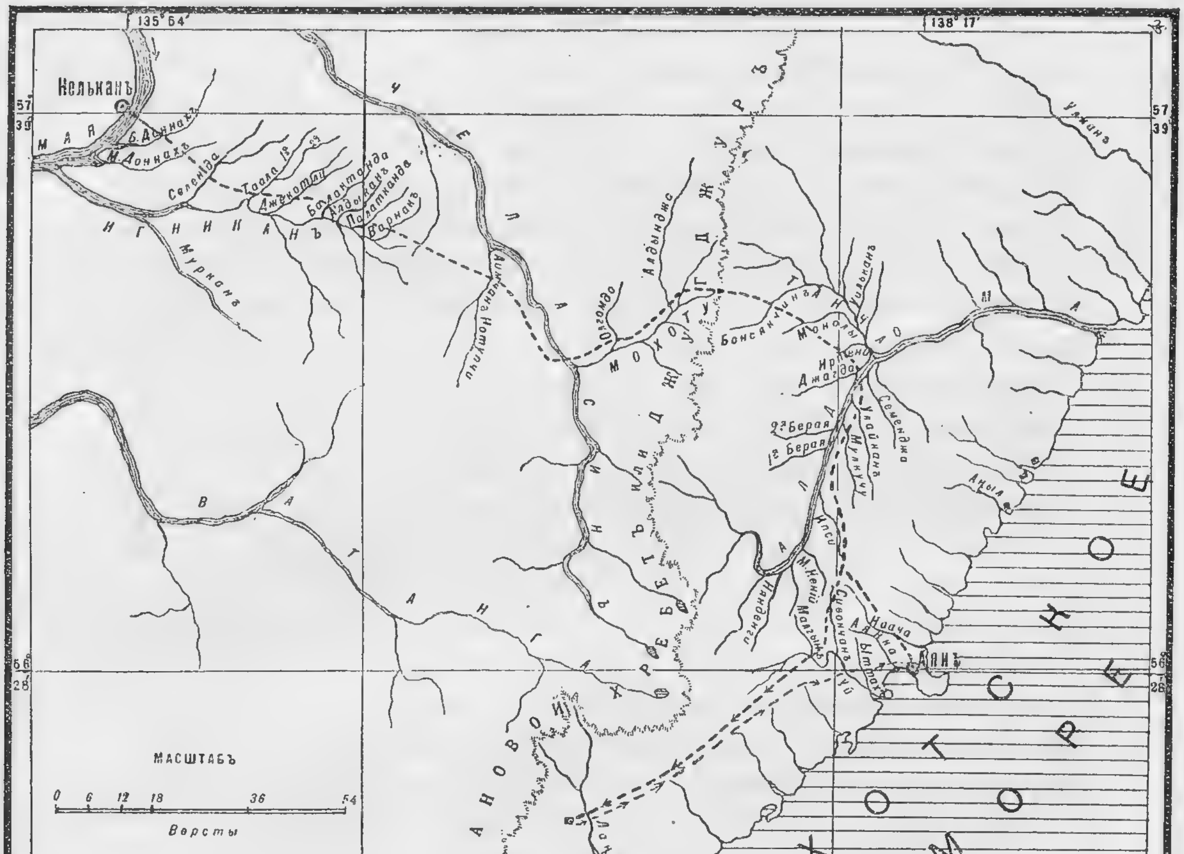
1) Миддендорфъ, op. cit, стр. 708.

2) Нѣсколько конически поставленныхъ и перевязанныхъ наверху тальниковъ жердей, которыя служатъ для защиты дымокура отъ оленей.

чается то, что мѣстомъ жительства тунгусовъ является не какой-либо опредѣленный пунктъ или рядъ опредѣленныхъ пунктовъ, а цѣлый районъ, имѣющій въ центрѣ нелькано-аянскій путь. Тунгусы, указывая время своего появленія въ настоящемъ мѣстѣ жительства, обыкновенно такъ и говорятъ: «появился здѣсь, между Аяномъ и Нельканомъ, тогда-то». Это относится какъ къ бродячимъ, такъ и къ считающимся «кочевыми» тунгусамъ даннаго района. Всѣ они ведутъ одинаковый образъ жизни, мѣстомъ жительства всѣхъ ихъ является цѣлый районъ, а потому офиціальное дѣленіе ихъ на «бродячихъ» и «кочевыхъ» совершенно неправильно: всѣ они — «бродячіе».

Въ ниже помѣщенныхъ таблицахъ указаны сезонныя и годовое разселенія тунгусовъ, съ обозначеніемъ родовъ, къ которымъ они относятся.

Карта пути, пройденнаго членомъ Нелькано-Аянской Экспедиціи инженера В. Е. Попова Э. К. Пекарскимъ между Нельканомъ и Аяномъ въ 1903 году. Пунктиромъ обозначенъ пройденный путь.



ЗИМА.

МѢСТНОСТЬ.	Общее количество посѣщеній.	РОДЫ. Макаг. кочевой.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюгдинскій.	Эжигенскій.	Киля.	Быталь-скій.	Якуты.
1) Между Аяномъ и Нельканомъ (главы и члены семействъ, возящихъ чай) . .	46	25	13	3	2	1	1	—	1
2) р. Челасинъ.	7	4	2	—	—	—	—	—	1
ея притокъ Дайканъ	4	3	1	—	—	—	—	—	—
р. Олгомдо (притокъ Мохоту)	2	1	1	—	—	—	—	—	—
урочища по р. Мохоту (притокъ Челасина).	5	3	1	1	—	—	—	—	—
Іканц̣а	1	—	1	—	—	—	—	—	—
	19	11	6	1	—	—	—	—	1
3) р. Алдома (противъ устья притока Ц̣агда)	5	3	1	1	—	—	—	—	—
Притоки: Улайканъ	3	2	—	1	—	—	—	—	—
Сімäнц̣а.	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Ц̣агда (устье)	3	2	—	—	1	—	—	—	—
	12	8	1	2	1	—	—	—	—
4) р. Лаӊтар.	4	1	2	1	—	—	—	—	—
ея притоки: Улайканъ	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Тэймэй	3	2	1	—	—	—	—	—	—
Мавай	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Іӊал	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Ц̣ыгдаӊырыкан. . . .	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Ӧјоктóħін.	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Ӓтäргаӊры	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	14	10	3	1	—	—	—	—	—
5) р. Уй (близъ Аяна)	7	3	2	1	—	—	1	—	—
2-й Сивокчанъ (притокъ Уя)	2	1	—	1	—	—	—	—	—
	9	4	2	2	—	—	1	—	—
Нотупчи (прит. Аимчана, впад. въ Челасинъ).	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Муркапъ (прит. Іӊнікан'а).	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Немый . . . . . } маленькія приморскія	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Мута. . . . . } рѣчки.	1	—	1	—	—	—	—	—	—
берегъ моря близъ Лаӊтар'а.	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Ватомъ.	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Всего (кромѣ возчиковъ)	61	37	15	6	1	—	1	—	1

61 посѣщеніе распредѣляется между 49 семействами такимъ образомъ: 44 семейства жили въ одной мѣстности, 3 семейства—въ двухъ мѣстностяхъ, 1 семейство—въ 5 мѣстностяхъ и 1 — въ 6 мѣстностяхъ.

ВЕСНА.

МѢСТНОСТЬ.	Общее количество посѣщеній.	РОДЫ.							
		Макагырскій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюгдинскій.	Эжигенскій.	Кизя.	Быталькій.	Якуты.
1) Устье р. Алдомы	4	4	—	—	—	—	—	—	—
ся притоки: Мулкучу	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Улайканъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
	6	4	1	1	—	—	—	—	—
2) Устье р. Лаҷтар	14	6	5	3	—	—	—	—	—
ся притоки: Улайканъ	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Тэймэй	1	—	1	—	—	—	—	—	—
	16	7	6	3	—	—	—	—	—
3) Устье р. Уй (близъ Аяна)	5	1	2	1	—	—	1	—	—
4) р. Ватомъ	3	2	1	—	—	—	—	—	—
ся притокъ Тукумъ	1	—	1	—	—	—	—	—	—
	4	2	2	—	—	—	—	—	—
5) приморскія рѣчки: Берякачанъ	2	1	—	1	—	—	—	—	—
Ӓнӓкуӏ	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Деунраканъ	6	3	2	—	—	—	1	—	—
Аҷыл	2	1	—	1	—	—	—	—	—
	11	5	3	2	—	—	1	—	—
6) берегъ моря: близъ Лаҷтар'а	1	—	1	—	—	—	—	—	—
» Алдомы	4	2	1	—	—	—	—	—	1
» Аяна	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	6	3	2	—	—	—	—	—	1
Всего	48	32	16	7	—	—	2	—	1

48 посѣщеній распредѣляются между 42 семействами такимъ образомъ: 38 семействъ промышляли въ одной мѣстности, 3 — въ двухъ и 1 сем. — въ 4 мѣстностяхъ.

ЛѢТО.

МѢСТНОСТЬ.	Общее количество посѣщеній.	РОДЫ. Макагырскій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюдинскій.	Эжигенскій.	Киля.	Бытальскій.	Якуты.
1) р. Алдома	19	14	4	—	—	—	1	—	—
ея притоки: Бонсякчанъ	5	4	1	—	—	—	—	—	—
Мулкучу	6	4	2	—	—	—	—	—	—
Цагда	5	3	1	—	1	—	—	—	—
Патеңа	3	1	1	—	—	—	—	—	1
Улайканъ	7	4	—	3	—	—	—	—	—
Обдоку (прит. Улайкана.	1	1	—	—	—	—	—	—	—
притоки Алдомы: Танчы	3	2	—	1	—	—	—	—	—
Кäнцä.	2	1	1	—	—	—	—	—	—
лѣвая Берая	1	—	1	—	—	—	—	—	—
правая Берая	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Нендеңі	1	1	—	—	—	—	—	—	—
На Алдомѣ съ притоками	55	37	11	4	1	—	1	—	1
2) р. Ланҭар	28	13	11	3	—	—	—	1	—
ея притоки: Накуңа.	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Ојокто́ніи	3	3	—	—	—	—	—	—	—
Улайканъ	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Тэймэй	3	3	—	—	—	—	—	—	—
Іңал	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Мавай	1	1	—	—	—	—	—	—	—
На Ланҭар'ѣ съ притоками	39	24	11	3	—	—	—	1	—
3) р. Уй (близъ Ляна)	11	5	3	2	—	—	1	—	—
ея притоки	1	1	—	—	—	—	—	—	—
На Уѣ съ притоками	12	6	3	2	—	—	1	—	—
4) р. Ватомъ	2	1	1	—	—	—	—	—	—
5) » Улханъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
6) » Ейканъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
7) » Туркчы	1	—	—	1	—	—	—	—	—
8) » Ехсал	1	1	—	—	—	—	—	—	—
9) » Іāча	4	2	2	—	—	—	—	—	—
10) » Деунраканъ	2	—	2	—	—	—	—	—	—
11) » Олгомдо (прит. Мохоту)	2	1	—	—	—	1	—	—	—
12) » берегъ моря: близъ Ланҭар'а	1	1	—	—	—	—	—	—	—
» Алдомы	2	1	—	1	—	—	—	—	—
	3	2	—	1	—	—	—	—	—
Всего	123	74	30	13	1	1	2	1	1

123 посѣщенія распредѣляются между 64 семействами такимъ образомъ: 39 сем. промышляли въ одной мѣстности, 6 семействъ — въ 2-хъ мѣстн., 15 сем. — въ 3-хъ, 3 сем. — въ 4-хъ и 3 сем. — въ 5-ти мѣстностяхъ.

ОСЕНЬ.

МѢСТНОСТЬ.	Общее количество посѣщеній.	РОДЫ. Макагырскій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюгдинскій.	Эжипенскій.	Киля.	Бытальскій.	Якуты.
1) р. Алдома	7	4	2	1	—	—	—	—	—
ея притоки: правая Берая	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Мулкучу	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Улайканъ	6	3	1	2	—	—	—	—	—
Боисякчанъ (прит. Танчы)	3	2	1	—	—	—	—	—	—
Алдома съ притоками	18	9	6	3	—	—	—	—	—
2) р. Лаҥтар	8	4	3	1	—	—	—	—	—
ея притоки: Тэймэй	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Улайканъ	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Лаҥтар съ притоками	11	7	3	1	—	—	—	—	—
3) устье р. Уй (близъ Аяна)	5	1	2	1	—	—	1	—	—
4) р. Ватомъ	5	2	3	—	—	—	—	—	—
ея притоки: Нянапчы	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Тӱкӱм	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Аюли	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Ватара (Матара)	2	—	2	—	—	—	—	—	—
Ватомъ съ притоками	10	3	7	—	—	—	—	—	—
5) р. Челасинъ	3	1	2	—	—	—	—	—	—
притокъ Аимчана — Нотунчи	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Челасинскій тополевый лѣсъ	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Челасинъ и окрестности	5	2	3	—	—	—	—	—	—
6) р. Берякачанъ	2	1	—	1	—	—	—	—	—
7) » Ӓнӓкуl	1	—	1	—	—	—	—	—	—
8) » Ӣа̄ча	1	—	—	1	—	—	—	—	—
9) » Нильканка	1	1	—	—	—	—	—	—	—
10) устье р. Наргаҥда	1	1	—	—	—	—	—	—	—
11) р. Кылкына	1	1	—	—	—	—	—	—	—
12) берегъ моря: близъ Алдомы	4	3	—	—	—	—	—	—	1
» Лаҥтар'а	1	—	1	—	—	—	—	—	—
» Аяна	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	6	4	1	—	—	—	—	—	1
13) Джугджуръ	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Всего	63	30	24	7	—	—	1	—	1

63 посѣщенія распредѣляются между 42 семействами такъ: 31 сем. промышляло въ одной мѣстности, 2 сем. — въ двухъ, 4 сем. — въ трехъ и 4 сем. — въ 4-хъ мѣстностяхъ.

ГОДОВОЕ РАЗСЕЛЕНІЕ.

МѢСТНОСТЬ.	Общее количество посѣщеній.	Роды. Макагырскій.	1 Эжанскій.	2 Эжанскій.	Кюрбюгдинскій.	Эжигенскій.	Килля.	Быталькій.	Якуты.
1) р. Алдома	35	25	7	2	—	—	1	—	—
притоки	56	33	12	8	2	—	—	—	1
	91	58	19	10	2	—	1	—	1
2) р. Лаҥтар.	54	24	21	8	—	—	—	1	—
притоки	26	24	2	—	—	—	—	—	—
	80	48	23	8	—	—	—	1	—
3) р. Уй	28	10	9	5	—	—	4	—	—
притоки	3	2	—	1	—	—	—	—	—
	31	12	9	6	—	—	4	—	—
4) р. Челасинъ и окрестности.	10	5	4	—	—	—	—	—	1
притоки	17	9	5	1	—	1	—	—	1
	27	14	9	1	—	1	—	—	2
5) р. Ватомъ	11	6	5	—	—	—	—	—	—
притоки	6	1	5	—	—	—	—	—	—
	17	7	10	—	—	—	—	—	—
6) р. Мурканъ (прит. Іҥнікан'а)	2	2	—	—	—	—	—	—	—
7) » Ӓнӓкуl	2	—	2	—	—	—	—	—	—
8) » Деунраканъ	8	3	4	—	—	—	1	—	—
9) » Аҥыл	2	1	—	1	—	—	—	—	—
10) » Берякачанъ	4	2	—	2	—	—	—	—	—
11) » Улханъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
12) » Ейканъ	1	—	—	1	—	—	—	—	—
13) » Туркчы	1	—	—	1	—	—	—	—	—
14) » Ехсая	1	1	—	—	—	—	—	—	—
15) » Йӓча	5	2	2	1	—	—	—	—	—
16) » Нильканка	1	1	—	—	—	—	—	—	—
17) » Наргаҥда	1	1	—	—	—	—	—	—	—
18) » Кылкына	1	1	—	—	—	—	—	—	—
19) » Немый	1	—	1	—	—	—	—	—	—
20) » Мута	1	—	1	—	—	—	—	—	—
21) Берегъ моря: близъ Алдомы	10	6	1	1	—	—	—	—	2
» Лаҥтар'а	4	2	2	—	—	—	—	—	—
» Аяна	2	2	—	—	—	—	—	—	—
	16	10	3	1	—	—	—	—	2
22) Джугджуръ	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Всего	295	163	84	33	2	1	6	1	5

Въ годовые итоги передвиженія переѣзды между Аяномъ и Нельканомъ не вошли. 295 посѣщеній приходится на 65 семействъ, въ среднемъ — по 4,5 посѣщенія. По таблицамъ можно прослѣдить только сравнительную посѣщаемость и количество перемѣняемыхъ *мѣстностей*, но не кочевую подвижность тунгусовъ, такъ какъ они, указывая мѣстомъ кочевки, напр., какую-нибудь рѣку, подразумѣваютъ не опредѣленный пунктъ ея, а иногда оба берега отъ устья до верховьевъ.

Какъ видно изъ таблицъ, Макагырскій «кочевой» родъ по размѣрамъ и характеру передвиженій ничѣмъ не разнится отъ бродячаго 1-го Эжанскаго рода. При разсмотрѣніи промысловъ мы также видѣли полное сходство въ жизни обоихъ родовъ. Въ запись экспедиціи вошли 119 макагырцевъ изъ 173 [1]), составляющихъ весь родъ, т.-е. 69%. Ясно, что для причисленія этого рода къ «кочевымъ» не было никакихъ основаній.

Отвѣчая на вопросы о мѣстѣ кочевки, опрошенные тунгусы упоминали о другихъ тунгусскихъ родахъ, живущихъ поблизости: большинство бытальцевъ и часть бётюнцевъ (отпрыскъ первыхъ) бродятъ по Учуру, а эжигенцы, Коныга (часть макагырцевъ) и вторая часть бётюнцевъ — въ Удскомъ краѣ; по Маймакану бродятъ кюрбюгдинцы.

Въ концѣ приложены двѣ карты [2]) лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ тунгусовъ Майскаго вѣдомства, составленныя о. В. Мальцевымъ, который все время своего служенія въ данномъ приходѣ, не въ примѣръ прочимъ священникамъ, провелъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ по тунгусскимъ стойбищамъ и былъ прекрасно знакомъ со всѣми подробностями быта тунгусовъ, ихъ промысловъ и кочевокъ.

VII.

Составъ населенія.

Нелькано-Аянской экспедиціей было описано 245 тунгусовъ: 119 — Макагырскаго кочевого рода, 80 — 1-го Эжанскаго бродячаго, 23 — 2-го Эжанскаго кочевого, 8 — Кюрбюгдинскаго бродячаго, 6 — Эжигенскаго [3]), 3 — Киля [4]), 2 — Бытальскаго и 5 якутовъ, кровно и по образу жизни совершенно слившихся съ тунгусами. Такъ какъ количество переписанныхъ тунгусовъ очень незначительно, то въ нижеслѣдующей таблицѣ они не раздѣлены по родамъ. Возрастный составъ ихъ по пятилѣтіямъ таковъ:

---

1) Цифра взята изъ нелькапской вѣроисповѣдной росписи за 1902 годъ.

2) Сообщены В. М. Іоновымъ.

3) Этотъ родъ офиціально не зарегистрированъ, такъ какъ его смѣшиваютъ, по созвучію, съ Эжанскимъ родомъ.

4) Названіе, также офиціально не зарегистрированное.

Возрастъ.	Мужск. п.	Женск. п.	Возрастъ.	Мужск. п.	Женск. п.
менѣе 1 года	3	4	50— 55 . . .	5	3
1— 5 . . .	16	21	55— 60 . . .	6	6
5—10 . . .	17	16	60— 65 . . .	2	1
10—15 . . .	18	14	65— 70 . . .	1	1
15—20 . . .	8	4	70— 75 . . .	2	—
20—25 . . .	5	12	75— 80 . . .	2	—
25—30 . . .	6	6	80— 85 . . .	—	1
30—35 . . .	12	10	85— 90 . . .	—	1
35—40 . . .	7	14	95—100 . . .	—	—
40—45 . . .	9	3	неизв. возр. . .	2	3
45—50 . . .	2	1			
			Итого . .	124	121

На 124 мужчины приходится 121 женщина, т.-е. 97,6 %—процентъ весьма значительный. Трудоспособныхъ (въ возрастѣ 15—60 л.) 120 человѣкъ — 48,98% и стариковъ 11 человѣкъ — 4,49%; дѣтей 109 человѣкъ — 44,5%. Быстрое паденіе тунгусовъ въ возрастѣ 15—20 л. объясняется тѣмъ, что $^2/_3$ главъ семействъ (18 изъ 27) имѣютъ менѣе 40 лѣтъ, такъ что дѣти ихъ, при среднемъ брачномъ возрастѣ тунгусовъ въ 25 л., не могли быть старше 15 л., дѣти же, прижитыя остальной третью, уже успѣли обзавестись своими семействами, отдѣлившись отъ отцовской семьи. Глубокой старости, какъ видно изъ таблицы, не наблюдалось. Нѣкоторые тунгусы указывали отцовъ и дѣдовъ, умершихъ въ возрастѣ за 100 лѣтъ, но всѣ данныя о предыдущихъ поколѣніяхъ нужно признать слишкомъ проблематичными.

Неравные ряды мужского и женскаго пола по пятилѣтіямъ, въ общемъ итогѣ по дѣтскому и зрѣлому возрастамъ, даютъ почти тождества: мальчиковъ (до 15 л.) 54, дѣвочекъ 55; мужчинъ (до 60 л.) 61, женщинъ 59.

245 описанныхъ тунгусовъ раздѣлялись на 66 семействъ-хозяйствъ [1]). По количеству наличныхъ членовъ семьи-хозяйства, они разбивались на слѣдующія группы:

Количество членовъ въ семьѣ.	Количество семействъ.	% къ общему количеству семействъ.	Количество членовъ въ семьѣ.	Количество семействъ.	% къ общему количеству семействъ.
1	12	18,0	7	5	7,6
2	11	16,8	8	—	—
3	9	13,7	9	—	—
4	13	19,7	10	2	3,0
5	7	10,6	больше 10 . .	—	—
6	7	10,6			
			Итого . .	66	100,0

1) Въ это число вошли и хозяйства лицъ холостыхъ, никогда не состоявшихъ въ бракѣ.

Средній размѣръ семьи крайне низокъ — 3,71 человѣка.

Изъ 50 мужчинъ брачнаго возраста (18—50 лѣтъ) въ бракѣ состояли лишь 27, остальные же 23 (46%) вели холостую жизнь; изъ этихъ послѣднихъ 10 (43%) были въ возрастѣ отъ 29 лѣтъ. Такой большой процентъ холостыхъ объясняется экономической необезпеченностью тунгусовъ, невозможностью, поженившись, вести самостоятельное хозяйство. Лишая одну часть тунгусовъ брачной жизни, экономическая необезпеченность заставляетъ другую ихъ часть вступать въ бракъ въ среднемъ возрастѣ 25 л., когда самостоятельнымъ трудомъ они въ состояніи положить основаніе собственному хозяйству. Большой процентъ холостыхъ и позднее вступленіе въ бракъ большинства тунгусовъ, конечно, не означаютъ отсутствія внѣбрачныхъ половыхъ сношеній. Сношенія начинаются очень рано: самый ранній возрастъ — 11 лѣтъ для мужчинъ и женщинъ. Средній возрастъ, вычисленный на основаніи отвѣтовъ самихъ тунгусовъ, составляетъ $19^1/_2$ лѣтъ для мужчинъ и $18^1/_2$ л. для женщинъ, дѣйствительный же средній возрастъ сношеній долженъ быть пониженъ, такъ какъ многіе тунгусы, въ силу понятныхъ причинъ, откровенными по этому вопросу не были; объ этомъ сообщилъ при опросѣ староста тунгусовъ. Какъ бы то ни было, половая сила холостяковъ и вступающихъ въ бракъ въ 25 л. въ значительной степени не бываетъ использована. Для болѣе правильнаго вычисленія размѣра семьи въ связи съ половой производительностью тунгусовъ, необходимо исключить холостяковъ изъ общаго количества семействъ-хозяйствъ и изъ количества членовъ, входящихъ въ составъ всѣхъ семействъ. По исключеніи 10 холостяковъ въ возрастѣ отъ 29 лѣтъ, получаемъ 56 семействъ изъ 235 человѣкъ, по 4,2 чел. на семейство. Средняя семья якутовъ Олекминскаго округа, по даннымъ И. И. Майнова[1]), равна 4,15 человѣкъ.

У 54 брачныхъ паръ было всего 190 дѣтей, по 3,52 на пару. По количеству дѣтей брачныя пары даютъ такую таблицу:

Число дѣтей.	Брачныхъ паръ въ группѣ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.	Число дѣтей.	Брачныхъ паръ въ группѣ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.
0	8	14,82	7	3	5,56
1	6	11,11	8	4	7,40
2	6	11,11	9	—	—
3	9	16,67	10	—	—
4	6	11,00	11	1	1,85
5	9	16,67			
6	2	3,70	Итого . .	54	100,00

1) Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края, стр. 45 (Труды Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. № 2. Ирк. 1898).

Въ этой таблицѣ бросается въ глаза высокій процентъ безплодныхъ паръ (14,82). Въ общемъ онѣ прожили супружеской жизнью по 6 лѣтъ. Родители безплодныхъ мужчинъ имѣли въ среднемъ по 6 дѣтей. Чѣмъ объясняется безплодность этихъ 8 семействъ, выяснить не удалось.

У 47 брачныхъ паръ предыдущаго поколѣнія было 257 дѣтей, по 5,47 на пару. Групповое дѣленіе ихъ по количеству дѣтей таково:

Число дѣтей въ группѣ.	Брачныхъ паръ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.	Число дѣтей въ группѣ.	Брачныхъ паръ.	% къ общему количеству брачныхъ паръ.
1	—	—	8	2	4,26
2	5	10,63	9	6	12,77
3	7	14,90	10	2	4,26
4	5	10,63	11	—	—
5	8	17,02	12	1	2,13
6	5	10,63			
7	6	12,77	Итого . .	47	100,00

Безплодныя пары не могли войти въ это число; слѣдовательно, среднее количество дѣтей на брачную пару должно считать нѣсколько ниже 5,47. Брачныя пары предыдущаго поколѣнія оказались значительно болѣе плодовитыми, чѣмъ описанныя; ожидать большой разницы въ плодовитости двухъ смежныхъ поколѣній пѣтъ основаній; поэтому, цифру 5,47 дѣтей можно считать приблизительнымъ показателемъ плодовитости пріаянскихъ тунгусовъ [1]).

Изъ 190 дѣтей близнецовъ было 8 (4,21%). Судьба большинства ихъ была неблагополучна: трое умерли до 1 года, одинъ — 1,5 лѣтъ, одинъ родился мертвымъ. Мертворожденныхъ всего было 2 (1,1%) — совершенно незначительный процентъ.

На 100 мальчиковъ родилось 93,88 дѣвочекъ.

Изъ 190 дѣтей ко времени переписи осталось въ живыхъ 133. Возрастъ смерти по группамъ даетъ такую таблицу:

---

1) Утрата половой способности была отмѣчена тунгусами у мужчинъ въ 10 случаяхъ: средній возрастъ — 60 лѣтъ, наименьшій — 50 л. и высшій — 73 года; у женщинъ — въ трехъ случаяхъ: 45, 52 и 67 лѣтъ. Въ одномъ случаѣ старикъ 78 лѣтъ еще продолжалъ супружескія отношенія.

Возрастъ умершаго.	Мальчиковъ въ группѣ.	Дѣвочекъ.	% къ числу всѣхъ умершихъ дѣтей.
менѣе 1 года	15	4	33,33
1— 5	15	13	49,12
5—10	4	4	14,04
10—15	—	—	—
15—20	—	2	3,51
Всего	34	23	100,00

Смертность мальчиковъ до 1 года почти въ 4 раза превышаетъ смертность дѣвочекъ, потомъ обѣ онѣ уравниваются. Коэффиціентъ смертности дѣтей до одного года въ данномъ случаѣ можетъ быть приблизительно вычисленъ такимъ образомъ: всѣ дѣти считаются родившимися въ одинъ и тотъ же годъ, причемъ дѣти, не достигшія годового возраста, исключаются, такъ какъ судьба ихъ остается неизвѣстной. Этотъ пріемъ не можетъ претендовать на точность, ибо здѣсь не принимается во вниманіе разница смертности въ различные годы. Большой ошибки, впрочемъ, ожидать нельзя, потому что тунгусы ничего не говорили о необычныхъ дѣтскихъ эпидеміяхъ за указанный періодъ времени.

Исключая изъ 190 дѣтей 7 не достигшихъ годового возраста, получаемъ 19 человѣкъ умершихъ до 1 года на 183 человѣка, т.-е. на 1000— 104 человѣка.

О смертности взрослыхъ нельзя ничего сказать, такъ какъ и наблюденій было мало и возрастъ смерти въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могъ быть указанъ.

Исповѣдная роспись Нельканской церкви, включающая Бытальскій, 1-й Эжанскій и Кюрбюгдинскій бродячіе роды и Макагырскій кочевой, даетъ возможность провѣрить нѣкоторыя данныя, полученныя путемъ опроса, и освѣтить возрастный и половой составъ не только пріаянскихъ, но также учурскихъ (бытальцы) и принельканскихъ тунгусовъ. Правда, исповѣдныя росписи не могутъ претендовать на безусловную точность, особенно въ регистраціи бродячихъ родовъ (на эти недостатки указывалъ И. И. Майновъ, op. cit., стр. 41), но, при отсутствіи другихъ данныхъ въ настоящее время и, можетъ-быть, невозможности полученія ихъ въ ближайшемъ будущемъ, и исповѣдная роспись представляетъ несомнѣнный интересъ.

Такъ какъ въ составъ зарегистрированныхъ тунгусовъ вошли роды,

различные по образу жизни и условіямъ ея, и притомъ въ сравнительно крупныхъ цифрахъ, то представилась надобность дѣленія тунгусовъ по родамъ.

Возрастъ.	Бытальцы.		1-ые эжанцы [1]).		Кюрбюгдинцы.		Макагырцы.		Всего.	
	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.	муж. п.	жен. п.
менѣе 1 года .	4	14	3	6	4	1	6	7	17	28
1— 5	18	26	16	34	12	14	12	15	58	89
5— 10	39	31	20	26	11	11	8	10	78	78
10— 15	45	35	20	15	10	13	12	7	87	70
15— 20	37	31	10	13	8	6	5	6	60	56
20— 25	28	28	10	10	6	4	3	8	47	50
15— 30	27	24	14	10	4	7	5	3	50	44
30— 35	38	21	12	14	7	6	8	12	65	53
35— 40	23	21	12	8	4	5	8	4	47	38
40— 45	21	10	8	4	4	1	6	7	39	22
45— 50	20	5	3	7	3	4	3	—	29	16
50— 55	8	8	7	7	2	—	2	2	19	17
55— 60	8	7	5	2	2	4	1	2	16	15
60— 65	4	9	2	3	—	1	2	—	8	13
65— 70	5	5	3	—	2	1	2	—	12	6
70— 75	3	3	—	1	—	—	2	—	5	4
75— 80	2	2	1	1	1	1	2	—	6	4
80— 85	1	2	2	3	—	—	1	1	4	6
85— 90	—	1	1	—	—	—	—	1	1	2
90— 95	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
95—100	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1
Итого . .	332	285	149	164	80	79	88	85	649	613
Всего . . .	617		313		159		173		1.262	

На 100 мужчинъ въ общемъ приходится 94,5 женщинъ; въ частности же, по родамъ:

Названіе рода.	На 100 мужчинъ приходится женщинъ.
Бытальскій	85,8
1-ый Эжанскій	110,1
Кюрбюгдинскій	98,8
Макагырскій	96,6

1) Въ число ихъ попали остатки (не болѣе 4 семействъ) 3-го Эжанскаго рода, ушедшаго на Амуръ.

Рѣзкая разница въ количествѣ мужчинъ и женщинъ по возрастамъ наблюдается лишь въ слѣдующихъ случаяхъ; въ Бытальскомъ родѣ на 210 мужчинъ (15—60 л.) приходится 155 женщинъ, въ 1-мъ Эжанскомъ на 59 мальчиковъ (до 15 л.) — 81 дѣвочка, въ Бытальскомъ родѣ на 16 стариковъ (свыше 60 л.) — 24 старухи и въ Макагырскомъ на 9 стариковъ — 2 старухи. Въ остальныхъ случаяхъ количество мужчинъ и женщинъ по возрастамъ въ каждомъ родѣ почти одинаково.

Процентное соотношеніе дѣтей, лицъ средняго возраста и стариковъ внутри каждаго рода таково:

Возрасты.	Бытальскій родъ.	1-ый Эжанскій родъ.	Кюрбюгдинскій родъ.	Макагырскій родъ.	Всѣхъ родовъ въ группѣ.
Дѣтей до 15 л. . .	34,36	44,73	47,80	44,51	40,01
Средняго возраста (15—60 л.) . . .	59,16	49,84	48,43	49,13	54,13
Старческаго возраста (свыше 60 л.)	6,48	5,43	3,77	6,36	5,86
Всего. . .	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Процентъ дѣтей, приблизительно одинаковый въ послѣднихъ трехъ родахъ, въ Бытальскомъ оказывается гораздо ниже.

Если считать процентъ дѣтей показателемъ жизнеспособности племени въ будущемъ, то за судьбу указанныхъ тунгусовъ опасаться не приходится; средній процентъ дѣтей у нихъ (40,01%) выше, чѣмъ указанный Баллодомъ и Бессеромъ[1]) процентъ для Германіи (35%), считающейся плодовитой страной.

Пользуясь записями Нельканской церкви, можно коснуться вопроса о «вымираніи» или «убыли» тунгусовъ Майскаго вѣдомства. И. И. Майновъ (op. cit., стр. 34—40), на основаніи памятныхъ книжекъ Якутской области на 1863 и 1896 гг. и исповѣдныхъ росписей 1895 г., пришелъ къ печальному выводу объ убыли тунгусовъ въ Якутскомъ краѣ. У насъ имѣются данныя о пяти родахъ, о которыхъ говоритъ и г. Майновъ. Сравнимъ эти данныя съ записанными г. Майновымъ и прежде всего — о бытальцахъ и кюрбюгдинцахъ, относительно которыхъ у него имѣются подробныя свѣдѣнія.

1) Смертность, возрастный составъ и долговѣчность православнаго населенія Россіи, изд. 1897 г., стр. 1.

Названіе рода.	По памятнымъ книжкамъ и исповѣднымъ росписямъ.						По записямъ Нелькан-ской церкви.			Общій приростъ.	
	Населеніе 1858 г.			Населеніе 1895 г.			Населеніе 1902 г.			Съ 1858—1895 г. (по Майнову [1]).	Съ 1895—1902 г. (по нелькан-ской записи [1]).
	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.		
Бытальскій (бродячій)	448	358	806	262	223	485	332	285	617	—39,8%	+27,2%
Кюрбюгдинскій (бродячій) . .	74	51	125	55	76	131	80	79	159	+ 4,8%	+21,4%

Результатъ сравненія получается совсѣмъ неожиданный: Бытальскій родъ, *за 37 лѣтъ* (съ 1858 по 1895 г.) *уменьшившійся*, по Майнову, на 39,8%, по новымъ вычисленіямъ, *за 7 лѣтъ* (съ 1895 по 1902 г). *увеличивается на 27,2%*; Кюрбюгдинскій родъ, *за 37 лѣтъ* увеличившійся *на 4,8%*, *за 7 лѣтъ* увеличивается на *21,4%*. Очевидно, что получившіеся громадные скачки въ приростѣ могутъ быть объяснены не дѣйствительными колебаніями его, а несовершенствомъ регистраціи, полнымъ несоотвѣтствіемъ офиціальныхъ источниковъ съ количественнымъ ростомъ и переселеніями тунгусовъ. Такъ какъ нѣтъ основаній отдавать предпочтеніе однимъ даннымъ предъ другими, то вопросъ о дѣствительномъ ростѣ Бытальскаго и Кюрбюгдинскаго родовъ слѣдуетъ считать спорнымъ. Минусъ прироста, вычисленный г. Майновымъ для Бытальскаго бродячаго рода, является 4-мъ по величинѣ изъ всѣхъ 11 минусовъ.

Далѣе, въ таблицахъ г. Майнова совсѣмъ нѣтъ Макагырскаго кочевого рода, численность котораго, по нелькапской записи, равна 173 чел.

Нѣтъ свѣдѣній за 1895 г. о тунгусахъ 1-го Эжанскаго бродячаго рода. Количество же ихъ за 1902 г., по нелькапской записи, равнялось 313 чел., а по взятымъ г. Майновымъ свѣдѣніямъ за 1858 г. — 176 чел., то-есть въ этомъ родѣ не отмѣченъ приростъ, который за 1858—1902 г. равнялся 55,1% [2]).

Такимъ образомъ, при сравненіи новѣйшихъ свѣдѣній съ использованными г. Майновымъ, *во всѣхъ четырехъ случаяхъ, гдѣ было возможно сопоставленіе*, данныя г. Майнова оказываются или спорными или неполными (неполноту признаетъ самъ авторъ, op. cit., стр. 34), а это заставляетъ относиться съ большою осторожностью и ко всѣмъ остальнымъ его

1) Формула прироста: $\frac{(p^2 - p^1)\,100}{p^1}$.

2) Къ 1895 г. приростъ, конечно, былъ бы другой.

выводамъ. Если же это такъ, то и выводъ объ убыли тунгусовъ слѣдуетъ признать спорнымъ, а самый вопросъ открытымъ [1]).

VIII.

Семейный бытъ.

Среди пріаянскихъ тунгусовъ господствуетъ правило брать себѣ женъ внѣ своего собственнаго рода, но бываютъ случаи брака и между сородичами. Всего женатыхъ по переписи оказалось 51 чел., изъ коихъ на сородичкахъ были женаты 7, на якуткѣ 1, а остальные — на тунгускахъ другого рода.

Нерѣдко тунгусъ находитъ себѣ жену и за предѣлами аянскаго района: на Ватомѣ, Учурѣ, Маймаканѣ, близъ Нелькана. Равнымъ образомъ, и тунгуски пріаянскаго района нерѣдко выходятъ замужъ за тунгусовъ смежныхъ районовъ, а иногда и за якутовъ. Въ результатѣ получается тѣсная кровная связь между отдѣльными тунгусскими родами.

Сильное давленіе на брачущихся бываетъ рѣдко, но и вполнѣ свободный выборъ признается не всегда. Чаще всего брачущихся сговариваютъ родители, а иногда брачущіеся и «сами находятъ другъ друга». Если сынъ или дочь упорно отказываются вступить въ бракъ съ намѣченнымъ родителями лицомъ, то или родители, въ концѣ концовъ, уступаютъ добровольно, или же священникъ отказываетъ въ совершеніи брака.

Возрастъ брачущихся въ настоящее время гораздо выше, чѣмъ былъ въ старину. Тогда выдавали замужъ дѣвочекъ лѣтъ 12, а сговаривали ихъ еще при рожденіи. Нынѣ средній брачный возрастъ для женщинъ 16 л., а для мужчинъ — 25. Отголоски старинныхъ порядковъ встрѣчаются и теперь: такъ, тунгусъ Трофимъ Випокуровъ, 31 года, былъ женатъ въ возрастѣ 14 л. на 10-лѣтней дѣвочкѣ.

Для вступленія во второй бракъ не существуетъ обязательнаго срока, установленнаго обычаемъ. Нѣкоторые выдерживаютъ трехлѣтній срокъ по смерти жены, другіе женятся и раньше. Очевидно, въ старину ранѣе трехъ лѣтъ вторично въ бракъ не вступали, такъ какъ и теперь этотъ срокъ соблюдается только въ силу указанія стариковъ, что раньше жениться нельзя.

Бракъ обыкновенно сопровождается обмѣномъ «приданаго» жениха [2]) и

---

1) С. Паткановъ, въ своемъ трудѣ: «О приростѣ инородческаго населенія въ Сибири» (Спб. 1911), замѣчаетъ: «Изъ четырехъ отдѣловъ, на которые подраздѣляются тунгусы Якутскаго округа, наиболѣе жизнеспособными оказываются *Майскіе*, которые *по всему вѣроятію увеличились въ числѣ*» (курсивъ автора, стр. 103). Въ составъ же майскихъ тунгусовъ входятъ и описываемые здѣсь пріаянскіе тунгусы.

2) По обычной терминологіи, это — плата за невѣсту, калымъ.

невѣсты. Главною частью приданаго являются олени. Со стороны жениха дается родителямъ невѣсты гораздо больше, чѣмъ со стороны невѣсты родителямъ жениха. Приданое жениха колеблется между 1 и 30 оленями, смотря по его состоятельности, а приданое невѣсты—между 1 и 15 оленями. Въ среднемъ, первое у описанныхъ тунгусовъ равнялось 10 оленямъ, а второе — 7.

Въ хозяйствѣ договаривающихся сторонъ расходъ на приданое производитъ большое опустошеніе: такъ, въ 25 семействахъ жениховъ, обладавшихъ передъ свадьбой 412 оленями, въ приданое пошло 295 оленей, т.-е. гораздо больше половины всего оленнаго ихъ имущества. Часть отданнаго была замѣнена приданымъ невѣстъ, но послѣднее, въ общемъ, было меньше въ $1\frac{1}{2}$ раза. Одинъ изъ оленей, приводимыхъ невѣстой, носитъ особое названіе čäwokin[1]). Онъ никогда не запрягается, развѣ только у бѣдныхъ, и никогда не ставится подъ сѣдло; ходитъ вмѣстѣ съ другими оленями; если потеряется, его не ищутъ; если сильно заболѣетъ или состарится, его убиваютъ и, вмѣсто прежняго, пріобрѣтаютъ другого čäwokin'a. Назначеніе его — быть убиту по смерти хозяйки; если čäwokin'a у нея нѣтъ — убиваютъ ея верхового оленя.

Кромѣ оленей, невѣста приноситъ въ домъ жениха домашнюю обстановку, по большей части покрышку урасы, платье, посуду, сѣдла, сумы,— вообще, предметы, необходимые для перваго обзаведенія молодыхъ. Замѣчается правило: чѣмъ больше оленей приводитъ съ собой невѣста, тѣмъ меньше ея приданое вещами. Послѣднее составляетъ пожизненную собственность жены. Въ случаѣ ея смерти, приданое вещами, если бракъ—церковный, переходитъ къ мужу, а если гражданскій — къ дѣтямъ.

Встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, другіе виды калыма: деньги, заработная плата у работниковъ, содержаніе старика-отца невѣсты до его смерти.

Бѣдняки, не имѣющіе оленей, приданаго не даютъ и въ такомъ случаѣ отъ невѣсты оленей не получаютъ; но и тогда невѣста приноситъ съ собой какія-либо вещи: постель, или посуду, или половину покрышки урасы. Количество безоленныхъ приданыхъ высоко: 9 изъ 44, т.-е. 20%.

За вдову женихъ приданаго не даетъ, а невѣста приноситъ съ собой, что можетъ.

Въ общемъ, женихъ тратитъ на «приданое» гораздо больше, чѣмъ невѣста; поэтому, и самая женитьба носитъ характеръ купли женихомъ невѣсты. Тунгусы всегда такъ и говорятъ: «за жену *заплатилъ* столько-то»;

---

1) Л. Я. Штернбергъ предполагаетъ, что это слово происходитъ отъ čäwoki — божество, духъ-покровитель. Въ такомъ случаѣ, čäwokin (čäwoki + притяжат. суффиксъ 3-го лица единств. числа n) значитъ здѣсь буквально: ея (невѣсты) духъ-покровитель.

когда же указываютъ на приданое жены, то говорятъ: «она принесла съ собою столько-то оленей» или «за женою получилъ въ приданое то-то и то-то».

Свадебная церемонія не сложна. Одна изъ замужнихъ родственницъ жениха пріѣзжаетъ со своимъ мужемъ къ дому новобрачнаго, покрываетъ одинъ изъ свободныхъ остововъ урасы привезенною ею покрышкой и разводитъ огонь. Отсюда другая женщина должна пойти за невѣстой и перевести ее изъ родительскаго дома въ домъ жениха. Вмѣстѣ съ невѣстой прибываетъ и ея приданое. Родители невѣсты вмѣстѣ со своими сородичами являются на слѣдующій день. Они должны привезти съ собой для свадебнаго пиршества мясо одного оленя, а если не успѣли почему-либо его убить, то должны привести его живымъ и уже у дома жениха убить. Остальное угощеніе дается женихомъ. Онъ также долженъ убить оленя, обязательно хорошаго, и выставить гостямъ соотвѣтственное количество водки. Приготовленіе мяса (варка) начинается при гостяхъ. Если на пиршество гости приглашены не были, то оленье мясо, хотя бы и по маленькому куску, разсылается сосѣдямъ по урасамъ. У бѣдняковъ свадебный «пиръ» состоитъ часто только въ выпивкѣ одной-двухъ бутылокъ водки.

Послѣ свадьбы женихъ обыкновенно отдѣляется отъ родителей и считается уже самостоятельнымъ хозяиномъ, главою семьи.

Власть главы сильна, и только въ мѣстахъ соприкосновенія съ русскими дѣти и несовершеннолѣтніе члены семьи ведутъ себя вольно. Глава семьи, хотя бы это былъ старшій братъ, можетъ отдать несовершеннолѣтняго члена въ работники и получать за него заработную плату. Обращеніе съ женами нельзя назвать рыцарскимъ; иногда женамъ приходится выносить и побои. Вдова Дарья Амосова, несмотря на неоднократныя предложенія со стороны нѣсколькихъ лицъ, замужъ вторично не пошла, боясь побоевъ.

Супружеская вѣрность нарушается часто обѣими сторонами. Этому способствуетъ бродячая жизнь, влекущая частыя отлучки хозяина дома. На нарушеніе супружеской вѣрности тунгусы смотрятъ неодобрительно, но, въ концѣ концовъ, видимо, мирятся съ этимъ: случаи расхожденія изъ-за супружеской невѣрности бываютъ очень рѣдки.

Обращеніе съ дѣтьми — тоже не совсѣмъ гуманное. Тунгусъ Ив. Амосовъ говоритъ: «Маленькихъ непослушныхъ дѣтей и слегка сѣчемъ, и сильно сѣчемъ тальникомъ (лозой), а на молодыхъ парней, которые не слушаются, жалуемся князьямъ (старостѣ и старшинамъ): они учатъ, приговариваютъ къ наказанію розгами, сажаютъ подъ арестъ въ «сибирку» (арестантскую) въ Аянѣ или Нелькапѣ, гдѣ имѣется таковая, или въ особой пристройкѣ къ дому бывшаго старосты Вас. Карамзина».

При жизни трудоспособныхъ родителей, до раздѣла, дѣти не имѣютъ никакихъ имущественныхъ правъ. При раздѣлѣ отецъ можетъ выдѣлить любую часть, чаще же дѣлитъ пропорціонально количеству членовъ. На имущество, пріобрѣтенное сыномъ послѣ раздѣла, права отца не простираются. Когда отецъ состарится, онъ переходитъ на иждивеніе трудоспособныхъ сыновей, а главенство въ семьѣ обычно переходитъ къ старшему сыну. Частное имущество старика тогда составляютъ только нѣкоторыя мелкія вещи, необходимыя ему лично: такъ, тунгусъ Инн. Прокопьевъ, 37 лѣтъ, не отдѣлившійся отъ отца, распоряжался оленями и всѣмъ остальнымъ имуществомъ, а отецъ—«только принадлежавшими ему вещами: кремневой винтовкой, сѣтью, лодкой, топоромъ, чайникомъ, ножомъ, чашкой, тарелкой и дробовикомъ». Какъ видно изъ этого перечня, права неработоспособнаго отца опредѣляются очень тщательно.

Въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается выдѣленіе доли наслѣдства взрослымъ дѣтямъ, продолжающимъ жить подъ одной кровлей вмѣстѣ съ родителями: Иванъ Карамзинъ успѣлъ прожить 10 доставшихся ему по раздѣлу оленей еще во время совмѣстной жизни съ отцомъ.

Въ случаѣ смерти отца при малолѣтнихъ дѣтяхъ, все имущество переходитъ къ его женѣ, при взрослыхъ же дѣтяхъ или въ случаѣ круглаго сиротства малолѣтнихъ дѣтей — имущество дѣлится по завѣщанію. Если завѣщанія не осталось, круглымъ сиротамъ-малолѣткамъ приходится плохо: родные братья или родственники по отцу иногда расхватываютъ оставшееся имущество. Такъ, Гавріилъ Бѣлолюбскій изъ 6 оленей, оставшихся послѣ матери, не получилъ ни одного: всѣхъ взяли старшіе братья; тунгуска Агаѳья Карамзина, воспитывавшая родного племянника, сообщила, что оставшееся послѣ смерти ея брата имущество перешло къ другому брату, помимо прямого наслѣдника, сына умершаго. Вообще, опека надъ имуществомъ малолѣтокъ, круглыхъ сиротъ, поставлена очень плохо, и часто имущество переходитъ къ сильнѣйшему изъ взрослыхъ близкихъ родственниковъ.

Если оставшіеся по смерти отца члены семьи самостоятельно прокормиться не могутъ, то переходятъ на иждивеніе ближайшихъ родственниковъ: старшихъ братьевъ, дядей, тетокъ, дѣдовъ или бабокъ; восходящая линія считается, при этомъ, только со стороны отца, а не матери. Если у сиротъ нѣтъ близкихъ родственниковъ со стороны отца, то воспитаніе ихъ является обязанностью сородовичей, тоже съ отцовской стороны. Это правило соблюдается очень строго. Такъ, вернувшуюся, по смерти сожителя-макагырца, сестру Марѳу Бѣлолюбскую братья (эжанцы) не приняли, говоря: «мы отдали ее и отдали». Староста постановилъ, чтобы она ушла къ макагырцамъ, и ее долженъ былъ принять ближайшій родственникъ ея покойнаго сожителя.

Кто долженъ заботиться о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и какой родъ — отца или матери — имѣетъ на нихъ право, осталось нѣсколько неяснымъ. У макагырцевъ и бытальцевъ былъ даже споръ изъ-за внѣбрачно рожденнаго мальчика. Его прижила макагырка-дѣвушка отъ тунгуса Бытальскаго рода. На томъ основаніи, что отецъ былъ быталецъ, бытальцы считали ребенка своимъ и, несмотря на требованія макагырцевъ, не уступали его. Повидимому, споръ велся цѣлые десятки лѣтъ, такъ какъ въ моментъ описи, когда «спорному» тунгусу было уже 35 лѣтъ, разсказчикъ говорилъ, что бытальцы «не уступаютъ». Въ данномъ случаѣ бытальцы вышли побѣдителями, но, повидимому, не въ силу безспорнаго обычая — его оспаривали макагырцы — а, главнымъ образомъ, въ силу захвата. Борьба за мальчика велась такъ упорно потому, что каждая мужская «душа» облегчаетъ податное бремя.

Въ случаѣ вторичнаго выхода вдовы замужъ, имущественныя права дѣтей отъ перваго брака сохраняются, и отчимъ становится лишь ихъ опекуномъ. Подати, налагаемыя иногда на малолѣтковъ-мальчиковъ, уплачиваются въ такомъ случаѣ родственниками отца, а не отчимомъ.

Кромѣ воспитанниковъ-сиротъ, которыхъ родственники и сородичи обязаны принимать къ себѣ, тунгусы берутъ, въ качествѣ воспитанниковъ, и дѣтей живыхъ родителей. Причиной отдачи дѣтей на воспитаніе служитъ или несостоятельность родителей или желаніе воспитать дѣтей въ лучшихъ условіяхъ, у болѣе состоятельныхъ тунгусовъ, разъ къ тому представляется возможность. Причиной же пріема на воспитаніе является или бездѣтность, отсутствіе прямыхъ наслѣдниковъ, или, чаще, нужда въ рабочей силѣ. Мальчиковъ при жизни родителей на воспитаніе не отдаютъ, такъ какъ ихъ рабочая сила нужна родной семьѣ.

Условія отдачи дѣтей на воспитаніе очень разнообразны. Если отдаютъ родственникамъ, то плата не берется; если же дѣти отдаются чужимъ и, притомъ, для того, чтобы послѣдніе могли использовать ихъ рабочую силу, когда они подрастутъ, то родители получаютъ плату: за дѣвочку, напримѣръ, 1 оленя. Когда дѣвочка подрастетъ и станетъ помогать воспитателямъ, то, по обычаю, воспитатели еще что-либо дарятъ родителямъ. Снаряженіе при выходѣ замужъ воспитанницы лежитъ на обязанности воспитателя. Если дѣвушка замужъ не выйдетъ, то она все время считается воспитанницей: напр., у тунгуса Николая Егорова была воспитанница 36 лѣтъ. Если, по смерти воспитателя, воспитанница (даже и взрослая) будетъ нуждаться въ помощи, то ей обязаны помогать ближайшіе родственники воспитателя, а не отца. Но, по смерти родителей, отданная на воспитаніе имѣетъ право на наслѣдственную часть, если воспитатели умерли. Отъ воспитателей она тоже получаетъ часть наслѣдства. При жизни матери воспитанница

не имѣетъ доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ, а при жизни воспитательницы— въ наслѣдствѣ воспитателя и отца.

Если дѣвочка берется на воспитаніе только до той поры, когда она станетъ помогать въ хозяйствѣ, то плата дается уже родителями.

Престарѣлые члены тунгусской семьи всегда находятъ себѣ пріютъ у своихъ дѣтей, внуковъ, ближайшихъ родственниковъ или сородовичей.

Вообще же внутренній бытъ тунгусской семьи не отличается нѣжностью, гуманностью, мягкостью; въ отношеніяхъ членовъ ея наблюдаются часто и грубость обращенія и практическіе расчеты; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тунгусы умѣютъ поддерживать своихъ неработоспособныхъ членовъ, давая имъ возможность если не жить удобной, самостоятельной семейной жизнью, то, по крайней мѣрѣ — сохранить жизнь. Неизвѣстно еще случая, когда тунгусъ погибъ бы изъ-за того, что не нашелъ своевременной поддержки у родственниковъ или сородичей.

IX.

О вѣрованіяхъ и нравахъ.

Офиціально тунгусы числятся православными, въ дѣйствительности же ихъ едва ли можно назвать христіанами. Съ самаго начала обращеніе въ православную вѣру было принудительнымъ. Распространителями православія были здѣсь не столько священники, сколько воинскія команды. Ловля тунгусовъ, загонъ ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на мѣсто крещенія были обычнымъ явленіемъ. Разбросанность жителей, ихъ бродячая жизнь, недостатокъ духовенства, не особенно энергичная и далеко не всегда безкорыстная дѣятельность его[1]) въ связи со способомъ распространенія православія должны были создать и укрѣпить взглядъ тунгусовъ на принадлежность къ православію, какъ на повинность, наложенную побѣдителями, — должны были внушить имъ мысль, что достаточно какого бы то ни было чина русской администраціи для совершенія обрядовъ православія. Что это такъ,— доказываютъ приведенные Стефановичемъ факты. Вахтеръ (смотритель казеннаго хлѣбнаго магазина) креститъ больныхъ ребятъ, «если родители не желаютъ, чтобы онъ умеръ некрещенымъ. Однажды вахтеръ былъ позванъ для освященія брака, и онъ счелъ возможнымъ не отказаться отъ этого, потому что «случай былъ не вполнѣ христіанскій». У тунгуса хворала жена; ему надоѣло ждать ея смерти, да и хозяйство безъ хозяйки приходило въ разстройство. Онъ высваталъ себѣ другую жену, заплатилъ ка-

1) Миддендорфъ, op. cit., стр. 742.

лымъ и привезъ ее въ свою урасу»[1]). И до сихъ поръ исправленіе религіозныхъ требъ въ данномъ районѣ мало безпокоитъ православное духовенство. Въ Аянѣ священника нѣтъ, и пріаянскіе тунгусы числятся въ Нельканскомъ приходѣ. Въ Нельканѣ они появляются только для сдачи чаевъ и пушнины. Священникъ, имѣя въ рукахъ громадный приходъ, и до настоящаго времени, при рѣдкихъ встрѣчахъ со своей паствой, долженъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваться совершеніемъ оптовыхъ браковъ, крещеній и проч.

Православные праздники извѣстны тунгусамъ лишь какъ время найма на работу и окончанія договорнаго срока или какъ начало и конецъ промысловаго сезона. Такихъ праздниковъ немного; о наступленіи ихъ узнаютъ отъ лицъ, имѣющихъ недѣльные численники (по-тунг. нігіwун или сіwāскä= русск. *святцы*) или отъ аянцевъ и нельканцевъ. Численники представляютъ изъ себя закругленныя дощечки или круглыя чашки съ 7 дырочками и маленькой затычкой; переставляя ежедневно затычку изъ одной дырочки въ другую, тунгусъ знаетъ дни недѣли. Изъ описанныхъ тунгусовъ численники были только у троихъ. Остальные тунгусы, узнавъ, сколько дней остается до ближайшаго праздника, высчитываютъ оставшееся время такъ: на деревянной палочкѣ дѣлаютъ зарубки соотвѣтственно количеству оставшихся дней; по истеченіи однѣхъ сутокъ, срѣзывается полоска отъ первой зарубки до лѣваго края палочки, послѣ двухъ сутокъ — промежутокъ между первой и второй зарубкой и т. д. Когда же прошелъ большой праздникъ, а слѣдующій далеко, тунгусы счетомъ дней совсѣмъ не занимаются: «дней не знаемъ, недѣлями не считаемъ»; «когда солнце восходитъ, говорю: день, когда солнце заходитъ, говорю: ночь»; «когда Богъ дастъ день, говоримъ: стало свѣтло, когда Богъ дастъ ночь, говоримъ: стало темно».

При столь первобытной жизни, внѣ сферы досягаемости со стороны духовенства, отданные цѣликомъ подъ власть суровой природы, тунгусы и не могли стать въ дѣйствительности христіанами.

Гораздо глубже вліяніе на тунгусовъ шаманства, хотя и оно за послѣднее время слабѣетъ. Непонятныя перемѣны въ промысловой жизни — плохой годъ для охоты или рыболовства, таинственныя болѣзни оленей, уносящія цѣлыя стада, суровая, дикая, могучая природа, полная зависимость отъ нея первобытнаго племени породили вѣру въ многочисленныхъ, большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ духовъ: лѣса, воды, царствъ природы, охоты и другихъ, управляющихъ окружающей жизнью. Неразвитый, безпомощный тунгусъ могъ только умолять тѣ таинственныя существа, которыя то обильно дарили его, то лишали самаго необходимаго. Но и мольбы часто не помогали; и принося жертвы, тунгусъ не зналъ,

---

1) Стефановичъ, ibidem, стр. 89—90.

получитъ ли онъ просимое; поэтому, зародилась и вѣра въ судьбу, предопредѣленіе — анаџикáкіт.

Вѣра въ покровителей промысловъ и враговъ ихъ, стремленіе отблагодарить и смягчить ихъ, а также опасеніе навлечь чѣмъ-либо ихъ гнѣвъ создали массу обрядовъ, сопровождающихъ промысловую и хозяйственную жизнь тунгусовъ. Приводимъ нѣкоторые изъ обрядовъ.

Кости ногъ и головы дикаго оленя на землю не бросаютъ, а дѣлаютъ въ лѣсу полку, на которую и ссыпаютъ объѣденныя кости. Зубы дикаго оленя сохраняютъ въ качествѣ амулета (тыгак). Вообще, сохраняемыя части кладутся въ мѣшочекъ, сдѣланный изъ головной кожи убитаго животнаго. Когда мѣшочекъ наполнится, его кладутъ въ ѝáку (амбарчикъ на столбахъ), гдѣ онъ и хранится всегда, какъ старая запись, указывающая на количество упромышленнаго звѣря.

Духу-покровителю оленя на деревьяхъ вѣшаютъ шкуру съ головы дикаго барана, сальный желудокъ и др.

Упромысливши лисицу, обязательно отрѣзываютъ мордочку и хранятъ ее, по крайней мѣрѣ, три дня, не давая никому, а потомъ вѣшаютъ на дерево. Съ лисицы берутъ только шкуру, а мясо вѣшаютъ на дерево или защемляютъ въ немъ.

Воспрещается убивать пойманную рыбу камнемъ; старики говорятъ: «грѣшно, не ладно будетъ» (по-якутски: аӈы); убиваютъ ее деревянной палкой.

Кости медвѣдя, — всѣ безъ исключенія, наблюдая, чтобы ни одна не осталась, — вѣшаютъ на дерево.

Къ орлу относятся съ опаской, почитаютъ его и никогда не убиваютъ. «Старики говорятъ: аӈы; мы слушаемъ — пожалуй, и вправду плохо будетъ», — замѣтилъ одинъ молодой тунгусъ.

Ко всякой дичи относятся «съ осторожностью»: «боимся, что прекратится».

Кости разрубать — большой грѣхъ. Если потерять кость какого-нибудь звѣря, то взыщется съ охотника.

Когда накладываются мѣты на ушахъ оленятъ, то отрѣзанные или вырѣзанные кусочки хряща не бросаютъ, а нанизываютъ на нитку (изъ сухожилій оленя) и вѣшаютъ ихъ: одни — на почетномъ мѣстѣ, около иконы, другіе — въ иномъ мѣстѣ жилища, только не у двери. Нитку съ вырѣзанными кусочками ушей не соглашаются не только продать, но и подарить: «аӈы, олени рождаться не будутъ». Послѣ сушки, мѣты можно положить въ апса (охотничья сумка) или въ содо̄к (садокъ для чайной посуды), но нельзя бросать на землю: аӈы. Эти мѣты сохраняются изъ рода въ родъ; при перекочевкахъ ихъ увозятъ съ собой или кладутъ въ ѝáку.

Если издохнетъ одна или нѣсколько взрослыхъ самокъ, то копытца одной изъ нихъ сохраняютъ, предварительно высушивъ въ урасѣ. При перекочевкахъ кладутъ въ сӧрӯк (вьючныя сумы) и возятъ съ собой, не давая сгнить. На слѣдующую весну копытца развѣшиваютъ на деревѣ.

Дары «духамъ» развѣшиваются во время охоты, зимой — безъ заклинаній, а въ другое время — съ заклинаніями, содержаніе которыхъ установить не удалось. Изъ разсказовъ, характеризующихъ вѣрованія тунгусовъ, записаны два. Первый разсказъ принадлежитъ бабкѣ бывшаго старосты Василія Карамзина. «Вначалѣ земля была, — разсказывала она; — потомъ въ теченіе семи лѣтъ огонь былъ, землю кончилъ. Все сдѣлалось потокомъ, моремъ; всѣ тунгусы сгорѣли, только мальчикъ съ дѣвочкой взлетѣли на небо, а изъ птицъ, не умирая, орелъ взлетѣлъ. Мальчикъ и дѣвочка, летая, спустились туда, гдѣ море испарилось; вмѣстѣ съ ними спустился орелъ».

Второй разсказъ — передача и объясненіе сна, видѣннаго однимъ изъ тунгусовъ: «Медвѣдь прошелъ мимо меня и Льва[1]) и остановился, увидѣвъ спускавшихся ему навстрѣчу нѣсколькихъ человѣкъ. Впереди шелъ староста, который, замѣтивъ медвѣдя, взялъ винтовку и сталъ стрѣлять. Два раза ружье дало осѣчку; въ третій разъ раздался выстрѣлъ, но медвѣдь остался невредимъ. Тогда медвѣдь взялъ изъ-подъ мышки свое ружье, очевидно, съ намѣреніемъ стрѣлять въ старосту. Тутъ я проснулся. Когда я разсказалъ свой сонъ старостѣ и Льву, то послѣдній сказалъ, что, по мнѣнію тунгусовъ, это былъ не медвѣдь, а *душа шамана*. Староста же объяснилъ, что этотъ сонъ относится къ нему и что онъ, староста, долженъ заболѣть, или съ нимъ будетъ какое-либо несчастье, такъ какъ если топоръ, винтовка или ножъ не берутъ во снѣ, то это служитъ знаменіемъ того, что человѣкъ заболѣетъ, — по крайней мѣрѣ, съ нимъ, старостой, такъ бывало. Если же ему во снѣ приходилось убивать человѣка, то вслѣдъ за тѣмъ онъ убивалъ медвѣдя».

Приведеннаго матеріала, конечно, недостаточно для ознакомленія съ религіозной жизнью тунгусовъ, но изъ него уже можно видѣть, какую странную смѣсь шаманства и христіанства представляютъ ихъ религіозныя воззрѣнія. Въ то же время, если нельзя говорить о сколько-нибудь глубокомъ вліяніи христіанства, то теперь нельзя признать глубокимъ и вліяніе шаманства. По словамъ покойнаго о. Василія Мальцева, нынѣ къ шаманамъ тунгусы обращаются чаще всего не какъ къ посредникамъ между небомъ и землей, а какъ къ знахарямъ. Изъ словъ

---

1) Имя тунгуса Иванова, служившаго членамъ экспедиціи проводникомъ. Въ концѣ приложена нарисованная имъ карта охотскаго побережья.

самихъ тунгусовъ можно заключить, что нѣкоторые изъ нихъ уже не относятся съ мистической «опаской» къ пойманной на охотѣ добычѣ, не развѣшиваютъ частей ея на деревьяхъ въ даръ «духамъ-господамъ»; отношеніе къ такимъ лицамъ со стороны большинства — терпимое.

Что же помогло единичнымъ тунгусамъ освободиться отъ сложныхъ, стѣснительныхъ путъ суевѣрій и боязни почти всѣхъ живыхъ существъ, съ которыми они сталкивались? Что заставило рядовыхъ тунгусовъ безразлично относиться къ нарушеніямъ властныхъ когда-то стародѣдовскихъ обычаевъ? — Несомнѣнно, глубокія измѣненія въ жизни тунгусовъ. Занимаясь раньше исключительно звѣроловствомъ, рыболовствомъ, морскимъ промысломъ, оленеводствомъ, тунгусы испытывали на себѣ непонятныя колебанія въ количествѣ добычи. Отъ этихъ колебаній зависѣло ихъ благополучіе въ теченіе цѣлаго года, а иногда и больше. Объясняя удачу и недостатки промысловъ вліяніемъ «духовъ», тунгусы непрерывно должны были чувствовать полную зависимость отъ нихъ. Теперь — не то. На смѣну стариннымъ промысламъ выступилъ на первый планъ новый промыселъ — перевозка чая. Зависимость отъ прежнихъ промысловъ и даже соприкосновеніе съ ихъ продуктами, при господствѣ перевозочнаго промысла и развитіи торговли, сократились. Прежняя неопредѣленность и неувѣренность въ результатахъ промысловой дѣятельности смѣнились простымъ ариѳметическимъ расчетомъ о количествѣ вывезенныхъ мѣстъ чая, а также — товаровъ и припасовъ, которые возчикъ получитъ за свой трудъ и которыми онъ обезпечитъ себя и семью. Господиномъ жизни становится уже не таинственный «духъ», покровитель промысла, духъ неуловимый и капризный, а — всѣмъ доступный, вполнѣ понятный, никому не страшный подрядчикъ-торговецъ. Съ паденіемъ старинныхъ промысловъ, несомнѣнно, должны были мало-по-малу меркнуть и старые кумиры.

Встрѣчаясь съ русскими, менѣе ихъ считающимися съ «духами-покровителями» и, тѣмъ не менѣе, благополучно промышляющими, тунгусы должны были укрѣпляться въ чувствѣ независимости отъ «духовъ-господъ». Этотъ процессъ не могъ совершиться вдругъ и, конечно, не вполнѣ еще завершился; но, съ углубленіемъ и расширеніемъ новой стороны жизни, вліяніе шаманства должно все болѣе и болѣе ослабѣвать.

Раньше уже было сказано объ обычаѣ даренія продуктами промысловъ и о взаимной поддержкѣ тунгусовъ. Ослабленіе старыхъ промысловъ отразилось и на дареніи — ӈымāт'ѣ. По отношенію къ припасамъ и товарамъ, получаемымъ почти всецѣло отъ перевозочнаго промысла, ӈымāт не примѣняется. Вѣроятно, объясненіе этому нужно видѣть въ томъ, что продукты прежнихъ промысловъ считались, какъ дары неба, общественной собственностью; кромѣ того, и неустойчивость промысловъ дѣлала

необходимой поддержку другого на случай несчастья съ дарящимъ. Перевозочный промыселъ устраняетъ чувство зависимости отъ неба, дѣлаетъ экономическое положеніе болѣе опредѣленнымъ, выдвигаетъ личную инициативу, энергію и трудолюбіе на первый планъ и, вмѣсто взгляда на продукты промысла, какъ на даръ неба для всѣхъ, создаетъ неотъемлемую частную собственность.

Паденію ӈымāт'а должны были способствовать еще встрѣчи съ русскими и якутами. И тѣ и другіе были мало склонны отдаривать тунгусовъ, а давать, безъ надежды получить, было и несогласно съ обычаемъ и невыгодно. Мало-по-малу тунгусы переставали раздаривать русскимъ и якутамъ, — а разъ обычай, примѣнявшійся ранѣе ко всѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пересталъ примѣняться, то этимъ подрывалась и необходимость общаго его примѣненія: теперь находятся смѣльчаки, которые уже не дѣлятся и продуктами старинныхъ промысловъ.

Вліяніе старины на нравы тунгусовъ еще сильно: честность, вѣжливость, услужливость безъ униженія въ обращеніи съ посторонними, искренность и правдивость являются общими ихъ чертами. Стариковъ почитаютъ; при встрѣчахъ съ ними, въ знакъ почтенія, подаютъ двѣ руки, а не одну, какъ остальнымъ. Во время перекочевокъ за стариками ухаживаютъ; въ случаѣ болѣзни старика, останавливаются до тѣхъ поръ, пока онъ не выздоровѣетъ. На замѣчаніе, что есть народы, которые бросаютъ безнадежно больныхъ стариковъ въ дорогѣ, тунгусъ 1-го Эжанскаго рода Ив. Амосовъ отвѣтилъ: «скоты, плохіе люди! въ нашей странѣ такъ не дѣлаютъ».

Понятія о половой чистотѣ, повидимому, мало доступны тунгусамъ, хотя внѣбрачныя сношенія они считаютъ предосудительными и на появленіе внѣбрачныхъ дѣтей смотрятъ неодобрительно. Тѣмъ не менѣе, изъ описанныхъ тунгусовъ внѣбрачныхъ было 24 человѣка, то-есть 10% общаго количества. Опросъ о времени перваго сношенія показалъ, что изъ 89 супруговъ и холостыхъ 46 имѣли половыя сношенія до брака. Если принять во вниманіе, что не всѣ, особенно изъ женщинъ, нашли въ себѣ силу признаться въ грѣхахъ молодости, то количество «грѣшниковъ» придется считать гораздо выше 46. Наконецъ, слѣдуетъ припомнить и частыя нарушенія супружеской вѣрности. «Тунгусъ — бабникъ», — откровенно заявилъ тунгусъ Ѳедоръ Амосовъ, и съ нимъ невольно приходится согласиться. Женщины въ присутствіи мужчинъ, даже и постороннихъ, держатъ себя свободно, здороваются со всѣми за руку.

Изъ развлеченій тунгусовъ экспедиціей были отмѣчены пляска hо-цо и карты.

Пляска не сложна. Берутся за руки, образуя кольцо. Одинъ выкрикиваетъ hо-цо, остальные подхватываютъ, повторяя нѣсколько разъ произ-

несенное запѣвалой слово: одинъ разъ высокой нотой и второй — нѣсколько ниже; въ то же время поднимаютъ и опускаютъ сомкнутыя руки, отставляютъ лѣвую ногу и сдвигаютъ къ ней правую; иные правую ногу закладываютъ за лѣвую накрестъ. Движенія сильны; кружатся справа налѣво. Послѣ перваго слова выкрикивается второе, — и т. д., около десятка; слова подхватываются пляшущими и повторяются нѣсколько разъ. Такъ продолжается до «антракта», а потомъ вновь идетъ пляска съ повтореніемъ тѣхъ же словъ и тѣлодвиженій. Пляшутъ всегда ночью. Женщины принимаютъ участіе въ пляскѣ, но никогда не поютъ. По объясненію участвовавшихъ въ пляскѣ тунгусовъ, выпѣваемыя слова представляютъ изъ себя подборъ словъ, которыя и на якутскій языкъ непереводимы, да и съ тунгусскимъ почти не имѣютъ ничего общаго. Лишь послѣ выраженнаго недоумѣнія, какъ такое количество словъ не имѣетъ никакого значенія, тунгусъ Карамзинъ сталъ подбирать по звуковому сходству большею частью якутскія слова и рѣдко — тунгусскія, напримѣръ: hа́рэ — снѣгъ (якут. хаар), ӯга — вода (якут. ӯ), уруја — рѣчка (якут. ӱрӱjä), омоко — приходи (якут. käl) и др. Къ нѣсколькимъ словамъ Карамзинъ не могъ подобрать подходящихъ якутскихъ или тунгусскихъ [1]).

Артистами по пляскѣ hо-ҷо считаются удскіе тунгусы; пріаянскіе далеко отстаютъ отъ нихъ.

Музыкальные инструменты рѣдко встрѣчаются среди пріаянскихъ тунгусовъ. Изъ привозныхъ инструментовъ извѣстна гармоника (камус), которую покупаютъ у якутовъ. На камус'ѣ играютъ больше женщины, мужчины — рѣдко.

Частью развлеченіемъ, а больше — азартной игрой является игра въ карты. Изъ игръ извѣстны: ҷа̄тна — трынка, па̄рус трехъ сортовъ, остос — штосъ, устук — стуколка, ко̄сурка (въ 7 картъ), бо̀а̄т. Борьба съ азартными играми не приводитъ ни къ чему: игроки не слушаютъ старостъ и умѣютъ обходить законъ, заявляя, что играютъ не для наживы, а для развлеченія. Играютъ тунгусы и въ шашки.

Поднятіемъ духовной культуры тунгусовъ якутская администрація была озабочена очень мало. Въ 1885 году священникомъ Казнаковымъ на свои средства была основана въ Аянѣ школа. Она встрѣтила поддержку со стороны тогдашняго довѣреннаго Росс.-Американской Компаніи Филиппеуса, собрала около себя 14 учениковъ, но въ 1895 году, по смерти Филиппеуса, должна была закрыться за неимѣніемъ средствъ [2]).

1) Ср. Миддендорфъ, op. cit., стр. 708; Стефановичъ, op. cit., стр. 131—133; Слюнинъ, op. cit., стр. 367 и 368.

2) Слюнинъ, op. cit., стр. 513.

Изъ описанныхъ тунгусовъ грамотныхъ было только 2, да и для нихъ грамотность, при невозможности примѣнить ее, была совершенно безполезна. Вотъ единственный сохранившійся памятникъ просвѣтительной дѣятельности администраціи:

«Редакція Якутскихъ Областныхъ Вѣдомостей. 26 августа 1892 г., № 5126. Макагырскому родовому управленію. Госп. и. д. губернатора циркуляромъ отъ 28 декабря 1891 г. за № 3509, сообщая всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ объ изданіи съ разрѣшенія г. начальника края съ 1892 г. Якутскихъ Областныхъ Вѣдомостей, просилъ ихъ слѣдуемые за высылаемое изданіе Вѣдомостей 6 р. 50 к. въ непродолжительномъ времени внести въ Якутское Казначейство для зачисленія въ спеціальныя средства Областной типографіи»...[1]) Затѣмъ слѣдуетъ порученіе немедленно уплатить указанную сумму. Деньги были уплачены. Не только макагырцы, но и бродячіе кюрбюгдинцы должны были пріобщиться къ европейской культурѣ при помощи Областныхъ Вѣдомостей, внося «узаконенные» 6 р. 50 к. въ годъ. И это при отсутствіи не только грамотности, но и знакомства съ русскимъ языкомъ!

Съ перваго взгляда мысль объ устройствѣ среди пріаянскихъ тунгусовъ школы должна показаться неосуществимой. Школа, основанная въ 1885 г. въ Аянѣ, могла принимать дѣтей служащихъ у Россійско-Американской Компаніи, которые теперь выѣхали изъ Аяна. Начало трудового возраста, совпадающее у тунгусовъ чуть ли не съ принятымъ для школьнаго обученія возрастомъ, а также разбросанность тунгусовъ по промысловымъ мѣстамъ и подвижность ихъ дѣлаютъ, казалось бы, школьное обученіе невозможнымъ. Несомнѣнно, что эта мысль могла бы осуществиться съ большимъ трудомъ, но нѣтъ основаній утверждать, что осуществленіе ея невозможно. Зимой тунгусы группируются такъ, что въ одной юртѣ помѣщаются двѣ семьи, а иногда и три. Въ домахъ богатыхъ тунгусовъ живутъ всегда понѣсколько семействъ. Зимой, при возкѣ чая, перекочевки предпринимаются очень рѣдко. Этими обстоятельствами и можно бы было воспользоваться для устройства передвижной школы. Правильно поставленная школа имѣла бы огромное вліяніе не только на духовную, но и на экономическую жизнь тунгусовъ. Масса суевѣрій, мистически боязливое отношеніе ко всему живому (напримѣръ, къ бичу оленеводства — волкамъ), значительно сохранившійся и до сихъ поръ взглядъ на бѣдствія въ промысловой жизни, какъ на кары неба, являются несомнѣннымъ тормозомъ для поднятія экономическаго положенія, — а съ этимъ тормозомъ успѣшнѣе всего можетъ бороться правильно организованная школа.

---

1) Изъ архива майскаго тунгусскаго головы.

X.

О самоуправленіи и повинностяхъ.

Самой мелкой единицей тунгусскаго самоуправленія является родъ (наслегъ). Достаточно людный родъ объединяется подъ властью родоначальника, старшины. Изъ крупныхъ родовъ часто выдѣляются новые, иногда очень малые, роды: изъ 1-го Эжанскаго, напримѣръ, образовались роды Ӧнӧлӧ (3—4 души) и Солоӈон (2 души). Такіе мелкіе роды находятся подъ властью родоначальника большого рода, изъ котораго они выдѣлились.

Нѣсколько крупныхъ родовъ — два или три — имѣютъ общаго старосту, «князя». Изъ переписанныхъ родовъ общаго старосту имѣютъ макагырцы, 1-ый и 2-ой Эжанскіе роды и эжигенцы; затѣмъ, бытальцы и бётюнцы. Князь выбирается изъ одного какого-либо рода, по уговору между всѣми родами, избирающими общаго князя. Первая изъ указанныхъ выше группъ выбираетъ князя постоянно изъ макагырцевъ, вторая — изъ бытальцевъ.

Кромѣ князя, каждый родъ имѣетъ старшину, являющагося помощникомъ князя, а въ томъ родѣ, который избираетъ князя — замѣстителемъ послѣдняго. Выборъ князя производится на родовомъ собраніи. Въ выборахъ участвуютъ всѣ мужчины, достигшіе 25-лѣтняго возраста. Собранія обыкновенно бываютъ немноголюдны — человѣкъ 20. Выбывающій князь выставляетъ своего кандидата. Если тунгусы на немъ не сходятся, то выбираютъ другого. Выборъ производится словесной подачей голосовъ и рѣшается простымъ большинствомъ. При равенствѣ голосовъ дѣлается перебаллотировка. Меньшинство, въ концѣ концовъ, соглашается съ большинствомъ; жалобъ никогда не бывало.

Кандидатами на должность князя обычно выставляются зажиточные, родовитые и смѣтливые тунгусы. Первыя два качества преимуществуютъ передъ послѣднимъ, и если нѣтъ кандидата, который удовлетворялъ бы всѣмъ тремъ требованіямъ, то выбираютъ зажиточнаго и родовитаго, хотя бы онъ былъ и глуповатъ.

Избранный староста самъ уже выбираетъ старшинъ, своихъ будущихъ помощниковъ.

На обязанности старосты лежатъ: раскладка и сборъ податей, словесный разборъ жалобъ, попеченіе о бѣдныхъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы они запасали достаточное количество рыбы на пропитаніе. Старшины помогаютъ князю въ сборѣ податей, особенно если родъ разбросанъ. Старшина, замѣститель старосты, иногда разбираетъ менѣе важныя судебныя дѣла.

Приходящаяся на родъ сумма распредѣляется старостой между дѣйствительными плательщиками налоговъ.

Такъ какъ не только старинныя «сказки» о количествѣ плательщиковъ рода, но и новѣйшія данныя часто имѣютъ мало общаго съ дѣйствительностью, такъ какъ переселенія пріаянскихъ тунгусовъ въ сосѣдніе районы значительно уменьшали количество плательщиковъ, а сумма налоговъ оставалась неизмѣнной, то, въ концѣ концовъ, получились крайнее разнообразіе податной ставки для нѣкоторыхъ родовъ и зачастую — чрезмѣрная ея высота. Бродячіе инородцы, которые должны были бы платить только ясакъ въ размѣрѣ 2 руб. 60 коп. съ души, платятъ: 6 руб. 50 коп. — 1-е эжанцы и 6 руб. съ души — кюрбюгдинцы. «Кочевые» инородцы, которые оплачиваютъ, кромѣ ясака, и земскіе сборы, вносятъ въ годъ: макагырцы — 14 руб. 30 коп. и 2-ые эжанцы — 7 руб. 50 коп. съ души. Вполнѣ естественно, что между родами возникаетъ споръ о мальчикѣ, какъ это было между макагырцами и бытальцами: каждый мальчикъ сбавляетъ податную ставку съ родового плательщика.

Возрастъ плательщика опредѣляется работоспособностью члена рода. По Положенію объ инородцахъ, плательщиками должны бы быть мужчины въ возрастѣ 18—50 лѣтъ. Въ дѣйствительности же у пріаянскихъ тунгусовъ, въ силу родовой круговой поруки, податную повинность начинаютъ отбывать гораздо раньше, а кончаютъ позже. Макагырецъ Николай Карамзинъ платилъ подати за сына, когда послѣднему минуло 9 лѣтъ; макагырецъ Мартынъ Конюховъ платилъ половину оклада за пасынка 13 лѣтъ; бывали случаи, когда макагырцы платили даже за мальчиковъ 6 лѣтъ; макагырецъ Иванъ Зміевъ платилъ до 73 лѣтъ; макагырецъ Никифоръ Гермогеновъ — до 65 лѣтъ. Вообще, податной возрастъ въ дѣйствительности опредѣляется не законоположеніями, а послѣдней возможностью платить: «собираютъ, пока самъ не откажешь», — говорилъ Иванъ Зміевъ. Отказываются же въ самомъ крайнемъ случаѣ, такъ какъ, вмѣсто старика-отца или старшаго брата, послѣ отказа привлекутъ къ платежу сыновей или младшихъ братьевъ, хотя бы они и не достигли установленнаго закономъ возраста.

Платежъ податей, высокій по своимъ размѣрамъ и для средняго тунгуса, при его скромномъ бюджетѣ, особенно тяжелъ для бѣдняковъ. Тяжесть усиливается тѣмъ, что наличныхъ денегъ у большинства тунгусовъ не бываетъ, и, когда наступаетъ время уплаты, приходится обращаться къ тѣмъ же торговцамъ съ просьбой объ уплатѣ и съ обязательствомъ отработать долгъ. Въ 1903 году 14 макагырскихъ семействъ просили торговца Харитонова уплатить за нихъ подати, обязуясь разсчитаться возкой чая.

Только бытальцы, по словамъ макагырскаго старосты, освобождаютъ бѣдняковъ отъ уплаты податей; въ остальныхъ родахъ бѣдняки платятъ

наравнѣ съ богатыми. Немудрено, что податное бремя зачастую окончательно подкашивало хозяйство тунгуса: «подати насъ убиваютъ! отчего онѣ такъ велики?» — жаловался Евсевій Гаузинъ.

Особенно тяжело обложенъ податями Макагырскій родъ. По совершенно непонятнымъ причинамъ макагырцы были перечислены изъ бродячихъ въ кочевые. Это перечисленіе изъ низшаго въ болѣе культурный разрядъ, прежде всего, сопровождается повышеніемъ податей: кромѣ ясака, начинаютъ взыскивать земскіе сборы и расходы по содержанію степного управленія. Выше мы уже видѣли, что макагырцы ни въ промысловой жизни ни въ передвиженіяхъ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ родовъ, считающихся бродячими: 1-го Эжанскаго и Кюрбюгдинскаго. Признаки, характеризующіе бродячихъ инородцевъ: «. . . не имѣютъ никакой осѣдлости, переходятъ съ одного мѣста на другое по лѣсамъ и рѣкамъ, или урочищамъ, для звѣроловнаго и рыболовнаго ихъ промысла, отдѣльными родами или семействами»[1]), вполнѣ подходятъ къ макагырцамъ. Услугами инородной Майской управы они не пользуются. Вмѣстѣ съ бродячимъ 1-мъ Эжанскимъ родомъ они имѣютъ общаго старосту, который обладаетъ всѣми правами и властью обѣихъ степеней степного управленія (Родового Управленія и Инородной Управы), а такой способъ управленія соотвѣтствуетъ 65 ст. Положенія объ инородцахъ, относящейся именно къ *бродячимъ* инородцамъ. Всѣ данныя, такимъ образомъ, говорятъ за то, что перечисленіе макагырцевъ изъ бродячихъ въ кочевые и обложеніе ихъ податьми наравнѣ съ послѣдними является вопіющей несправедливостью, которую пора бы и устранить.

Общая неравномѣрность и высота обложенія также являются ненормальностью. Основной причиной ея служитъ круговая порука, возлагаемая на каждый родъ, а также застывшая на моментѣ 10 народной переписи статистика плательщиковъ. Если даже администрація областей Якутской и Приморской не можетъ справиться съ переселяющимися за черту области тунгусами; если староста не только не можетъ удержать въ опредѣленномъ районѣ подчиненныхъ ему сородовичей, но и не знаетъ ихъ количества, то тѣмъ болѣе невозможно заставлять рядовыхъ тунгусовъ расплачиваться за ушедшихъ отъ нихъ плательщиковъ, а еще болѣе невозможно, въ случаѣ уменьшенія рода отъ высокой смертности, заставлять платить за «мертвыя души», указанныя въ 10 переписи, способствуя дальнѣйшему вымиранію рода повышеніемъ податной ставки.

Для устраненія этой ненормальности необходимо снять съ тунгусовъ круговую поруку и, кромѣ того — въ трудные для нихъ годы: при сильномъ падежѣ оленей, плохихъ промыслахъ — давать льготы по уплатѣ по-

1) Ст. 3 Положенія объ инородцахъ.

датей. Въ архивѣ Майскаго головы сохранились документы, освѣщающіе отношеніе Якутской администраціи до 1903 г. къ тунгусамъ, какъ къ плательщикамъ налоговъ: «Предлагаю Вамъ, — писалъ земскій засѣдатель Кугаевскій Майскому головѣ, — озаботиться взысканіемъ податей съ Макагырскаго, 1-го Эжанскаго и Кюрбюгдинскаго тунгусскихъ родовъ, причемъ, въ случаѣ какой-либо задержки старостами податей въ размѣрѣ, превышающемъ $^1/_3$ годового оклада, имѣете право примѣнить мѣру, указанную во 2 п. 620 ст. уст. о прям. налогахъ, т.-е. личное задержаніе»[1]). А вотъ и еще лучше: «Въ виду строгихъ обращеній ко мнѣ областного начальства о безнедоимочномъ пополненіи податей и повинностей, настоятельно требую отъ Васъ и родовыхъ властей неукоснительно принять самыя рѣшительныя мѣры къ взысканію съ тунгусовъ недоимки въ количествѣ 2.713 р. 94 к., *хотя бы даже эти мѣры выразились въ описи и продажѣ скота и вообще имущества недоимщиковъ или въ отобраніи у нихъ покосныхъ участковъ и отдачѣ таковыхъ въ аренду другимъ* за уплату для погашенія недоимки»[2]). Каково положеніе тунгусовъ, какъ можетъ отразиться на хозяйствѣ «неукоснительное» взиманіе съ нихъ палоговъ, — объ этомъ не спрашиваютъ; областное начальство строго требуетъ, и этого достаточно, хотя бы нѣкоторыхъ недоимщиковъ пришлось пустить по міру.

Въ заключеніе нельзя не сказать еще о крайней ненормальности въ сферѣ административнаго дѣленія востока Якутской области.

Пріаянскіе тунгусы принадлежатъ къ Майскому вѣдомству. Вмѣстѣ съ майскими тунгусами они объединяются властью Майскаго тунгусскаго головы. Въ выборѣ послѣдняго пріаянскіе тунгусы участія не принимаютъ за дальностью разстоянія. Это одно показываетъ, какъ ничтожна ихъ связь съ главнымъ пунктомъ Майскаго вѣдомства. Сознавая оторванность отъ Усть-Маи, макагырцы, первые, вторые и третьи эжанцы, жившіе близъ Аяна, въ 1886 и 1887 гг. избрали своего голову и ходатайствовали передъ якутской администраціей объ отдѣленіи ихъ въ особое Аянское вѣдомство. Ихъ просьбу отклонили на томъ основаніи, что отдѣленіе можетъ сдѣлать невозможнымъ исполненіе подводной натуральной повинности на юговостокѣ теперешняго Майскаго вѣдомства. Нынѣ это соображеніе падаетъ, такъ какъ еще приговоромъ отъ 8 іюля 1900 года майскіе тунгусы рѣшили перевести всѣ натуральныя повинности на денежныя[3]). Мѣстныя же условія — ото-

---

1) Бумага отъ 9 марта 1902 г. Изъ дѣлъ Майскаго тунгусскаго головы.
2) Бумага отъ 8 іюня 1902 г. № 867. Изъ дѣлъ Майскаго тунгусскаго головы.
3) Изъ архива Майскаго тунгусскаго головы.

рванность отъ Усть-Маи и своеобразіе экономической жизни — дѣлаютъ образованіе особаго Аянскаго вѣдомства необходимымъ.

Далѣе. Пріаянскіе тунгусы числятся въ Майскомъ вѣдомствѣ Якутской области, а занимаютъ территорію Приморской области. Положеніе Аяна — обратное: онъ имѣетъ гораздо больше сношеній съ Якутскомъ, чѣмъ съ Владивостокомъ и, тѣмъ болѣе, съ Хабаровскомъ, а числится въ Приморской области. Это обстоятельство уже въ 1886 году обратило на себя вниманіе тогдашняго якутскаго губернатора Свѣтлицкаго, который писалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири гр. Игнатьеву: «Охотскъ съ округомъ и Аянъ цѣлесообразнѣе было бы включить въ Якутскую область: у Якутска съ Охотскомъ — ежемѣсячныя сообщенія, а съ Хабаровскомъ — одинъ разъ въ годъ на пароходахъ; Аянъ съ Приморской областью сношеній не имѣетъ»[1]). Неизвѣстно, каковъ былъ отвѣтъ и былъ ли онъ; но положеніе осталось прежнимъ.

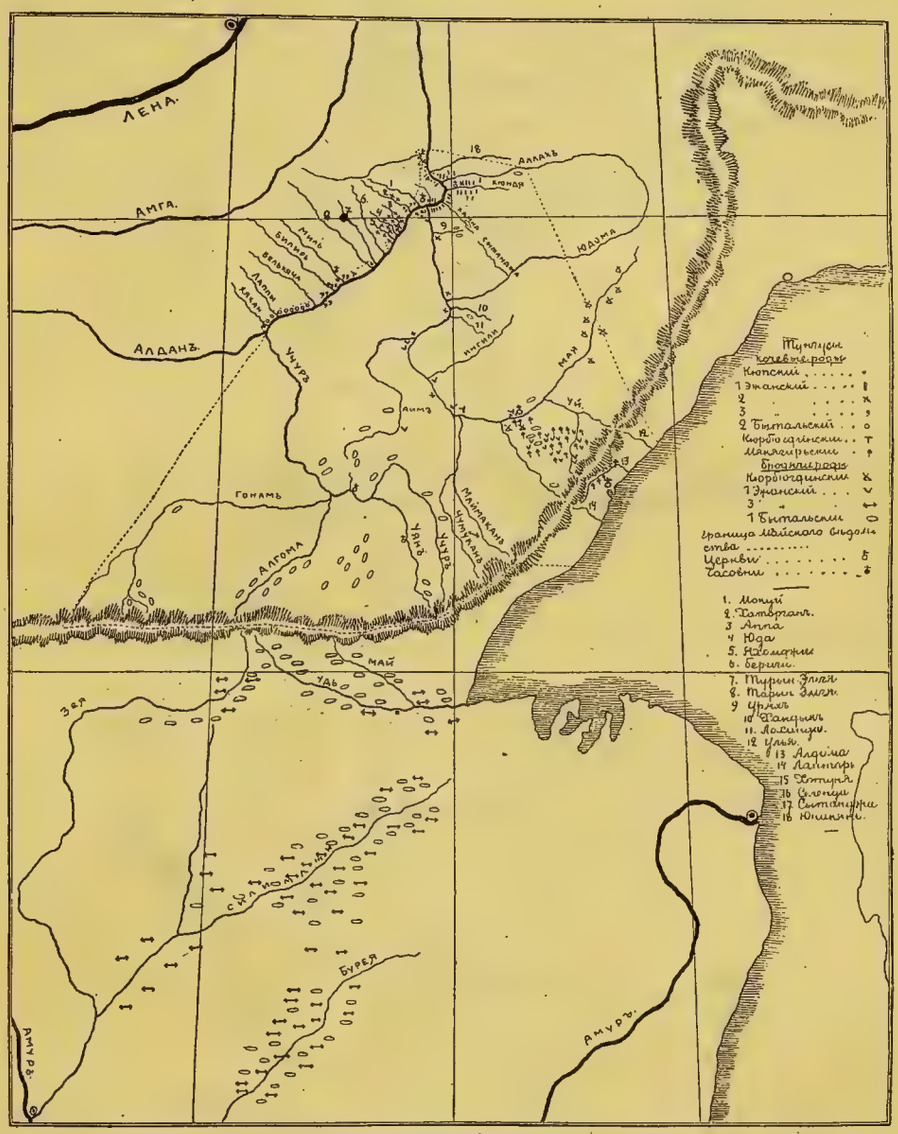
Въ ближайшемъ будущемъ значеніе Аяна, очевидно, будетъ увеличиваться. Недавно открытые золотые пріиски, движеніе чайныхъ грузовъ, устройство аянскаго тракта, къ которому такъ упорно стремятся якутская администрація и купечество, несомнѣнно, повысятъ торговое значеніе Аяна, возвратятъ его къ былымъ временамъ Россійско-Американской Компаніи. Въ лѣтнее время вести сношенія съ Аяномъ удобнѣе было бы изъ Владивостока морскимъ путемъ, но на долгіе зимніе мѣсяцы (8—9), при полной невозможности сухопутныхъ сношеній съ Хабаровскомъ или Владивостокомъ, Аянъ оказался бы оторваннымъ. Времена же Россійско-Американской Компаніи указываютъ на то, что между Якутскомъ и Аяномъ зимою возможно и правильное почтовое сношеніе. И если уже теперь распредѣленіе территоріи между Якутской и Приморской областями оказывается нецѣлесообразнымъ, то въ будущемъ, при установленіи болѣе прочныхъ сношеній Якутска съ Аяномъ, нецѣлесообразность нынѣшняго распредѣленія станетъ еще болѣе очевидной.

---

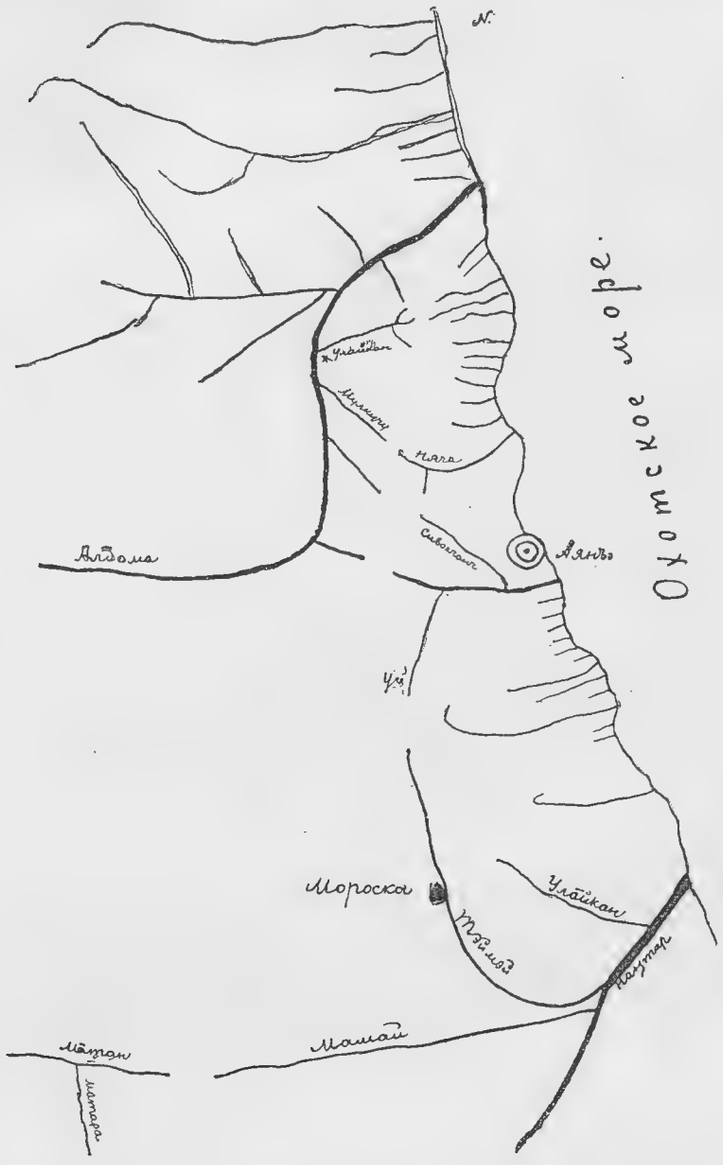
1) Изъ архива Якутскаго областного статистическаго комитета.

Карта лѣтнихъ кочевокъ тунгусовъ Майскаго вѣдомства, Якут. окр., составленная свящ. В. Мальцевымъ.

Карта зимнихъ кочевокъ тунгусовъ Майскаго вѣдомства, Якут. окр., составленная свящ. В. Мальцевымъ.



Карта охотскаго побережья, нарисованная тунгусомъ-проводникомъ Львомъ Ивановымъ.



Примѣчаніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторъ карты видѣлъ производство маршрутной съемки и, вѣроятно, и русскую карту. На это указываетъ обозначеніе города Аяна кружкомъ.

Принимая, однако, во вниманіе, что со времени, когда Ивановъ могъ видѣть карту у инженера В. Е. Попова, до нарисованія этой карты про-

шло, по крайней мѣрѣ, два мѣсяца, трудно предположить, чтобы она могла быть исключительно результатомъ запечатлѣнныхъ зрительныхъ воспоминаній и не базировалась на знаніи мѣстности. Я даже склоненъ думать, что схематическая карта пройденнаго экспедиціей пути была составлена не безъ участія Иванова, служившаго въ качествѣ работника у старосты Вас. Карамзина и вмѣстѣ съ нимъ сопровождавшаго экспедицію во время маршрутной съемки. Несмотря на то, что нельзя выяснить, насколько данная карта является результатомъ оригинальнаго творчества ея автора, я рѣшилъ ее приложить, чтобы, главнымъ образомъ, охарактеризовать точность сообщаемыхъ въ «Очеркахъ» свѣдѣній, ибо значительную часть собраннаго матеріала я добылъ при содѣйствіи Льва Иванова. *Э. П.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе 1

I. Къ исторіи пріаянскаго края 3

II. Промыслы пріаянскихъ тунгусовъ:

а) Возка чая 9

б) Оленеводство 19

в) Рыболовство 39

г) Морской промыселъ 50

д) Звѣроловство и охота 58

е) Собаководство 64

ж) Домашнія работы и наемный трудъ 66

III. Общій взглядъ на промыслы и ихъ значеніе 70

IV. Матеріальный бытъ 72

V. Итоги хозяйственной жизни 85

VI. Кочевки тунгусовъ 91

VII. Составъ населенія 98

VIII. Семейный бытъ 106

IX. О вѣрованіяхъ и нравахъ 111

X. О самоуправленіи и повинностяхъ 119

Сборникъ Музея по Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ.

Publications du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.

Изданы.

Томъ I.

I. **Fr. Russow.** Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Zusammengestellt und mitgetheilt von Fr. Russow. 1900. I+III+XX+154+I S. gr. 8°. Ц. 1р. 60 к.=4 Mk.

II. **В. Г. Богоразъ.** Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленный на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти. Съ 25 табл. 1901. II+66+I стр. gr. 8°. Ц. 3 р. 20 к.=8 Mk.

III. **С. Ф. Ольденбургъ.** Матеріалы по буддійской иконографіи. 1. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Майтреи. 2. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Майтреи въ Тибетѣ. 3. Японская статуетка Авалокитешвары. Съ 6 таблицами. 1901. II+10 стр. gr. 8°. Ц. 40 к.=1 Mk.

IV. **С. Ф. Ольденбургъ.** Матеріалы по буддійской иконографіи. 4. Альбомъ буддійскихъ изображеній Казанской Духовной Академіи. 5. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ бодисатвъ. 6. Объ одномъ гандхарскомъ рельефѣ съ изображеніемъ царя преисподней Яма. 7. Къ вопросу объ изображеніяхъ Куверы съ ихневмономъ (накула). Съ 6 таблицами. 1903. II+15 стр. gr. 8°. Ц. 40 к.=1 Mk.

V. **А. Д. Рудневъ.** Замѣтки о техникѣ буддійской иконографіи у современныхъ зурачиновъ (художниковъ) Урги, Забайкалья и Астраханской губ. Съ 1 таблицей. 1905. 15 стр. gr. 8°. Ц. 50 к.=1 Mk.

VI. **П. С. Поповъ.** Китайскій пантеонъ. Съ 10 таблицами. 1907 II+XII+88 стр. gr. 8°. Ц. 1 р. 25 к.=2 Mk. 50 Pf.

VII. **В. И. Каменскій.** «Чортово городище» въ Ветлужскомъ уѣздѣ по раскопкамъ 1908 г. Съ 6 табл. 1909. 12 стр. gr. 8°. Ц. 45 к.=1 Mk.

VIII. **В. Н. Васильевъ.** Шаманскій костюмъ и бубенъ у якутовъ. 1910. IV+47 стр. gr. 8°. Ц. 1 р. 25 к.=2 Mk. 80 Pf.

IX. **М. С. Андреевъ и А. А. Половцовъ.** Матеріалы по этнографіи Иранскихъ племенъ средней Азіи. Ишкашимъ и Ваханъ. Съ 6 таблицами. 1911. VI+41 стр. gr. 8°. Ц. 80 к.=1 Mk. 75 Pf.

X. **Е. Л. Петри.** Ѳедоръ Карловичъ Руссовъ. Первый Ученый хранитель Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Съ 1 портр. 1911. IV+8 стр. gr. 8°. Ц. 25 к.=50 Pf.

XI. **И. В. Вербургтъ.** Замѣтка о пребываніи Имп. Петра Великаго близъ рѣки «Vecht» въ Голландіи. 1911. IV+4 стр. gr. 8°. Ц. 15 к.=30 Pf.

XII. **Н. И. Воробьевъ.** Опись собранія буддійскихъ статуетокъ, пріобрѣтенныхъ въ Сіамѣ въ 1906 г. Съ 4 табл. 1911. IV+II+29 стр. gr. 8°. Ц. 1 р. 25. к.=2 Mk. 75 Pf.

XIII. Д-ръ Мед. **К. З. Яцута.** Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Вып. I. Симметричные близнецы. Асимметричные близнецы. 1912. IV+I+45 стр. gr. 8°. Ц. 85 к.=1 Mk. 90 Pf.

XIV. **Θ. Литвиновъ.** Къ вопросу, въ какой палатѣ скончался Императоръ Петръ Великій. 1913. III + 19 стр. gr. 8⁰. Ц. 65 к. = 1 Mk. 50 Pf.

XV. **Д-ръ Мед. К. З. Яцута.** Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Вып. II. Янусовидные уроды. 1913. — Cephalothoracopagi. IV + I + 58 стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. = 2 Mk. 25 Pf.

XVI. **В. М. Іоновъ.** Орелъ по воззрѣніямъ якутовъ. I. Почитаніе орла у Якутовъ II. Пѣсня о наступленіи года. VI + 28 стр. gr. 8⁰. Ц. 45 к. = 1 Mk.

XVII. **Л. Я. Штернбергъ.** Культъ орла въ сравнительномъ фольклорѣ. (Печатается).

Томъ II.

I. **Э. К. Пекарскій и В. П. Цвѣтковъ.** Очеркъ быта пріаянскихъ тунгусовъ. Съ 4 картами и одной таблицей. IV + 127 + I стр. gr. 8⁰. Ц. 1 р. 35 к. = 3 Mk.

Цѣна: 1 р. 35 коп. Prix: 3 Mrk.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея коммиссіонеровъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фосъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasunov et C. Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikov à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Ogloblin à St.-Pétersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.

КТМ23929/101